

МОРТИМЕР АДЛЕР

АРИСТОТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕХ

СЛОЖНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ
ИДЕИ ПРОСТЫМИ
СЛОВАМИ

Annotation

Эта книга познакомит вас с идеями Аристотеля – одного из самых глубоких и влиятельных ученых и философов в истории, «отцом» всех последующих философских традиций. Знаменитый популяризатор науки Мортимер Адлер на страницах этой книги в очередной раз демонстрирует нам, что настоящая философия может быть очень полезна в реальном мире. Книга написана так просто, что ее поймет любой – и не просто поймет, но и получит большое удовольствие от чтения. Здесь вы не найдете пространных рассуждений: все главы связаны между собой и вместе позволяют сформировать понимание идей Аристотеля и философии в целом.

Это книга для всех, кто интересуется философией и хотел бы ознакомиться с идеями великого мыслителя в доступной и интересной форме.

На русском языке публикуется впервые.

- [Мортимер Адлер](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Введение](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть III](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Часть IV](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
- [Часть V](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
- [Эпилог](#)
 -
 - [Часть I. Универсум рассуждений Аристотеля: его категории и классификация \(Человек – философское животное\)](#)
 - [Глава 1. Четырехкратная классификация Аристотеля разумных, материальных субстанций: неорганические объекты, растения, животные, люди \(Философские игры\)](#)
 - [Глава 2. Многообразие существ: десять категорий \(Классификация физических объектов\)](#)
 - [Глава 3. Продуктивное, практическое и теоретическое мышление, или разум \(Три измерения человека\)](#)
 - [Часть II. Аристотелевская философия природы и искусства \(Человек-создатель\)](#)
 - [Глава 4. Природа как художник и человек-художник как имитатор природы \(Робинзон Крузо Аристотеля\)](#)
 - [Глава 5. Три основных вида случайного изменения: места, качества и количества \(Изменение и постоянство\)](#)
 - [Глава 6. Учение Аристотеля о четырех причинах: действующая, материальная, формальная и конечная \(Четыре причины\)](#)
 - [Глава 7. Дальнейшее развитие теории возможности и действительности, материи и формы, особенно по отношению к существенным изменениям, или возникновению и уничтожению \(Быть или не быть\)](#)
 - [Глава 8. Аристотелевский анализ интеллектуальных факторов в творческом производстве и классификация искусств \(Продуктивные идеи и умения\)](#)

- Часть III. Моральная и политическая философия Аристотеля (Человек-деятель)
 - Глава 9. Цель как первый принцип практического мышления и использование средств как начало действий: цель как первое в порядке намерения и последнее в порядке исполнения (Размышление о целях и средствах)
 - Глава 10. Счастье как то, что не оставляет желать ничего лучшего, и, таким образом, как последняя цель, к которой следует стремиться (Жизнь и хорошая жизнь)
 - Глава 11. Аристотелевское разделение действительных и кажущихся благ, или блага, которые следует желать, и блага, желаемые на самом деле; различие естественных и приобретенных желаний (Хорошее, лучшее, наилучшее)
 - Глава 12. Действительные блага, являющиеся составными частями совокупных благ, которые составляют счастье; моральная добродетель как необходимое качество для стремления к счастью (Как стремиться к счастью)
 - Глава 13. Моральная добродетель и удача как два неотъемлемых действующих фактора в стремлении к счастью (Хорошие привычки и удача)
 - Глава 14. Обязанности человека по отношению к счастью других и по отношению к благосостоянию организованного сообщества (Что другие имеют право ожидать от нас)
 - Глава 15. Роль государства в помощи людям в их стремлении к счастью (Что мы имеем право ожидать от других и от государства)
- Часть IV. Психология, логика и теория познания Аристотеля (Человек-мыслитель)
 - Глава 16. Чувства и интеллект: восприятие, память, воображение и понятийное мышление (Что приходит на ум и что из него выходит)
 - Глава 17. Непосредственный вывод и силлогистические размышления (Немного о логике)
 - Глава 18. Теоретическая и практическая истина (Говоря и думая правду)

- [Глава 19. Теория познания и различие между знанием и правильным мнением \(Вне разумных сомнений\)](#)
- [Часть V. Космология и теология Аристотеля \(Сложные философские вопросы\)](#)
 - [Глава 20. Действительная и потенциальная бесконечность \(Бесконечность\)](#)
 - [Глава 21. Вечность мира и вечность движения или изменения \(Вечность\)](#)
 - [Глава 22. Нематериальность человеческого интеллекта: понятийное мышление как отделение формы от материи \(Нематериальность разума\)](#)
 - [Глава 23 Перводвигатель: божественные существа как чистая действительность \(Бог\)](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Мортимер Адлер Аристотель для всех. Сложные философские идеи простыми словами

**Mortimer J. Adler
Aristotle for everybody
Difficult thought made easy**

Издано с разрешения TOUCHSTONE, a division of SIMON & SCHUSTER Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg

*Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма
«Вегас-Лекс»*

© 1978 by Mortimer J. Adler

© Перевод, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

* * *

Предисловие

Когда мне в голову пришла идея написать эту книгу, я думал назвать ее «Аристотель для детей». Но эти заголовки не смогли бы точно определить аудиторию, на которую рассчитано это простое и легко читаемое толкование философии здравого смысла^[1] Аристотеля. Я чувствовал, что в круг читателей войдут *все*: люди любого возраста, от двенадцати или четырнадцати лет и старше. Исходя из этого, было выбрано название и подзаголовок «Трудное учение, ставшее легким», а также утверждение, что эта книга представляет собой *введение в здравый смысл*.

Когда я говорю «все», я имею в виду всех, *кроме* профессиональных философов; другими словами, любого человека с обычным жизненным опытом и интеллектом, не испорченным изощренностью и специфичностью академической мысли. Тем не менее я добавил эпилог, который окажется весьма полезным студентам философских факультетов, решивших прочесть эту книгу, поскольку он представляет собой руководство по чтению трудов Аристотеля на основе тем, приведенных в этой книге.

Прошлым летом в Аспене двое моих сыновей, Дуглас и Филипп (тринадцати и одиннадцати лет соответственно), читали части рукописи по мере их появления из печатной машинки. Я благодарен им за их энтузиазм и предложения.

Я выражаю свою признательность и Розмари Барнс, которая тогда же прочла всю рукопись и высказала свои критические замечания, а также моим коллегам из Института философских исследований, которые делились со мной полезными советами: Джону Ван Дорену, Отто Берду и Чарльзу Ван Дорену. Незадолго до отправки рукописи в печать моя жена Каролин полностью прочла ее и внесла свои предложения по улучшению книги, за что я благодарен ей.

И, конечно же, я в большом долгу перед моим редактором, Марлис Аллен, за ее неустанные усилия на каждом этапе создания этой книги.

Мортимер Адлер,

Чикаго,

28 декабря 1977 г.

Введение

Почему Аристотель?

Почему для всех?

И почему толкование Аристотеля для всех является введением в здравый смысл?

Я лучше отвечу на эти три вопроса после того, как отвечу на один другой. Почему философия? Почему каждый должен научиться думать философски: как ставить проницательные вопросы, которыми обычно задаются только дети и философы и на которые философы иногда могут дать ответы?

Я давно придерживаюсь мнения, что философия является делом каждого – но не для того, чтобы получить больше информации о мире, нашем обществе и о нас самих. Для этого лучше бы обратиться к естественным и общественным наукам и к истории. Польза философии в другом: она помогает нам понять то, что мы уже знаем, но понять это лучше, чем сейчас. Вот поэтому я считаю, что каждый человек должен научиться думать философски.

Для этой цели нет лучшего учителя, чем Аристотель. Я смело рекомендую его как первого учителя. Другой учитель, которого я мог бы выбрать, – это Платон, но, на мой взгляд, он все-таки второй лучший. Платон поднимает почти все вопросы, с которыми должен столкнуться человек; Аристотель поступает так же, но, кроме того, он дает на них более ясные ответы. Платон научил Аристотеля мыслить философски, но Аристотель так хорошо усвоил его уроки, что превзошел своего учителя.

Поскольку мы хотим научиться мыслить, как Аристотель, то, что думал Аристотель, для нас важнее, чем то, кем он был и как он жил. Между нами лежат века и глобальные перемены в мире, и условия жизни и общество времен Аристотеля часто кажутся нам странными. Но, как я постараюсь объяснить вам, это не делает странными стиль или суть его размышлений.

Аристотель родился в 384 г. до н. э. в македонском городе Стагира на северном побережье Эгейского моря. Его отец служил придворным врачом короля Македонии. Внуком короля был Александр Великий, для которого Аристотель впоследствии стал наставником и другом.

В возрасте восемнадцати лет Аристотель поселился в Афинах и поступил в Академию Платона на факультет философии. Аристотель

быстро стал для Платона самым раздражающим студентом, который ставил под сомнение всё, чему учил Платон, и открыто не соглашался с ним. Когда Платон умер, а Александр стал правителем Греции, Аристотель открыл собственную школу – Ликей. Это произошло в 335 г. до н. э.

В Ликее была прекрасная библиотека, обширная коллекция карт и зоопарк, в котором Аристотель собирал образцы представителей животного мира. Говорят, что некоторых ему отправлял Александр из завоеванных им стран. Когда в 323 г. до н. э. Александр умер, Аристотель сослал себя из Афин на один из островов Эгейского моря. Там он и скончался год спустя в возрасте шестидесяти трех лет.

Аристотель жил в обществе, в котором граждане имели свободное время, чтобы насладиться приятными занятиями, потому что у них были рабы, заботившиеся об их домах и делавшие всю черную работу. Кроме того, это было общество, в котором женщины занимали более низкое положение. Платон, высказывая свое видение институтов идеального государства, говорил, что все государственные посты, кроме должности военного руководителя, должны быть открыты для женщин, поскольку он считал, что мужчины и женщины в сущности равны; но Аристотель поддерживал более распространенное мнение своего времени о неполноценности женщин.

Немного позже я подробнее расскажу о мнении Аристотеля по отношению к рабству и женщинам. Сейчас же я хочу отметить, что, используя слова «человек», «люди» и «человечество»^[2], я подразумеваю следующее: в своем общем смысле они относятся к обоим полам, а не только к мужской части населения, и я ни в коем случае не разделяю мнение Аристотеля о женщинах. Напротив, в этом вопросе я платонист.

Некоторые люди считают недостатком то, что Аристотель жил в древние времена. Им кажется, что было бы лучше выбрать в качестве учителя кого-то живущего в наши дни: кого-то, кто знаком с нынешним миром, кто знает то, что современная наука открыла о нем. Я не согласен с ними.

Несмотря на то что Аристотель был греком, жившим двадцать пять столетий назад, он был достаточно осведомлен об основных характеристиках мира, в котором обитаем и мы, чтобы говорить о нем, как будто он жил в новое время. Выступая в качестве помощника в нашей учебе мыслить философски, Аристотель не стал бы лучшим наставником, даже если бы он имел представление обо всех современных открытиях.

Стремясь понять природу, общество и человека, Аристотель начал с того места, откуда должен начинать каждый: с того, что он уже знал в свете

его обычного, повседневного жизненного опыта.

Его мышление использует понятия, которыми обладаем все мы, не потому что нас этому учили в школе, а потому что они являются обыкновенным запасом человеческих мыслей ни о чем и обо всем.

Иногда мы обращаемся к этим понятиям как к нашему здравому смыслу. Это понятия, сформировавшиеся как следствие *общего опыта*, который мы получили в ходе нашей повседневной жизни, не прилагая со своей стороны каких-либо усилий по его изысканию. Этот опыт есть у всех нас только потому, что мы пребываем в состоянии бодрствования и в сознании. Кроме того, мы способны выразить его в общих словах, используемых нами в повседневной речи.

Простите меня за повторение слова «общий». Не в силах избежать его, я должен сделать акцент на этом слове, потому что его значение лежит в основе моей аргументации. Не всё является общим. Есть множество вещей, которые мы называем нашими собственными, но также существуют вещи, признаваемые не исключительно нашими. Мы делимся ими с другими: это, например, книги, которые прочитали наши друзья, или фильмы, понравившиеся кому-то из нас, или дом, разделенный между членами живущей в нем семьи.

То, чем мы делимся, является общим. Есть множество вещей, которые делят между собой разные группы людей. Общего для всех нас гораздо меньше, но оно существует потому, что все мы люди. И именно в этом последнем, всеохватывающем смысле я использую слово «общий», говоря об общем опыте и общих убеждениях или общем чувстве, то есть здравом смысле.

Наши представления, основанные на здравом смысле, выражаются в таких словах, как «вещь», «тело», «разум», «изменение», «причина», «часть», «целое», «один», «много» и так далее. Большинство из нас уже в течение длительного времени, еще с молодости, пользуются этими понятиями. Мы начали прибегать к ним, чтобы говорить об опыте, который есть у каждого из нас: о вещах, изменяющихся или неизменных, о росте растений, о рождении и смерти животных, о том, как мы садимся и встаем, как ложимся спать, спим и просыпаемся, о боли и страданиях, о том, что мы едим, как тренируем свое тело и как принимаем решения.

Я мог бы продолжить этот список общего опыта так же, как я мог бы расширить список наших общих слов и общих понятий. Но даже без этих дополнений должно быть ясно, что слова, опыт и понятия, о которых я говорил, являются общими, а не только вашими, или моими, или чьими-то еще.

Напротив, явления, анализируемые учеными в лабораториях, или то, что исследователи наблюдают в экспедициях, относятся к очень специальному опыту. Мы узнаем о них из докладов, но, как правило, мы не можем испытать их самостоятельно.

Со времен Аристотеля люди научились многому, в основном за счет открытий современной науки. Прикладные науки создали мир и образ жизни, который очень отличается от мира и образа жизни Аристотеля. У Аристотеля не было автомобиля, он не мог говорить по телефону и никогда не видел то, что можно увидеть через микроскоп или телескоп, он не знал, что представляет собой поверхность Луны, и никогда не слышал описание ее поверхности от человека, ходившего по ней. Но в своей повседневной жизни у Аристотеля был тот же опыт, что есть у нас. Сделанные им умозаключения помогли понять ему свой жизненный опыт лучше, чем мы понимаем свой.

Это и только это является причиной, по которой Аристотель поможет нам лучше осознать этот общий опыт, себя и наши жизни, а также мир и общество, в котором мы живем, хотя наш образ жизни, наш мир и наше общество отличаются от аристотелевских.

Размышления Аристотеля *начинаются* с общего опыта, но *не заканчиваются* им. Они идут гораздо дальше. Они добавляются к общему опыту и окружают его скрытыми идеями и о том, что совсем не является общим. Его понимание вещей глубже нашего, а иногда оно взлетает еще выше. Одним словом, Аристотель говорит о *необщем* общем опыте.

И в этом заключается значительный вклад Аристотеля для каждого из нас. В этой книге я попытаюсь сделать так, чтобы нам было проще понять его *необщий* общий опыт. А если его будет проще понять, может, он даже станет менее необщим.

Часть I

Человек – философское животное

Глава 1

Философские игры

Многие из нас играли в две игры, не понимая, что при этом мы были на пути к становлению философами. Первая называется «Животное, растение, минерал», а вторая – «Двадцать вопросов»^[3].

Обе игры заключаются в задавании вопросов. Однако их философская составляющая в другом: в том, что стоит за вопросами – набор категорий, схема классификации. Классификация вещей, определение их к той или иной категории – процесс знакомый. Так или иначе, любой человек делает это: владельцы магазинов, когда проводят инвентаризацию товаров на полках, библиотекари, составляя каталоги книг, секретари, раскладывая по папкам письма или документы. Но когда объекты, подлежащие классификации, являются частью физического мира или даже больше – вселенной, включающей в себя физический мир, тогда на арену выходит философия.

Иногда в «Животное, растение, минерал» и «Двадцать вопросов» играют так, будто это одна и та же игра. Это происходит, когда первый из двадцати вопросов звучит как «Это животное, растение или минерал?», чтобы выяснить, к какой из этих трех больших категорий, или классов физических предметов, относится загаданный объект. Но только немногие объекты, о которых мы думаем, являются физическими предметами. К примеру, если загадана геометрическая фигура (например, круг), или число (например, корень квадратный из минус одного), или один из греческих богов (Зевс, Аполлон или Афина), вопрос о том, является ли объект животным, растением или минералом, не даст или, по крайней мере, не должен дать ответа.

Игра в двадцать вопросов, когда она не начинается с вопроса «Это животное, растение или минерал?», связана с угадыванием любого объекта, который может загадать любой человек. Этот объект не ограничивается только физическими вещами. Из двух игр «Двадцать вопросов» скорее приведет нас к философскому мышлению, хотя мы можем даже не осознавать этого. Чтобы понять это, нам и понадобится помощь Аристотеля.

Классификация была одним из умений, в которых Аристотель преуспел. Другим его умением стало мастерство ставить вопросы. Философское мышление начинается с вопросов – вопросов, на которые

можно ответить на основании нашего обычного, повседневного опыта. А размышления об опыте приводят к обострению и уточнению нашего здравого смысла.

Животное, растение или минерал – это очень грубое деление вещей, с которыми мы сталкиваемся в физическом мире, на три категории. Но мы свободно пользуемся словом «минерал» для обозначения всех физических объектов, которые оказываются с одной стороны грани, разделяющей живые организмы и неодушевленные предметы: кусты роз и стаи мышей от палки и камня. Не всё неодушевленное является минералом вроде золота или серебра, извлекаемых из месторождений в земле. Некоторые являются горными породами, обнаруженными на поверхности земли или в ее недрах; иные – другими формами вещества в жидком или газообразном состоянии.

В категории неживых, или неодушевленных, предметов, которые мы свободно относим к понятию «минерал», Аристотель заставил бы нас различать однокомпонентные и составные предметы. Согласно Аристотелю, однокомпонентные предметы – это предметы, состоящие из одного вида материала: золота, например, или меди, или цинка. Составные предметы, напротив, образованы из двух и более материалов: к примеру, латунь – это смесь из меди и цинка. Но для Аристотеля еще более важным оказывается различие между живыми и неживыми объектами.

Что отличает все живые организмы от инертных? Являются ли они однокомпонентными или составными телами? Из нашего обычного опыта мы знаем, что все они имеют определенные общие характеристики. Они принимают пищу; они растут; они размножаются.

Среди живых организмов что отличает растения от животных? Опять же из нашего повседневного опыта мы помним, что животные имеют определенные общие характеристики, которых нет у растений. Они не укоренены в земле, как растения; они могут самостоятельно передвигаться. Они не получают питательные вещества из земли и воздуха, как растения. Кроме того, у большинства животных есть органы чувств.

Грань, которая отделяет инертные тела от живых организмов, иногда оставляет нас в раздумьях, с какой стороны находится тот или иной объект. Это также относится и к грани, отделяющей растения от животных. Например, некоторые растения, как оказывается, обладают чувствительностью, даже несмотря на отсутствие у них органов чувств, таких как глаза или уши. А ряд животных, скажем, моллюски, не имеют способности передвигаться, и создается впечатление, что они, как растения, закреплены на одном месте.

Разделяя все физические объекты по трем основным классам – на неодушевленные тела, растения и животных, – Аристотель знал, что его классификация не исключает пограничные случаи – объекты, которые по определенным признакам находятся с одной стороны грани, но по другим относятся к другой стороне. Он признавал, что в мире физических тел переход от неживых объектов к живым и от растительной жизни к животной происходит плавно и не является четко определенным и бескомпромиссным процессом.

Тем не менее Аристотель настаивал на идее, что различия между живыми и неживыми объектами и между растениями и животными разделяют их на совершенно разные виды объектов. Он придерживался этой точки зрения по следующим причинам.

Если мы не будем изначально признавать и понимать четкое различие между камнем и мышью, мы никогда не застанем себя за размышлениями, является ли то, что сложно классифицировать, живым или неживым объектом. Точно так же, если мы не проведем четкую грань между кустом розы и лошадью, мы никогда не зададимся вопросом, является ли данный образец растением или животным.

Так же как животные представляют собой особый вид живого организма, выполняя функции, которые недоступны растениям, так и люди являются особенным видом животных. Им присущи определенные функции, не характерные для других животных, например постановка вопросов и поиск ответов на них посредством наблюдений и размышлений. Именно поэтому Аристотель назвал человека *рациональным животным*, способным думать и задавать вопросы; способным к философскому мышлению.

Есть такие животные, которые, кажется, заняли место на грани, разделяющей людей и не людей. Недавно было установлено, что у морских свинок и шимпанзе достаточно ума, чтобы участвовать в элементарных формах общения. Но они, по-видимому, не задают себе или друг другу вопросы, чтобы найти ответы на них. Мы говорим о таких животных почти как о людях, но мы не рассматриваем их в качестве членов человеческой расы.

Каждый отдельный вид вещей, по мнению Аристотеля, имеет природу, отличающую его от всех остальных. То, что отличает один класс вещей от другого, определяет природу, которой обладает каждая отдельная вещь, принадлежащая к данному классу. Когда мы, например, говорим о

человеческой природе, мы просто подразумеваем, что все люди обладают определенными характеристиками, которые отличают их от других животных, растений и неодушевленных объектов.

Классификация Аристотеля содержит пять основных классов физических вещей в порядке возрастания. Он разместил одноэлементные и составные тела в нижней части шкалы. Каждый из более высоких классов расположен таким образом потому, что он имеет определенные характеристики, отсутствующие у нижестоящего класса.

В масштабах естественных вещей живое существо является более высокой формой существования, чем неживой предмет; животные – более высокой формой жизни, чем растения, а человеческая жизнь – высшей формой жизни на Земле.

Все живые организмы, как и все неодушевленные тела, занимают место в пространстве и имеют вес, но, кроме того, как мы уже отмечали, они едят, растут и размножаются. Будучи живыми организмами, животные, как и растения, выполняют эти жизненно важные функции, но они также характеризуются функциями, не свойственными растениям. На вершине шкалы находятся люди, имеющие все жизненно важные функции, что и другие животные, а также возможность искать знания, задавая вопросы и отвечая на них, и способность мыслить философски.

Конечно, можно сказать, что многие из высших животных думают и что даже компьютеры думают. Это неправда, что только люди обладают интеллектом. Интеллект в той или иной степени обнаруживается во всем животном мире, так же как и проявления животного мира в той или иной степени отражены в представителях человеческой расы. Но особый тип мышления, приводящий к философским вопросам и поиску ответов на них, отличает человека от других животных. Ни одно другое животное не играет в философские игры.

В мире физических вещей слово «тело» относится к одному всеобъемлющему классу. Нет более широкого класса, в котором тело могло бы выступить подклассом.

Каждая вещь в физическом мире является *телом* того или иного рода.

Можем ли мы впасть в другую крайность и найти подкласс тел, на

котором следует остановиться, так как оно далее не делится на более мелкие подклассы? Является ли человеческий вид таким подклассом животных?

Столкнувшись с этим вопросом, большинство из нас, наверное, сразу же подумает о разных расах и внешних различиях: о разделении по цвету кожи, чертам лица, форме головы и так далее. Почему эти характеристики не делят людей на различные виды и подклассы?

В связи с этим Аристотель сделал важное различие. Не все характеристики объекта, по его словам, определяют его природу или сущность. Как мы уже заметили, Аристотель думал, что человек должен быть определен как рациональное, или философское, животное. Способность задавать вопросы – «что?», «зачем?» и «почему?» – в отношении вещей – вот то, что делает любого человеческим существом, а не цвет кожи, вздернутый нос, прямые волосы или форма черепа.

Конечно, мы разделяем людей на бесконечное разнообразие подклассов: на высоких и низких, толстых и худых, белых и черных, сильных и слабых и так далее. Но, хотя мы можем применить такие различия, чтобы отличить одну подгруппу людей от другой, по мнению Аристотеля, их нельзя использовать, чтобы исключить любую из этих подгрупп из человеческой расы. Что еще более важно, нельзя сказать, что члены одной подгруппы являются людьми в большей или меньшей степени по сравнению с другой.

Другими словами, различия между одним подклассом людей и другим являются поверхностными или незначительными по сравнению с основными или значимыми различиями, которые отделяют человека от других животных. Аристотель называл поверхностные или незначительные различия *случайными*, а основные или значимые – *существенными*.

Люди и неразумные животные отличаются существенно; высокие люди и низкие, толстые и худые отличаются случайно. Это единственная характеристика, отличающая одного человека от другого. Мы все животные одного и того же вида, но один человек имеет больше, а другой – меньше тех или иных параметров. Такие индивидуальные различия менее важны, чем одна вещь, объединяющая всех мужчин и женщин, – их общая человечность, являющаяся единственной причиной, по которой все люди равны.

Глава 2

Классификация физических объектов

Аристотель подразделял физические объекты на неодушевленные тела и живые организмы, а живые организмы – на растения, животных и людей. Однако это деление не дает нам исчерпывающего объяснения его схемы классификации или его набора категорий.

Подумайте, например, о лошади Веллингтона в битве при Ватерлоо или о Юлии Цезаре, пересекающем Рубикон. Подумайте о Гамлете Шекспира, о лох-несском чудовище или об ангеле Гаврииле. Подумайте об аромате роз в полном цвету, о цвете спелого помидора, о теории гравитации Ньютона или о Боге.

Ничто из перечисленного не является физическим телом, существующим в данный момент в виде животного, растения или минерала. Лошадь Веллингтона и Юлий Цезарь существовали в прошлом, но их больше нет. Шекспировский Гамлет является вымышленным, а не реальным персонажем. Существование лох-несского чудовища под большим вопросом. Что касается аромата роз в полном цвету, ангела Гавриила, теории гравитации Ньютона или Бога, ничто из этого не попадает ни под одну из категорий, которые охватывают объекты, существующие или существовавшие в физическом мире.

Вселенная объектов, о которых мы можем подумать, гораздо больше, чем физический мир – мир тел, как существующих в настоящее время, так и существовавших в прошлом. Включая в себя материальный мир, она также простирается далеко за его пределы. Грань основного деления отделяет материальные тела от всего остального.

Что же останется, если мы поместим все объекты физического мира с одной стороны грани? Что относится ко второй половине всеобъемлющей вселенной объектов, о которых мы можем подумать? Я не буду пытаться дать исчерпывающий перечень видов объектов, которые *не* являются физическими телами, а перечислю лишь некоторые из возможных видов:

- математические объекты, например треугольники и квадратные корни;
- мнимые или вымышленные персонажи, такие как Гамлет Уильяма Шекспира или Гекльберри Финн Марка Твена;
- любые бестелесные или невоплощенные духи, в том числе призраки и ангелы;

- боги или Бог, когда божественные существа представляются как бестелесные субстанции;
- мифологические существа, такие как кентавры и русалки;
- идеи или теории, возникающие у нас в голове.

Я полностью осознаю, что данный перечень возможных мыслительных объектов вызывает много вопросов. Существуют ли такие объекты в широком смысле этого слова? Если да, то каким образом их существование отличается от существования материальных тел? Что значит название их возможностями? Есть ли мыслительные объекты, которые невозможны? Если мысли не являются материальными, то как они относятся к телам?

В следующих главах этой книги с помощью Аристотеля я постараюсь ответить на некоторые из этих вопросов. Другие я отложу до конца книги, так как они являются сложными философскими проблемами. На данный момент интерес к ним служит только для привлечения внимания к большей вселенной, лишь частью которой является физический мир, даже если мир материальных объектов может быть единственным действительно существующим.

Рассматривая такой мир, мы должны уделить внимание еще одному различию, сделанному Аристотелем. Оно необходимо, чтобы разобраться с вопросами об аромате роз или о цвете спелого помидора. Розы и помидоры – материальные объекты, относящиеся к растениям, но их запах и цвет – нет. Размышляя о физическом мире, Аристотель определил грань, которая разделяет его составляющие на два основных вида. По одну ее сторону находятся *тела*; а по другую – их характеристики или свойства, такие как их запахи и цвета.

В наших повседневных беседах мы обычно проводим то же различие. Мы не говорим о размере и весе камня как о теле. Я не стал бы просить вас передать мне размер или вес камня, потому что знаю, что вы должны передать мне камень, чтобы я мог почувствовать его размер или вес.

Мы способны думать о размере камня или о его весе, не думая о самом камне, но мы не в силах изменить размер или вес камня без изменения камня. Если камень лежит в куче других камней, мы можем взять его из кучи и оставить в ней другие, но мы не можем взять размер или вес камня и оставить сам камень.

Согласно Аристотелю, то, что принадлежит телу, как размер или вес камня принадлежат камню, существует в этом теле (как существует масса камня в камне), но не может существовать само по себе (как существует

камень).

Физический объект, тело, часто принадлежит к группе вещей, из которой его можно взять – как один камень можно взять из кучи камней. Но каждый из камней в куче существует сам по себе, даже если он существует в группе камней. Однако этот подход неприменим к размеру или весу камня. Размеры и вес не существуют сами по себе. Это всегда размеры и массы физических объектов, и они прекращают свое существование, когда перестают существовать тела, к которым они относятся.

Еще один способ постичь основное различие между физическими вещами и их свойствами – рассмотреть, как меняются вещи. Камень с шероховатой поверхностью можно отполировать и сделать гладким. Камень почти круглой формы реально сделать идеально круглым. Но, трансформируя свойства камня, мы всё равно имеем дело с одним и тем же камнем. Это не другой камень, это тот же камень с измененными характеристиками.

Если камень, изменяясь по тем или иным свойствам, не останется тем же камнем, нельзя будет сказать, что он изменился и стал не грубым, а гладким или не большим, а маленьким. Осознав это, мы поймем причину, по которой Аристотель сказал, что физический объект – это то, что остается тем, что есть (этот конкретный камень), несмотря на изменения в том или ином отношении (по размеру или весу, форме, цвету или текстуре).

Свойства тел в отличие от самих тел изменить невозможно. Шероховатость никогда не станет гладкостью; зеленый никогда не станет красным. Это шероховатый камень становится гладким; зеленый помидор становится красным, когда он созревает. Короче говоря, физические объекты подвержены изменениям. Физические свойства неизменяемы; они являются аспектом, по которому изменяются физические вещи.

Аристотель попытался составить полный перечень свойств, которыми обладают физические объекты. Полнота этого перечня сомнительна, но перечисленные свойства хорошо известны всем из нашего общего опыта; особенно те свойства, являющиеся основными аспектами, по которым изменяются вещи:

- по количеству, когда они увеличиваются или уменьшаются по весу или размеру;
- по качеству, когда они меняют форму, цвет или текстуру;
- по месту или положению, когда они перемещаются в пространстве.

Объект имеет и другие характеристики: например, отношения, в которых он состоит с другими объектами; действия, им выполняемые, а

также результаты действий, произведенных над ним; время его возникновения, продолжительность существования и время прекращения существования.

Из всех характеристик физического объекта наиболее важными являются те, которыми он обладает на протяжении всего своего существования и по отношению к которым он не меняется, пока существует. Эти постоянные характеристики делают вещи такими, какими они есть. Например, способность растворяться в воде – постоянное свойство соли; постоянным свойством некоторых металлов является их способность проводить электричество; постоянным свойством млекопитающих – рождение живого потомства и вскармливание детенышей молоком.

Подобные свойства не только делают объект объектом особого вида, они также отличают один объект от другого. Способность задавать вопросы – постоянное свойство рациональных животных, отличающее нас от других млекопитающих. Рациональные животные, конечно же, тела. Они являются физическими объектами, но не только ими.

Мы признаём этот факт, когда используем слово «человек». Мы называем так всех человеческих существ – «человек». Мы не называем людьми пауков, змей, акул и птиц. Когда мы относимся к нашим любимым домашним кошкам или собакам как к людям, мы относимся к ним так, как если бы они были людьми, то есть почти как к людям. Мы не относимся так же к объектам, которые считаем просто вещами.

До этого момента мы использовали термин «вещь» для обозначения физических объектов – тел. Теперь *вещь* будет противопоставляться человеку.

«Вещь» – хлопотное слово. Его смысл иногда настолько широк, что его можно отнести к любой возможной мысли – не только к существующим физическим телам, но и к их характеристикам, а также к объектам, которые не существуют, к объектам, которые, возможно, никогда не существовали, и к объектам, существование которых невозможно. Иногда вещь в более узком смысле относится только к телам, которые существовали в прошлом, или к телам, которые могут существовать в будущем.

Использование одного и того же слова в различных смыслах зачастую неизбежно. В случае самых важных слов, которые мы используем, особенно тех, что встречаются в повседневной речи, избежать этого практически невозможно. Аристотель часто обращал внимание на

различные значения, в которых он видел необходимость использовать одно и то же слово. Если мы думаем о нашем опыте так, как это делал Аристотель, мы должны также смотреть на разницу в смыслах наших слов.

Человеческие существа являются физическими объектами, согласно одному значению этого слова, но не согласно другому, когда мы называем их «люди», а не «объекты». Как физические объекты, как тела, они имеют три измерения, с которыми все мы знакомы. Как люди, они также имеют три измерения, которые являются совершенно разными.

Глава 3

Три измерения человека

Рассматривая нас как простые тела, или просто как физические объекты, я бы сказал, что наши три измерения аналогичны трем измерениям любого другого тела. Это длина, ширина и высота – то есть объем, который любое тело занимает в пространстве.

Несмотря на то что как тела мы есть физические объекты, при этом все мы являемся особым видом объектов – единственным видом, который называется «человек». Каковы наши три измерения как людей, а не только как тел?

В пространстве *измерением* является направление, в котором я способен перемещаться. Я могу передвинуть руку слева направо, вперед или сверху вниз. Как и пространственные измерения, измерения людей также являются направлениями – направлениями, в которых я действую в качестве человеческого существа. Я уверен, что у нас как у физических объектов есть только три измерения, но я не могу быть столь же уверен, что у нас как у активных человеческих существ также есть только три измерения – только три направления, где распространяется наша деятельность.

Тем не менее я думаю, что три измерения представляют три очень важных направления, которые принимает человеческая деятельность. Могут быть и другие, но я не уверен, что среди них есть хоть одно столь же значимое.

К важнейшим трем измерениям относятся созидание, деяние и мышление.

В первом из этих трех измерений, *созидании*, человек выступает в качестве художника или ремесленника – производителя всевозможных вещей: обуви, кораблей и домов, книг, музыки и картин. Мы можем назвать человека художником, не только если он создает скульптуры или картины. Это слишком ограниченное использование слова «искусство». Всё, что есть в этом мире искусственное, то есть рукотворное, а не природное – это произведение искусства: что-то, созданное человеком.

Во втором из этих измерений, *деянии*, человек выступает в качестве добродетельного и общественного существа – кого-то, кто может поступать

правильно и нет, кого-то, кто своим действием или бездействием либо достигает счастья, либо не достигает его, кого-то, кто видит необходимость во взаимодействии с другими людьми, чтобы делать то, что, будучи человеком, он чувствует необходимость сделать.

В третьем измерении, *мышлении*, человек выступает в качестве ученика, впитывающего знания всех сортов – знания не только о природе, не только об обществе, частью которого он является, не только о природе человека, но и о самом знании.

Во всех трех измерениях человек есть мыслитель, но тип используемого им мышления для производства вещей отличается от типа мышления для добродетельных и социальных действий. Оба вида мышления отличаются от третьего, которое человек применяет, чтобы просто знать – знать только ради знания.

Аристотель уделял много внимания различиям между этими тремя видами мышления. Он использовал термин *продуктивное мышление* для описания типа мышления человека-создателя; термин *практическое мышление* – для человека-деятеля и *гипотетическое*, или *теоретическое*, мышление – для человека-мыслителя.

Такое тройственное деление видов мышления находится в различных трудах Аристотеля. Некоторые из них, например о моральной и политической философии, посвящены практическому мышлению и человеку-деятелю как живущему своей собственной жизнью и старающемуся сделать ее максимально хорошей, так и человеку как члену общества, связанному с другими людьми и взаимодействующему с ними. Другие работы, например о натуральной философии, сопряжены с теоретическими размышлениями обо всем физическом мире, в том числе о человеке как о части этого мира, а также о человеческом разуме и знаниях.

Аристотель написал трактат о человеке-создателе, но в нем он описывает человека, создающего только поэзию, музыку и живопись. Он назвал его «Поэтика», потому что греческое слово, от которого произошло слово «поэзия», означает «создание» – создание чего угодно, а не только тех объектов, которые развлекают нас и приносят удовольствие, когда мы наслаждаемся ими. Люди производят огромное разнообразие полезных вещей, которые мы используем в повседневной жизни, таких как одежда, дома, мебель и приспособления, необходимые, чтобы сделать всё это.

Более общее отношение к человеку как к создателю, в частности как к создателю полезных физических объектов, мы находим в трудах Аристотеля, посвященных философии природы. В своем стремлении понять природу Аристотель часто прибегал к сравнениям между способом,

которым человек производит вещи, и способом, на основе которого функционирует природа. Аристотелевское понимание компонентов человеческого процесса создания помогло ему – и поможет нам – понять процессы природы.

Именно поэтому вторую часть книги я собираюсь начать с создания как с одного из измерений человеческой деятельности. После, в третьей части, я рассмотрю измерение человеческой деятельности, где он выступает как добропорядочное и общественное существо. И наконец, в четвертой части я обращусь к человеку как к мыслителю, откладывая до последнего самые трудные вопросы, которые нужно рассмотреть, – вопросы о человеческом разуме и самом знании.

Наиболее сложными словами в лексиконе каждого являются три слова, обозначающие универсальные ценности, вызывающие уважение и пробуждающие интерес. Эти слова – «истина», «добродетель» и «красота», или «правда», «добро» и «прекрасное». Эти три ценности относятся к трем измерениям деятельности человека.

В сфере созидания мы имеем дело с красотой или, по меньшей мере, с попыткой производить вещи, которые сделаны хорошо. В сфере деяния как личности и как члены общества мы сталкиваемся с добром и злом, правильным и неправильным. А в сфере мышления – с истиной.

Часть II

Человек-создатель

Глава 4

Робинзон Крузо Аристотеля

Если бы историю о Робинзоне Крузо написал Аристотель, мораль этого рассказа была бы другой.

История восхваляет изобретательность, которую проявил Крузо, решая проблему, как жить безопасно и комфортно на острове, куда он оказался выброшенным морем после кораблекрушения. История воспекает и его достоинства – мужество и дальновидность. Это история о победе человека над природой, о ее освоении и контроле над ней.

У Аристотеля остров был бы олицетворением Природы, причем природы с большой буквы, природы, нетронутой человеком. Работа природы: посев деревьев и кустарников, выращивание растений, рождение и смерть животных, движение песков, изнашивание пород, формирование пещер – происходила задолго до появления на острове Крузо. Аристотель рассматривал бы изменения, которые принес с собой Крузо, как возможность понять изменения, происходящие без него. Для Аристотеля эта история не была бы историей человека *против* природы, это была бы история *совместной работы* человека и природы.

Когда мы пытаемся понять что-то непростое, то хорошим правилом здравого смысла будет начать с чего-то более легкого, чтобы увидеть, поможет ли это преодолеть трудности. Доступное способно пролить немного света на что-то менее понятное. Люди должны быть в состоянии осознавать, что происходит, когда они создают или меняют что-то. Таким образом, понимание произведений искусства поможет нам понять процессы, происходящие в природе.

В предыдущей главе я высказал предположение, что в самом широком смысле определение «произведение искусства» включает в себя что угодно, созданное человеком. Давайте еще раз рассмотрим этот вопрос. Является ли всё, произведенное человеком, искусственным, а не естественным? Когда родители создают детей, являются ли дети искусственными? Можно ли их отнести к произведениям искусства? Если вы, как мне кажется, отвечаете «нет», тогда мы всё еще не преуспели в правильном начертании грани, разделяющей природное и искусственное.

Представьте, что молния попала в дерево в густом лесу. Дерево расколосось пополам, ветки осыпались. Некоторые из них загорелись, и в лесу возник пожар. Лесной пожар и все остальные изменения,

произошедшие от удара молнии, являются природными, не так ли?

А если по лесу гуляет человек и небрежно выбрасывает зажженную сигарету? Сигарета поджигает сухие листья подлеска, и вскоре лес в огне. Этот лесной пожар вызван человеком так же, как первый был вызван молнией. Первый – творение природы. А второй пожар, причиной которого стал человек, оказался искусственным, а не природным?

Давайте предположим, что человек в лесу не бросал зажженную сигарету. Предположим, он собрал сухие ветки и листья и сложил их горкой, которую окружил небольшими камнями. Затем он зажег спичку и поджег их, чтобы приготовить себе обед на костре. В таких случаях говорят, что человек развел огонь. Будет ли считаться разведенный таким образом огонь произведением искусства в отличие от огня вследствие небрежно брошенной зажженной сигареты?

Прежде чем давать поспешный ответ, вспомните, что сам по себе огонь – это нечто природное. Чтобы он возник, человек совсем не обязателен. В самом деле, когда человек разводит огонь, то, что он создает, – это и есть огонь? Или же он просто создает условия для его появления в определенное время и в определенном месте, как человек, гуляющий по лесу, создает условия для огня на том месте, где он решил приготовить себе еду?

Еще один пример для рассмотрения: молния расколола дерево и обломала некоторые из его веток. Люди могут сделать то же самое, используя топоры и пилы; и они делают это, занимаясь рубкой леса для получения древесины, чтобы построить дома или сделать стулья и столы. Вы понимаете, что дома, которые построят люди, будут произведениями искусства, а не природы – искусственными, а не естественным. Постройка дома в таком случае не является тем же самым, что и разведение огня, потому что вы не можете быть столь же уверены, что огонь, созданный человеком, является искусственным, а не естественным.

В чем разница между домом, построенным человеком, или столом или стулом, сделанными человеком, и огнем, разведенным человеком? Или между ветвями, сломанными молнией, и ветвями, сломанными лесорубами? Или между огнем, разведенным участниками пикника для приготовления обеда, и огнем, вызванным человеком, который, гуляя по лесу, небрежно бросил зажженную сигарету?

Давайте начнем с самого простого вопроса. Огонь, вызванный зажженной сигаретой, был случайным, а не специально созданным. Его не разожгли с определенной целью, которая была у кого-то на уме. Он стал следствием человеческой беспечности, даже легкомысленности, а не

результатом тщательно спланированного действия.

Отсутствие хоть какой-либо цели, плана или намерения со стороны человека перемещает огонь от зажженной сигареты на сторону природного по отношению к грани, разделяющей *естественное и искусственное*.

Он был следствием, а не целью человеческой деятельности. Он был следствием действий человека, но ведь человек является частью природы так же, как и молния. Не всё, что возникает как следствие человеческого поведения, становится творением человека или произведением искусства.

Теперь займемся огнем, разведенным человеком преднамеренно с целью приготовить пищу, и построенным домом, который человек намеренно создал, чтобы обеспечить себя жильем. Здесь ни одно из последствий человеческой деятельности не является случайным. В обоих случаях мы имеем дело с намерением. Так что оба творения принадлежат к «искусственной» стороне грани раздела между естественным и искусственным. В чем же тогда разница между ними?

Одно различие понятно сразу же. Пожары в природе возникают и в отсутствие человека, а вот дома так не появляются. Люди помогают природе создать огонь, зажигая спички и поджигая сухие листья и ветки. Но когда люди строят дома, то, в отличие от огня, они не помогают природе создать их. В одном случае, как мы уже говорили, люди не создают огонь сам по себе, но они создают условия, чтобы огонь возник в определенное время и в определенном месте. В другом случае они действительно строят дома.

Дом, который построил Робинзон Крузо после того, как ему удалось спасти некоторые инструменты из разбитого корабля, был тем, что создал он и только он, а не тем, на появление чего в определенное время и в определенном месте он повлиял. Если бы он не попал на остров, там никогда бы не возникли дома, как могут возникнуть пожары в результате ударов молнии.

Остается еще один вопрос. До этих пор мы считали, что дом Крузо, спланированный и созданный с целью, является произведением искусства, а не природы, чем-то искусственным, а не естественным. Но является ли он полностью искусственным – абсолютным творением человека? Библия говорит нам, что, перед тем как Бог создал мир, на его месте была пустота и что, создав мир, Бог создал что-то из ничего. Создал ли Крузо что-то из ничего, когда он построил дом?

Вряд ли. Он построил его из бревен, которые получил, вырубая деревья топором, отпиливая ветки с помощью пилы и выравнивая бревна рубанком. Бревна, из которых построен дом, взяты из природы. Именно с них начался дом. Это же справедливо и для железа, из которого были сделаны гвозди, которые вместе с другими приспособлениями Крузо достал из ящика с плотничьими инструментами, плававшего возле берега после кораблекрушения. Дом, сколоченный из бревен и гвоздей, конечно же, был построен Крузо, а не природой, но он был сделан из природных материалов. Это так же относится ко всем инструментам, которыми по счастливой случайности Крузо смог воспользоваться.

Давайте не будем забывать о детях, созданных родителями. Мы уже решили, что дети являются естественным продуктом, а не искусственным, они не произведения искусства. Связано ли это с тем, что иногда они являются случайными продуктами, а не преднамеренными?

Мы знаем, что иногда дети, если их никто не планировал, оказываются неожиданным результатом из-за неосторожности или легкомыслия. Но даже когда дети желанны и запланированы, когда в их рождении задействован определенный расчет и тогда, когда при определенном везении родители помогают природе произвести детей на свет в определенное время и в определенном месте, они не похожи на огонь, который участники пикника помогают разжечь природе, или на дом, построенный Крузо из материалов, предоставленных природой.

Почему нет? Давайте на данный момент удовлетворимся ответом, предложенным выше. Дети, как и потомки других животных, конечно, могут появиться непреднамеренно, без плана или цели. Чего нельзя сказать о том, что мы называем работой или производением искусства. Но так же, как человек становится причиной пожара, зная, как случаются пожары в природе, так человек может стать и причиной рождения ребенка, имея кое-какое представление о процессе размножения в природе.

Если люди находятся в полном неведении относительно этого, тогда их потомки являются абсолютной случайностью. Но когда они имеют об этом представление, по крайней мере частично, в таком случае дети являются результатом планирования и цели.

Мы исследовали множество случайных и запланированных действий и сравнили их между собой, чтобы увидеть, сможем ли мы разместить каждое из них с одной или другой стороны грани, разделяющей естественное и искусственное. Прежде чем мы продолжим, было бы хорошо подвести итог всего того, что мы узнали.

Во-первых, мы пришли к выводу, что огонь сам по себе является чем-

то совершенно природным.

Определенный огонь, целенаправленно разведенный человеком в определенное время и в определенном месте, является искусственным событием – чем-то, что не случилось бы, если бы какой-то человек не предпринял действий для его возникновения.

Во-вторых, искусственность огня, который разводят участники пикника для приготовления обеда, отличается от искусственности дома, который построил себе Крузо, чтобы обеспечить себя убежищем. Хотя оба они произошли в результате человеческого намерения, дома, в отличие от огня, никогда не возникают в природе сами по себе, без участия человека. Давайте будем считать огонь, разведенный на пикнике, *искусственной случайностью*, а дом Крузо – *искусственным продуктом*.

В-третьих, дом Крузо, хотя и представляет собой искусственный продукт, все-таки не является чем-то совершенно искусственным. Он был построен из природных материалов, а не из ничего. Давайте всегда называть вещи, которые люди сделали из природных материалов, *продуктами* их труда, а не их *творениями*.

В-четвертых, мы рассмотрели человеческих детей и детенышей других животных. Называем ли мы их продуктами или творениями? Нет, лексикон, который мы используем для описания их появления в этом мире, включает такие слова, как «воспроизводство» и «размножение».

Давайте будем считать этот факт значимым. Результаты биологического воспроизводства или размножения не похожи на огонь, вызванный молнией, – он *естественное событие*; не похожи на огонь, созданный человеком, – это *искусственная случайность*; и не похожи на мир, который Бог сотворил из ничего.

Понимание того, как люди строят дома, поможет нам осознать, как животные воспроизводят потомство. Понимание того, как люди разводят огонь, поможет нам осознать, как случаются пожары – природные явления. Понимание разницы между созданием условий для возникновения огня и строительством домов поможет нам осознать разницу между огнем, возникающим в природе, и животными, воспроизводящими потомство.

Не спрашивайте сейчас, поможет ли нам это понять, как Бог создал мир. Этот вопрос нужно отложить, пока мы не увидим, приведет ли нас понимание произведений природы и произведений искусства обратно к

библейской истории создания мира – к истории, которую Аристотель никогда не читал.

Глава 5

Изменение и постоянство

Аристотель занимал разумную позицию по отношению к своим предшественникам-мыслителям. Он говорил, что необходимо принимать во внимание то, что они хотели сказать, чтобы понять, какие из их идей были правильными, а какие нет. Отсеивая истинное от ложного, можно продвинуться вперед.

Два предшествующих Аристотелю мыслителя – Гераклит и Парменид – имели абсолютно противоположные суждения о мире. Гераклит заявлял, что всё, абсолютно всё, постоянно меняется. Ничего, абсолютно ничего не остается прежним. Один из его последователей, Кратил, зашел настолько далеко, что предположил, что это непрерывное изменение делает невозможным использование языка для общения, поскольку слова постоянно меняют свои значения. Единственным способом общения было шевеление пальцами.

Парменид утверждал обратное: постоянство властвует безраздельно. Всё, что есть, есть; всё, чего нет, нет; ничего не появляется и не умирает; ничего не меняется, ничего не движется. Проявление изменения и движения, которые Парменид признавал частью нашего повседневного опыта, – это иллюзия. Нас обманывают наши чувства. На самом деле всё всегда остается тем же самым.

Вы можете задаться вопросом, как Пармениду удавалось убедить хоть кого-нибудь в столь крайнем мнении, противоречащем нашему повседневному опыту. Один из его последователей, Зенон, пытался изобрести аргументы в пользу иллюзорности восприятия.

Один из них звучал примерно так: вы хотите ударить мяч, чтобы он перелетел с одного края теннисного корта на другой. Для того чтобы попасть туда, мяч сначала должен пройти половину расстояния и долететь до сетки. Для того чтобы попасть туда, он должен пройти половину расстояния – минимум до середины квадрата подачи. Для того чтобы попасть туда, он должен пройти через половину расстояния – и так далее, до бесконечности, Зенон постоянно делит на два оставшиеся расстояния. Следуя рассуждениям Зенона, мы приходим к выводу, что мяч никогда не начнет свое движение – он просто не сможет оторваться от вашей ракетки.

Аристотель был знаком с этими идеями и аргументами. Но его здравый смысл и общий опыт говорили ему, что они ложны. Если слова

всегда меняют свои значения, как бы тогда Гераклит и его последователи могли неоднократно повторять, что все меняется, и предполагать, что они, очевидно, и делали, что они говорят одно и то же, а не противоположное? Если движение небесных тел – иллюзия, то переход от дня к ночи также иллюзия? Если ничего не появляется и ничего не исчезает и не умирает, то где же тогда сейчас Парменид и его друг Зенон?

Гераклит и Парменид ошибались, но не целиком. Каждый из них был отчасти прав, и вся истина, по мнению Аристотеля, состояла в объединении двух частичных истин.

С одной стороны, движение и изменение, появление чего-либо и исчезновение происходят и происходили в мире природы задолго до появления в нем человека. Наше общее знание природы не переполнено иллюзиями и осознаёт реальность перемен.

Вещи являются такими, какими кажутся, – меняющимися.

С другой стороны, не всё постоянно меняется во всех отношениях. В каждой перемене должно быть постоянство – что-то, что сохраняется или остается тем же самым, меняясь в том или ином отношении. Например, теннисный мяч, который вы пытались перебросить через корт, совершает движение с одного места на другое, но, когда он достигает линии вашего противника, он остается тем же мячом, который вы отправили в этом направлении.

Движение с места на место, которое Аристотель называл *локальным перемещением*, или изменением места, есть наиболее очевидное из изменений, при котором вещь остается неизменной. Движущаяся вещь – это неизменяющийся объект изменения, которым является локальное перемещение. Если это был «ваш теннисный мяч», когда он отлетел от вашей ракетки, он останется «вашим теннисным мячом», когда противник будет отбивать его, – он останется тем же самым, а не другим мячом.

Давайте посмотрим на различие, которое Аристотель делает между двумя видами локального перемещения.

Если вы случайно уроните теннисный мяч, он упадет на землю, потому что он тяжелый (мы бы с вами сказали, что он упадет под действием силы тяжести – это еще одно определение слова «тяжелый»). Вы не бросали его на пол. Он упал сам по себе. Это было *естественное*, а не искусственное *перемещение*.

Но когда вы бьете по теннисному мячу ракеткой, тем самым вы вызываете *искусственное*, а не естественное *перемещение*. Сила вашего

удара преодолевает естественное стремление мяча упасть под силой своего веса и направляет его на путь, по которому в естественном состоянии он не пошел бы. Это же происходит, когда мы запускаем ракету на Луну. Это не естественное перемещение для такого тяжелого тела, как ракета. В естественных условиях, без нашего толкающего усилия, она бы не смогла преодолеть гравитационное поле Земли.

От теннисных мячей до ракет, от лифтов до пушечных ядер – в локальном перемещении существует большое разнообразие тел, которые без вмешательства человека в законы природы не смогли бы перемещаться так, как перемещаются. Поскольку эти перемещения не являются естественными, допустимо ли назвать их искусственными? Это слово можно использовать, если мы говорим о перемещениях, вызванных человеком. Аристотель называл их *насильственными перемещениями* – насильственными в том смысле, что они нарушают естественное поведение рассматриваемых тел.

Какие еще изменения, происходящие естественным образом, могут также произойти искусственно, при участии человека? Под теплом солнца созревают помидоры и превращаются из зеленых в красные. Здесь речь идет не об изменении места, а об изменении цвета. Это не локальное перемещение, а изменение свойств помидора.

Зеленый в одно время помидор становится красным в другой момент так же, как теннисный мяч: в один момент он здесь, в следующий – в другом месте. Общим для этих двух изменений является время, а не пространство. При созревании помидора не происходит перемены места, только изменение качества, но ни одно из этих изменений – места и качества – не состоялось бы без изменения времени.

Люди красят зеленые вещи в красный цвет или красные в зеленый: дома, столы, стулья и так далее. Созревание помидора является естественным изменением; покраска предметов – искусственным. Дом, стол или стул, которые в одно время были зелеными, не станут красными в другое время без вмешательства человека.

В дополнение к локальному перемещению – изменению места – и изменению свойств, или качества, существует и третий вид изменения – *естественный и искусственный* одновременно. Давайте начнем с его искусственной формы.

Возьмите воздушный шар и начните его надувать. По мере надувания он будет менять как свою форму, так и размер. Он будет становиться больше и будет продолжать расти, пока вы будете нагнетать в него воздух. А когда вы позволите воздуху выйти обратно, шар уменьшится в размерах

и вернется к своей первоначальной форме.

Если оставить шар лежать на столе, он не будет увеличиваться в размерах. Если завязать конец надутого шара, его размер не уменьшится. Изменение размера, сопровождающееся изменением формы, происходит при вашем участии. Вы вызвали два искусственных изменения, происходящих в одно время, – изменение качества (формы шара) и изменение количества (увеличение или уменьшение размера шара).

Количественные изменения происходят как естественным, так и искусственным образом. Например, скалы на берегу моря становятся меньше, стираясь, поскольку о них постоянно бьются волны. Волны увеличивают размеры береговых пещер. Другие примеры обнаруживаются среди живых существ: растения и животные растут. Во время их роста происходит множество изменений, в частности количественные – увеличения в размере и весе.

Изменению количества при росте живого организма присуща особенность, которая отсутствует при увеличении неодушевленных тел. Если вы развели огонь, вы можете сделать его больше, добавив дров. Если у вас есть возможность добавлять в него еще и еще дров, то оказывается, что ограничений на размер разведенного костра нет. Если вы будете кормить кролика морковкой, он будет увеличиваться в размерах, но, сколько бы морковок вы ему ни дали, есть предел, после которого кролик не будет дальше расти.

Если у вас будет достаточно камней и рабочей силы, вы построите пирамиду, превосходящую размером уже существующие. Но независимо от того, как вы будете кормить животное, вы не сделаете его больше определенного размера. Вы не в силах вырастить домашнюю кошку размером с дикую.

Также верно и обратное. Надутый шар уменьшается в размерах, когда вы выпускаете из него воздух, и уменьшение продолжается до той точки, в которой шарик полностью сдувается. Но животные, пока они живы, не уменьшаются в размерах до крайнего предела.

Однако животные и растения умирают. Так же как и воздушные шары: если закачать в них слишком много воздуха, они лопаются и перестают быть шарами. Это подводит нас к четвертому виду изменений – как естественных, так и искусственных, – настолько отличающемуся от трех предыдущих, что Аристотель принципиально отделяет его от них.

Для всех остальных видов нужно время, чтобы перейти из одного состояния в другое. Время проходит, пока тела перемещаются с одного места на другое, меняются цветом или формой, увеличиваются или

уменьшаются. Изменение четвертого вида практически не требует времени, по крайней мере заметного. Оно происходит мгновенно, или правильнее сказать так: в одно мгновение шар есть, а в следующее – его больше нет. Всё, что у нас остается, – это клочья резины, а не воздушный шар, который можно надуть.

То же самое верно для умирающего кролика. В одно мгновение он жив, в следующее – мертв. Всё, что у нас остается, это тушка животного, которая будет постепенно гнить и распадаться.

Этот особый вид изменения, который Аристотель называет *возникновением и исчезновением*, является особенным не только в том, что занимает мгновение. Но и в том, что создает для нас серьезные проблемы.

В каждом изменении, о которых мы говорили до сих пор, что-то оставалось постоянным. Вещи, меняющие место своего нахождения, цвет или размер, оставались при этом теми же вещами. Но что остается неизменным, когда лопается шарик или когда умирает кролик? Разлагающаяся тушка – это не кролик, которого мы кормили морковкой. Ошметки резины – не шарик, надуваемый нами.

Тем не менее есть что-то постоянное и в этом особенном изменении. Это легче увидеть в создании или уничтожении вещей человеком, чем в рождении и гибели растений и животных.

Куски дерева, гвозди и клей не собираются вместе естественным образом, чтобы стать стулом. Люди делают стулья, собрав все эти материалы воедино определенным способом. Это одни и те же материалы: и *до того*, как им придали форму стула, и *после* этого, в момент, когда стул начинает существовать в качестве предмета мебели.

Предположим, что стул оказался неудобным и вы решили переделать его в стол. Вероятно, вы не сможете повторно использовать все гвозди или клей, но вы разберете стул и, взяв куски дерева и некоторые гвозди, изготовите маленький стол из большей части тех же материалов. Если вы не брали клей для первого предмета и извлекли все гвозди неповрежденными, то материалы появившегося стола и стула, прекратившего свое существование, будут идентичными. Они отличаются только тем, как их собрали в одно целое.

Следовательно, в случае искусственного создания и разрушения предметов то, что сохраняется, проходя через изменение, – это не вещь. Это только материалы, которые человек использовал при сборке определенной вещи, и материалы, которые остались, когда ее разобрали.

Похожее происходит и в случае смерти кролика. Будучи живым организмом, кролик есть физическая вещь, как стул или стол. Он состоит из материи. И эта материя остается, хотя и не в той же самой форме, когда кролик умирает и разлагается. Как неорганические материалы стула входят в состав стола, так и органические материалы кролика входят в состав другого живого существа.

Например, кролика убивает и съедает шакал. В той мере насколько шакал способен усвоить пищу, органические материалы кролика становятся частью его костей и мышц.

В современной науке это называется сохранением материи – термином, неизвестным Аристотелю.

Обычно мы способны определить, из каких материалов состоят искусственные продукты: это куски дерева, а это гвозди. Однако не всегда так же просто понять, какая конкретная единица материи сохраняется, когда одно животное съедает другое или когда умирают организмы. Тем не менее нет сомнений, что во всех случаях возникновения и исчезновения, как естественных, так и искусственных, либо сама материя, либо материалы определенного вида проходят трансформацию.

Что подразумевается под «материей», а что – под «материалами»? Когда люди создают или разрушают искусственные вещи, они никогда не имеют дела с самой материей, а только с материалами. Работает ли природа с материей? Если да, тогда то, что сохраняется при искусственном изменении, не является тем же самым, что сохраняется при естественном.

Преобразование идентифицируемых материалов человеком только *похоже, но не идентично* преобразованию материи в естественном процессе. Однако их сходство поможет нам понять, что происходит при естественном изменении.

Глава 6

Четыре причины

Четыре причины – это ответы Аристотеля на четыре вопроса, которые необходимо задать об изменениях, знакомых нам благодаря общему опыту. Это и вопросы, и ответы здравого смысла. Сначала рассмотрим их с точки зрения применения к изменениям, вызванным людьми, особенно к создаваемым ими вещам. Это поможет нам рассмотреть, как четыре причины участвуют в природных процессах.

Первый вопрос о любом продукте, произведенном человеком, звучит так: *из чего это будет сделано?* Если вы спросите сапожника, он ответит «кожа». Если вы спросите ювелира, он скажет «золото» или «серебро». Оружейник, изготавливающий ружье, ответит «дерево и сталь». В каждом случае вид материала, с которым работает мастер, производя определенный продукт, есть *материальная причина* производства. Это один из четырех необходимых факторов, без которых невозможно производство.

Второй вопрос звучит так: *кто это сделал?* Казалось бы, это самый простой вопрос из всех, по крайней мере, когда мы имеем дело с продуктами человеческого труда. Но он не так однозначен, если речь о природных изменениях. В случае продуктов – результатов деятельности людей – первый ответ охватывал и второй вопрос: сапожник делает обувь, ювелир – браслеты или кольца, оружейник – ружье. Здесь создатель является *действующей причиной* производства.

Третий вопрос: *чем является то, что произведено?* Это же очевидно, скажете вы, что произведенное сапожником – это обувь, ювелиром – кольца и так далее. Однако вас, скорее всего, озадачит тот факт, что Аристотель назвал третий ответ *формальной причиной* изменения, или производства. Вскоре я покажу, что слово «формальный» – наиболее подходящая пара к «материальному», а пока рассмотрим четвертый вопрос: *ради чего это делается?* Каково предназначение предмета? Какие цели преследовал производитель, какую конечную пользу имел в виду? Для обсуждаемой нами продукции ответ находится быстро. Все мы знаем, в чем назначение и функции обуви, колец и оружия.

Данный четвертый фактор в человеческом производстве Аристотель называет *конечной причиной*, потому что он является *целью*. Когда мы что-то делаем, то наша цель достигается в последнюю очередь. Мы должны завершить работу, прежде чем сможем использовать ее результат для

подразумеваемой цели.

Четыре причины – это незаменимые и обязательные факторы при производстве чего-либо человеком. Причем каждый из них не является достаточным сам по себе.

Всем четверем необходимо присутствовать вместе и действовать в отношении друг друга определенным образом.

Человек должен иметь материал и работать с ним, чтобы превратить его в нечто небесполезное. Другими словами, человеку обязательно иметь причину для производства вещи, иначе он не стал бы тратить свои силы на работу.

Вы можете поспорить с последним утверждением и поинтересоваться, неужели конечная причина всегда должна присутствовать. Разве человек не способен производить вещи, не имея оснований для этого, не рассматривая заранее определенную цель?

На этот вопрос нелегко ответить точно, но признайте, что обычно люди прилагают усилия для производства именно необходимых вещей. Однако иногда они возятся с материалами бесцельно или ради развлечения и в итоге могут создать нечто неожиданное.

В таком случае конечная причина отсутствует. Цель произведенного продукта и его назначение можно придумать и позже, после окончания производства. В таком случае для возникновения какого-либо продукта определенное условие или причина не являются необходимыми.

Если мы переключимся с продукции людей на естественные процессы, вопрос о наличии конечных причин требует более внимательного рассмотрения. Его нельзя избежать, так как мы не можем с уверенностью сказать, что на уме у природы был тот или иной конечный результат. Возможно, если я объясню, почему Аристотель называл третью причину формальной, я отвечу на вопрос о роли конечных причин в природных изменениях.

Но сначала давайте кратко сформулируем все четыре причины, обратив особое внимание на выделения курсивом. Кажущаяся простота формулировок может, однако, быть трудной для понимания.

1. Материальная причина: *из чего* что-то сделано?
2. Действующая причина: *кем* что-то сделано?
3. Формальная причина: *чем является то, что* сделано?
4. Конечная причина: *ради чего* что-то сделано?

Что мы имеем в виду в третьем вопросе? Кожа, из которой сапожник изготовил обувь, не была обувью до того, как сапожник приступил к работе с ней. Она стала обувью благодаря его работе, которая трансформировала ее из простого бесформенного куска кожи в обувь. Именно поэтому Аристотель говорит, что *обувность*^[4] является формальной причиной в производстве обуви.

Введение слова «обувность» поможет нам избежать худшей ошибки, которую легко допустить, разбираясь с формальными причинами. Вполне естественно поддасться соблазну думать о форме вещи как о ее очертании, которое, например, нетрудно нарисовать на листе бумаги. Но обувь имеет самые разнообразные очертания, и будет совсем не просто или даже невозможно изобразить то общее, что есть у различных видов обуви.

Вы можете подумать о том, что является общим для них, но вы не сумеете нарисовать это. Если у вас есть представление об этом общем для обуви любой формы, размера и цвета, тогда вы поняли, какую форму Аристотель называет обувностью. Если бы обувь не имела такой формы, она никогда бы не была сделана; сырье, из которого изготовлена обувь, само никогда не трансформируется в обувь.

Пожалуйста, обратите внимание, что слово «трансформироваться» происходит от «формы». Когда вы трансформируете материалы во что-то, чем они не являются, – кожу в обувь, золото в браслеты, – вы придаете им форму, которой до этого у них не было. Сапожник, работая с материалами, трансформирует их в нечто, чем они могут стать, но чем они не были, пока он не начал свои действия над ними.

Мы можем отойти еще дальше от ошибочного мнения, что формальная причина есть форма, принимаемая предметом. Это суждение сложилось у нас в ходе обсуждения других видов изменения, отличных от производства вещей типа обуви, ювелирных изделий и оружия.

Теннисный мяч, приводимый в движение с помощью ракетки, движется через корт на поле вашего оппонента. Вы есть действующая причина этого движения, вызванного силой вашего удара. Мяч – материальная причина – объект, над которым осуществляется действие. Но что в этом случае является формальной причиной? Ей должно быть какое-то место, но не то, откуда мяч начал движение, когда вы ударили по нему. Предположим, что ваш противник не смог отбить, мяч упал с другой стороны сетки и там остался. Это место – формальная причина конкретного движения, которое в нем закончилось. От пребывания здесь, на вашей стороне сетки, его положение трансформировалось в пребывание там, на другой половине поля.

Зеленый стул, который вы красите в красный цвет, подобным образом трансформируется в цвете. То же происходит и с шариком, который вы надули: он трансформировался в размере. *Красность* – формальная причина изменения, которое вы привнесли, покрасив стул, так же как и пребывание там – формальная причина изменения, последовавшего после удара по теннисному мячу. В каждом случае вы есть действующая причина. Материальной причиной в первом примере выступает зеленый стул, над которым вы совершили действие, покрасив его в красный цвет. Во втором примере материальная причина – шарик, надутый вами.

Три вида изменений также встречаются и в природе, без участия человека в качестве действующей причины. Если мы рассмотрим их естественное происхождение, то определение четырех причин станет сложнее, и возникнут новые проблемы. Тем не менее уже сказанное об искусственных изменениях поможет нам.

Под лучами солнца созревают помидоры и превращаются из зеленых в красные. Лучи солнца – действующая причина этого изменения, а сам помидор – объект, проходящий через изменения, – является его материальной причиной. Здесь, как и в случае с перекраской зеленого стула в красный, красность – формальная причина. Она то, во что трансформируется зеленый цвет помидора. Но конечная причина, отличная от формальной, отсутствует.

Человек, который покрасил зеленый стул в красный цвет, сделал это, чтобы, например, стул сочетался с другими стульями. Цель, или причина, подразумеваемая человеком, отличалась от красности, которая выступала формальной причиной трансформации цвета стула. Но мы вряд ли можем сказать, что солнце, освещающее помидоры, хочет сделать их красными, обозначим, что они наконец-таки стали съедобными. Так как мы рассматриваем цвет поверхности помидора, то конечный результат созревания состоит в обретении красноты. Красный цвет помидора – это и формальная, и конечная причина изменения.

Не будет ошибкой сказать примерно то же самое и о скале, которая истирается от ударов волн и в результате уменьшается. Этот процесс может продолжаться в течение длительного времени, но в любой момент времени размер скалы есть как формальная, так и конечная причина изменения.

Эти примеры естественных изменений цвета и размера применимы и к естественному изменению места. Случайно уроненный теннисный мяч падает на землю и в конце концов приходит там в состояние покоя – локальное перемещение заканчивается. Это место является и формальной, и конечной причинами движения.

Если бы кто-нибудь спросил о действующей причине в данном случае, то ответом, скорее всего, была бы сила тяжести. Такой ответ, который большинство из нас выучило еще в школе, озадачил бы Аристотеля. Этот факт не влияет на наше понимание разницы между действующей и материальной, конечной и формальной причинами. Действующая причина всегда присуща любому процессу изменения, она воздействует на объект, и он становится другим в определенном отношении: красным, будучи изначально зеленым; меньшим, будучи перед этим большим; находящимся там, находясь перед этим здесь.

Еще один пример изменения – рост живых объектов, который, несмотря на то что подразумевает увеличение в размере, включает в себя гораздо большее, чем только это. Аристотель рассматривает желудь, который падает на землю с дуба, пускает там корни, питается солнцем, дождем и веществами из почвы и в конце концов вырастает в другой дуб.

Желудь, говорит Аристотель, – это дуб в процессе становления. Быть дубом есть как формальная, так и конечная причина для желудя, превращающегося в дуб. Форма, которую приобретет желудь, пройдя процесс роста и достигнув своего полного развития, является конечной целью для желудя просто в силу его бытия желудем.

Если бы этот сеянец был не желудем, а зернышком из початка кукурузы, наши усилия по его посадке и выращиванию привели бы к другому конечному продукту – стеблю кукурузы с початками на нем. Согласно Аристотелю, конечный продукт, который надо получить, и форма, которую нужно развить в процессе роста, так или иначе присутствуют в самом начале – в семени, при правильном питании вырастающем в полноценное растение.

В действительности дуба и кукурузы нет. От сеянцев только ожидается, что из желудя вырастет дуб, а из зернышка – стебель кукурузы. Но они присутствуют потенциально, и это – противоположность их действительного присутствия. Разница между потенциалом, присутствующим в желуде, и потенциалом в кукурузном зернышке приводит к тому, что одно семя развивается одним образом, а другое – другим.

Сегодня у нас есть другой способ сказать то же самое. Аристотель писал, что энтелехия^[5] одного семени отличается от энтелехии другого. Этим греческим словом он пытался выразить то, что каждое семя имеет в себе потенциал – другую конечную форму или конечный результат, – который ему суждено раскрыть через рост и развитие. Говоря языком современной науки, генетический код одного семени дает ему набор

направлений для роста и развития, отличный от набора направлений, заложенных генетическим кодом другого семени.

Мы думаем о генетическом коде как о программе, определяющей рост и развитие живого организма с момента запуска этого процесса. Аристотель рассуждал о возможностях живого организма как о чем-то, что направляет и руководит организмом в процессе его роста и развития. До определенного момента два этих описания почти взаимозаменяемы. Наблюдаемые факты остаются теми же. Желуди никогда не превратятся в стебли кукурузы.

Причина этого в том, что в материи, из которой состоит желудь, и в материи, из которой состоит зерно кукурузы, заключено нечто изначально отличающееся. Мы можем называть это генами, программирующими рост и развитие, или управляющим потенциалом – это не имеет большого значения для нашего понимания происходящего. Но большинство из нас в курсе, что это влияет на способность людей вмешиваться в природные процессы.

Наше научное знание о ДНК позволяет экспериментировать с генетическим кодом организма и, возможно, вносить существенные изменения в направления, которые в нем предусмотрены. Философское осмысление Аристотелем той роли, которую играет потенциал, не позволило ему и не позволяет нам даже слегка вмешиваться в естественные процессы.

В следующей главе мне следует больше рассказать о возможностях и о действительностях, а также о материи и форме как о фундаментальных факторах изменений всех видов: и естественных, и искусственных. Эти четыре фактора, хотя и не совпадают с четырьмя причинами, тесно связаны с ними.

Чтобы подогреть ваш интерес, позвольте мне попросить вас вновь рассмотреть изменение, о котором мы уже говорили. Речь о том особом виде, который Аристотель называл возникновением и исчезновением. В качестве примера я предлагаю вам вполне обычное повседневное событие.

Мы садимся ужинать и съедаем фрукт. Яблоко, лежащее на нашей тарелке, перестало расти, когда его сорвали с дерева. Но оно по-прежнему живой организм, в нем есть семена, которые можно посадить и вырастить яблоню. Оно не демонстрирует никаких признаков распада или гниения. Мы съедаем его целиком, кроме ядра. Что получилось из яблока?

Мы не только съели, прожевали и переварили его, но мы получили из яблока некоторые питательные элементы, то есть оно каким-то образом стало частью нас. Перед тем как мы начали его есть, органическая материя

этого фрукта имела форму яблока. Когда мы закончили есть, переваривать и получать из него питательные элементы, материя, имевшая когда-то форму яблока, каким-то образом слилась и объединилась с нашей собственной материей в форме человеческого существа.

Яблоко не становится человеком. Скорее, оказывается, что сама материя преобразуется из формы яблока в форму человека.

Что такое «сама материя» и в чем ее отличие от «материи яблока» и «материи человека»? Можем ли мы сказать, что сама материя – это то, что остается постоянным, базовым предметом изменений в этом примечательном виде изменения, которое происходит ежедневно, когда мы едим?

Надеюсь, в следующей главе я смогу немного прояснить ситуацию с «материями».

Глава 7

Быть или не быть

Обычно мы думаем о рождении живого организма как о возникновении того, чего не было раньше. И мы часто говорим о смерти человека как о его исчезновении.

С точки зрения Аристотеля, изменения, которые он называет *возникновением* и *исчезновением*, отличаются от всех прочих искусственных и естественных изменений (места, качества или количества).

Этот особый вид изменения в природе является наиболее трудным для понимания. Почему? Чтобы выяснить это, давайте начнем с самого легкого – создания или разрушения вещей людьми.

Когда люди перемещают вещь или увеличивают ее, то она остается всё той же вещью. Она продолжает существовать как та самая уникальная вещь, меняясь только с точки зрения своих характеристик: местонахождения, цвета или размера.

Мы можем понять постоянство отдельной изменяющейся вещи благодаря тому, что ее сущность выражается одним тем же названием как до, так и после произошедшего изменения: *этот* мяч, *тот* стул. Это не другой мяч или другой стул.

Когда кто-то берет материал, например деревянные бруски, и трансформирует его в стул, возникает искусственная вещь, которой раньше не существовало. Деревянные бруски, ставшие стулом, – это, конечно, не то же самое, что зеленый стул, ставший красным. Причина в том, что, когда стул появился, несколько отдельных деревянных брусков прекратили свое существование в виде нескольких отдельных брусков, в то время как этот стул остается именно этим стулом, меняясь в цвете.

Чтобы лучше понять это, давайте разберемся со значениями четырех слов, упомянутых в предыдущей главе: «материя», «форма», «возможность» и «действительность». Несмотря на то что их значения нетрудно вывести, опираясь на общий опыт и здравый смысл, они не относятся к часто употребительным в повседневной речи.

Деревянные бруски, которые не были стулом, стали деревянными брусками, являющимися стулом. Если деревянные бруски – не стул, это говорит о недостатке в них стульности: они лишены формы стула. Давайте использовать термин «отсутствие» для определения недостатка какой-либо

формы.

Но если бы в этих деревянных брусках только отсутствовала стульность, они бы никогда не смогли стать стулом. Они должны обладать способностью приобретать стульность. Эта способность приобретать форму неразрывно связана с отсутствием формы: если в брусках нет нехватки формы стула, они не могут приобрести ее, ведь если им ее хватает – они ее уже имеют. Только тогда, когда каким-то материалам не хватает какой-то формы, у них есть способность приобрести ее.

Давайте назовем эту способность *потенцией* рассматриваемых материалов. Другими словами для ее обозначения выступают «возможность» и «может быть». Когда деревянные бруски *не являются* стулом, они *могут* им *быть*. Если они были стулом, они не могут им стать.

Но было бы неправильным сказать, что если некоторые материалы не имеют определенной формы, у них всегда есть потенция для ее приобретения. Например, вода и воздух не обладают формой стула, но, в отличие от дерева, они не имеют возможности для ее принятия.

Когда деревянные бруски, не имеющие форму стула, но имеющие потенцию для ее приобретения, получают ее благодаря мастерству и усилиям плотника, мы говорим, что деревянные бруски, у которых была возможность стать стулом, теперь действительно стали им. На протяжении всего процесса становления, до самого момента, когда стул наконец приобрел свою окончательную форму, деревянные бруски, проходящие трансформацию, будут стулом всё еще только потенциально. Пока их трансформация не полностью завершена, они не есть в действительности стул.

Когда деревянные бруски в действительности становятся стулом, их возможность стать стулом *реализовывается*. Это значит, что у них больше нет этой потенции. Форма, которую приобрело дерево, является действительностью, устраняющей возможность, которая сопровождается отсутствием формы у деревянных брусков, но не сопровождается отсутствием формы у воздуха или воды.

Мы видим, как материя, форма, потенция и действительность связаны между собой. Материя может иметь или не иметь определенную форму. Не имея ее, она при этом может иметь способность для ее приобретения – потенцию иметь эту форму. Но не всегда, когда материи не хватает определенной формы, она обладает этой потенцией. Когда материя приобретает потенциальную форму, это значит, что возможность была

реализована. Получение формы трансформирует материю от возможного стула до действительного.

Я использую слова «материя» и «материалы» как синонимы. Но когда мы говорим о древесине и воде, то мы ведем речь о разных видах материи. Древесина – это не просто материя, а ее определенный вид: это материя с формой древесины, что отличает ее от материи в форме воды. Форма материи делает ее определенным видом материи (древесиной) и дает ей определенную потенцию (стать стулом). Материя в форме воды его не имеет.

Если мы понимаем эту простую идею, то с помощью несложных рассуждений осознаем еще один важный момент.

Дерево может стать стулом, но не электрической лампочкой; вода может стать фонтаном, но не стулом. Материя с определенной формой имеет ограниченную потенцию на приобретение других форм. Это верно для любого вида материи, всех различных видов материалов, с которыми могут работать люди для производства вещей: стульев, электрических лампочек и фонтанов.

Теперь представьте материю, полностью лишенную формы. В действительности она не относится ни к какому виду материи. Но она также имеет возможность стать любым видом материи. У нее нет никакой формы, но есть потенция приобрести любую форму. Она обладает неограниченной возможностью для приобретения любой формы.

Предполагаю, что вы думаете так: «Подождите, материя без формы имеет неограниченную потенцию для приобретения формы, но при отсутствии любой формы она в действительности будет ничем. То, что в действительности ничем не является, не существует. Поэтому, говоря о бесформенной материи, мы ведем речь о том, чего не может существовать». Тогда почему, спросите вы, я потрудился упомянуть бесформенную материю?

Аристотель сказал бы, что, вы правы, считая, что чистая бесформенная материя является ничем и не существует. Но он добавил бы, что при этом она также потенциально является всем: любым возможным видом вещей, которые могут существовать.

Тем не менее вы задаетесь вопросом, какой смысл думать о бесформенной материи, если ее нет? Аристотель отвечает, что никакого, если мы ограничиваемся попытками понять искусственно созданные и разрушенные объекты. Но с рождением и смертью животных все сложнее.

Давайте сначала рассмотрим *смерть животного*. Наш домашний

кролик умирает: его тело гниет, распадается и в итоге исчезает. Материя, которая имела форму кролика, больше не имеет ее. Сейчас она приобрела другую форму, как случается, когда кролика убивает и съедает волк. Это была материя объекта одного вида (кролика), а стала материей объекта другого вида (волка).

Происходящее в данном случае отличается от трансформации дерева в стул. Став стулом, материя не перестает быть деревом. Определенный вид материи сохранился, пройдя через предмет изменения. Деревянные бруски, которые в одно время не были стулом в действительности, теперь им стали.

Но в трансформации, происходящей, когда волк убивает и съедает кролика, определенный вид материи не сохраняется. Материя объекта определенного вида (в форме кролика) становится материей объекта другого вида (в форме волка). Единственный идентифицируемый объект этого изменения – это материя, но не материя определенного вида, так как она, изменяясь, не сохраняется.

Теперь рассмотрим *рождение*. Кролик появляется на свет в результате полового размножения. Как и все мы, Аристотель тоже знал эту правду жизни. Процесс, приводящий к рождению живого кролика, начинается с того, что яйцеклетка крольчихи оплодотворяется спермой кроля.

Новый организм развивается с момента оплодотворения, несмотря на то что в это время он, не будучи отдельным живым существом, по-прежнему живет в матке самки кролика. Рождение кролика – это просто этап в процессе его развития. Он развивался внутри крольчихи перед рождением, и он продолжает делать это после, до тех пор пока полностью не вырастет.

Рождение – это отделение одного живого организма от другого: крольчонка от мамы-крольчихи. Оно является локальным перемещением: перемещением крольчонка из пребывания в одном месте (внутри мамы-крольчихи) – в другое (вне ее тела).

Теперь давайте вернемся к началу существования кролика – к его зачатию. До этого момента яйцеклетка самки кролика и сперма самца не были фактически кроликом, но вместе у них имелась потенция стать им. Реализация этой возможности произошла во время оплодотворения, когда материя спермы объединилась с материей яйцеклетки.

Можно ли считать, что материя яйцеклетки и материя спермы отдельно друг от друга также относятся к материи крольчонка после момента оплодотворения, как материя кролика относится к материи волка после съедения кролика волком? Если ответ «да», то бесформенная материя – есть объект изменения в процессе возникновения и исчезновения живых организмов. Мы определяем ее как сохранение, или стабильность, в этом особенном виде изменения.

Если вы считаете, что Аристотель зашел слишком далеко, объясняя естественное возникновение таким же образом, как и искусственное, то рассмотрите еще один пример.

К нему обращался сам Аристотель. Он говорил, что природа шаг за шагом переходит от безжизненных объектов к живым существам таким образом, что невозможно определить точную грань разделения. Можем ли мы, например, рассматривать неживую материю, из которой трансформировались первые на земле живые организмы, как материю определенного вида? Разве она остается тем же видом материи как до, так и после появления на свет первых живых организмов?

Вероятно, вы не назовете ее бесформенной материей. Но вам кажется трудным обозначить ее как материю определенного вида, сохраняющую ту или иную форму. Если вы рассуждаете подобным образом, то понимаете, почему Аристотель считал естественное возникновение более сложным для объяснения, чем искусственное создание, и почему он упоминал чистую, или бесформенную, материю, которой, конечно же, не существует.

Глава 8

Продуктивные идеи и умения

Человек, который первым взял деревянные бруски и сделал из них стул, кровать или дом, перед началом работы должен был иметь некоторое представление о том, что он собирается создать. Ему необходимо было понимать форму, которую приобретают деревянные бруски, становясь стулом. Он не мог взять эту идею из опыта взаимодействия со стульями, потому что до того, как он сделал первый стул, других стульев не существовало. Мы допускаем, что этот человек представил вид стула благодаря скальным образованиям, на которых сидел. Первый стул был всего лишь имитацией чего-то, найденного его изобретателем в природе. Вероятно, первый дом – это имитация пещеры, в которой человек нашел свое убежище.

Где бы или как бы первый создатель стула ни придумал эту идею, одной ее было бы недостаточно. Как мы видели в предыдущей главе, форма стула – стульность – является общей для стульев любого размера, цвета и комбинации его частей. Если в голове первого плотника была только идея стульев в общем, он бы не создал отдельный стул, особенный во всех отношениях, в которых один конкретный стул может отличаться от других. Для того чтобы трансформировать деревянные материалы в определенный стул, он должен был представлять себе его.

Продуктивное мышление предполагает наличие того, что мы, поддавшись соблазну, называем творческими идеями. Поскольку в лексиконе Аристотеля не было греческого эквивалента слова «творческий», вместо него мы будем использовать термин *продуктивные идеи*.

Продуктивные идеи основаны на понимании форм, которые может принять материя, и на образном мышлении, дополняющем их за счет таких деталей, как размеры, очертания и устройство. Без продуктивной идеи мастер не сумеет превратить сырье в конкретную вещь: стул, кровать, дом или что-то другое, изготавливаемое из природных материалов.

Существует два способа для выражения продуктивной идеи. Первый создатель стула, скорее всего, не составлял его чертеж. Имея в голове продуктивную идею, он просто воплощал ее. Материализация этой идеи, то

есть ее воплощение в материи, и есть демонстрация продуктивной идеи. Если бы вы спросили мастера, что за идея была у него до начала работы, он вряд ли бы поведал о ней много. Но, закончив, он указал бы на стул и сказал: «Вот какой была моя идея».

Намного позже в истории человечества ремесленники всех видов научились разрабатывать планы для создания вещей. Они стали выражать свои продуктивные идеи до их фактической материализации. Но даже потом мастера не всегда начинали работать, сперва изложив свои продуктивные идеи. Они до сих пор иногда удерживают идею в уме и позволяют ей направлять себя на каждом этапе работы, пока не появится конечный продукт и не продемонстрирует их замысел.

Это различие между двумя способами, которыми отображаются продуктивные идеи, обращает наше внимание на две отдельные фазы в процессе создания вещей. Один человек имеет идею определенного дома и может нарисовать план его постройки. Другой действует согласно плану и выполняет его. Сегодня мы различаем разные вклады в работу по созданию дома, называя одного человека архитектором, а другого – строителем или подрядчиком (если он нанимает других людей для постройки).

Человек, составляющий планы, имеет продуктивную идею. Тот, кто их использует, должен знать, как это делается. В создании стула или дома одной продуктивной идеи недостаточно. Чтобы ее воплотить, обязательно знать, как работать с материалами таким образом, чтобы реализовать их потенцию превращения в стул или дом. Пока этот конечный результат не будет достигнут, продуктивная идея не выразится в материи. Она не будет материализована.

Конечно, один и тот же человек может иметь и продуктивную идею, и умения, необходимые для ее воплощения. Но необходимо помнить, что продуктивные идеи и навыки – это различные факторы в создании вещей.

Умения мастера включают в себя знания, как выбрать соответствующие сырье для производства задуманной вещи, какие инструменты имеются (или не имеются) в его распоряжении. Если, например, среди инструментов есть только молоток и пила, мастер не сделает стул из железа или стали и не построит дом из камней. Также очевидно, что независимо от доступных инструментов мастер не сделает стул или дом из воздуха и воды.

Кроме того, мастер должен знать, как использовать эти инструменты эффективно и как действовать дальше, шаг за шагом, при создании желаемой вещи. При постройке дома закладка фундамента предшествует возведению каркаса, который, в свою очередь, делается перед установкой крыши.

Ум, руки и инструменты мастера, взятые вместе, являются *действующей причиной* производимой вещи. Они воздействуют на сырье, чтобы реализовать его потенцию для трансформации в задуманный продукт.

Из трех факторов, составляющих действующую причину, ум является главным. Именно ему принадлежат продуктивная идея и умения, без которых ни руки мастера, ни его оборудование не способны создать что-либо. Руки и орудия труда – всего лишь инструменты ума, которые человек использует, чтобы пустить его продуктивную идею и умения в дело, необходимое для воздействия на сырье и реализации его потенции.

Ум человека – главный фактор человеческой деятельности.
Все остальное – инструмент.

Знать, как сделать что-то, – значит иметь умение. Даже в простейших действиях, иногда называемых неквалифицированным трудом, содержатся определенные умения, то есть некоторое мастерство. От простейших до самых сложных видов человеческой деятельности – от создания детьми игрушечных моделей до строительства школ, мостов и дамб – уровень умений – это уровень мастерства.

«Техника» – еще одно слово для обозначения «мастерства». Человек, обладающий умениями, необходимыми для создания какой-то вещи, знает техники ее производства. Я говорю об этом потому, что «техника» происходит от греческого слова *technikos*, которое Аристотель использовал в рассуждениях о приобретенной способности для изготовления вещей. Одни люди обладают ей, у других она отсутствует. Объединенная форма *техно-* со значением «искусство» или «мастерство» происходит от греческого *techne*. В латинском языке оно звучит как *ars*, а в английском – как *art*^[6]. *Мастер – это человек, обладающий техникой, то есть искусством, или навыками, для производства вещей.* Можно было бы назвать таких людей художниками-творцами, если бы вдобавок к наличию умений они также имели продуктивную идею – незаменимый основной источник представлений о вещах, которые хочется сделать.

Иногда мы используем слово «искусство» для обозначения вещей, произведенных художниками^[7]. Это сокращение от «произведений искусства». Но так как произведения искусства не могут быть произведены, пока какой-то человек не приобретет умения для их производства, то искусство в смысле умения должно присутствовать в человеке до того, как

оно выльется в произведение искусства.

Вы, скорее всего, легко воспринимаете поваров, портных, плотников или сапожников в качестве художников, потому что признаёте, что они обладают мастерством для производства определенных вещей. Но вряд ли вы относитесь к фермерам, врачам или учителям как к художникам. Аристотель, однако, считал, что и они имеют некие умения, дающие им право называться художниками. Но он также отмечал, что их искусство отличается от искусства поваров, плотников и сапожников.

Последние создают вещи – торты, стулья и туфли, – которые никогда бы не появились в природе без продуктивных идей человека, его умений и усилий. Это всегда произведения искусства. Но в природе есть фрукты и зерновые культуры. Тогда почему же стоит воспринимать фермеров, выращивающих яблоки и кукурузу, как художников? Что они производят?

Сами по себе – ничего. Фермеры просто помогают природе создавать яблоки и кукурузу, которые природа произвела бы в любом случае. Они обладают знаниями и умениями, как взаимодействовать с природой, и, применяя их на практике, получают от природы лучший урожай, чем тот, который достался бы им без этого сотрудничества.

Как фермеры с их навыками в отношении сельского хозяйства сотрудничают с природой при производстве овощей, фруктов и зерна, так и врачи, обладающие умениями в области медицины, сотрудничают с природой для поддержания и восстановления здоровья живого организма. Поскольку здоровье, как яблоки и кукуруза, является тем, что будет существовать даже в отсутствие врачей, врачи, так же как и фермеры, – лишь сотрудничающие художники, а не творцы, как сапожники или плотники.

Это же относится и к учителям. Люди приобретают знания и самостоятельно, но учителя могут помочь им в этом. Преподавание, как сельское хозяйство и здравоохранение, является сотрудничающим, а не продуктивным искусством.

Продуктивные искусства разнообразны. Человек производит множество вещей – от стульев, обуви и домов до картин, статуй, стихотворений и песен. Картины и статуи похожи на обувь и стулья в том отношении, что они сделаны из материалов, которые их создатель трансформировал определенным образом. Кроме того, картины и статуи, как обувь и стулья, существуют в данном месте и в данное время.

Музыкальное произведение – например, песня, которую поют снова и снова, – не находится только в одном месте и в одно время. Ее поют в разных местах и в совершенно разное время. Кроме того, требуется время,

чтобы спеть песню или сыграть музыкальное произведение, так же как требуется время для прочтения стихотворения или рассказа истории. У песни и истории есть начало, середина и конец, расположенные в определенной последовательности, а у скульптуры и картины они отсутствуют.

Истории записываются словами, песни – нотными знаками. Слова речи и ноты музыки – это символы, которые можно прочесть. Человек, способный сделать это, сможет узнать историю или спеть песню. Но картина или скульптура видимы сразу же. Чтобы наслаждаться работой художника или скульптора, вы должны подойти к материальному продукту, созданному им.

Хотя картина и скульптура представляют собой материальные продукты, как обувь и стул, они также является чем-то доставляющим удовольствие, как истории и песни, и это не предметы, которые применяются с пользой, как обувь или стул. Конечно, вы можете закрыть картиной пятно на стене, но тогда можно наслаждаться и стулом, рассматривая его, а не сидя на нем. Использование и наслаждение – это различные виды восприятия людьми произведений искусства.

Удовольствие, получаемое нами от произведений искусства, связано с нашей тягой к прекрасному. Но это не все. Мы также можем назвать стул, стол или дом прекрасными только потому, что они хорошо сделаны. То, что вещь сделана хорошо, является одним фактором, который относит созданную человеком вещь, будь то стул или скульптура, к определению «красивый». Наслаждение от ее созерцания – другим фактором.

Предположение Аристотеля о том, что эти два фактора связаны, кажется вполне разумным. Удовольствие от скульптуры или дома, истории или песни каким-то образом связано с их качеством. Плохо сделанная скульптура, плохо построенный дом, плохо рассказанная история не доставят нам столько наслаждения.

Мы все ощущаем разницу между рубашкой, сшитой квалифицированным портным, или супом, сваренным умелым поваром, и рубашкой и супом, сделанными некачественно. Хорошая рубашка и хороший суп более приятны – они приносят нам больше удовольствия, – чем плохие вещи.

Кроме того, люди, обладающие искусством приготовления еды или пошива одежды, имеют знания, благодаря которым они могут судить о том, хорошо ли пошита рубашка или вкусно ли приготовлен суп. Мы ожидаем, что квалифицированные повара и портные имеют схожие суждения. Мы бы очень удивились, если бы один квалифицированный повар решил бы, что

суп хорош, а другой, с такой же квалификацией, сказал бы, что он не годится.

Мы бы удивились меньше, узнав, что из двух человек, смотрящих на картину, получившую хорошую оценку квалифицированных художников, одному бы она нравилась, а второму нет. Мы не ожидаем, что разным людям понравятся одинаковые вещи или что они получают от них равное удовольствие. То, что приносит наслаждение одному человеку, может не нравиться другому.

Так же, как один человек способен иметь больше навыков, чем другой, так он может обладать и лучшим вкусом. Было бы разумнее спросить квалифицированного специалиста, насколько хорошо какое-то произведение искусства, чем интересоваться об этом у того, кто совершенно не знает, как такие вещи должны быть сделаны. Так что о приятности произведения искусства логичнее узнавать у человека с лучшим вкусом. Мы ожидаем, что произведение искусства, понравившееся человеку с лучшим вкусом, будет лучше не только в отношении качества выполнения, но и для восприятия.

На вопрос о том, сходимся ли мы во взглядах или от нас ожидают, что мы должны в них сходить, никогда не было однозначного ответа. Существует несколько причин, чтобы сказать «да», и несколько для «нет». Если бы вся красота произведения искусства заключалась в качестве его изготовления, эту проблему было бы проще разрешить. Мы ожидаем, что люди, обладающие умениями для выполнения работы такого рода, в состоянии прийти к общему мнению, хорошо ли сделана вещь или нет.

Откуда же пришли эти важные навыки? Как мастера приобрели их?

Есть два ответа. На более ранних стадиях производительной деятельности необходимые умения основывались на общих знаниях об окружающем мире: о сырье, которым природа обеспечивала человека для работы, и об использовании инструментов.

На более поздних этапах и особенно в настоящее время навыки базируются на научных знаниях о природе и сегодня состоят из того, что мы стали называть технологией. «Технология» – это просто другое слово для научных умений в противопоставление умениям здравого смысла.

Дает ли нам необщее общее чувство Аристотеля какие-нибудь полезные навыки? Помогает ли нам философское мышление – понимание природных процессов, которые мы рассматривали в предыдущих главах, – производить вещи?

Нет, не дает и не помогает. Научные знания применимы продуктивно. Посредством технологий они предоставляют нам возможности

производить вещи. Но философские размышления, улучшающие наше здоровое понимание физического мира, не дают нам ни навыков, ни возможностей производить хоть что-нибудь.

Вспомните, к примеру, о чем мы говорили в предыдущей главе. Аристотелевское философское осмысление того, почему тот факт, что из желудей вырастают дубы, а из кукурузного зерна – кукуруза, не способствует тому, чтобы мы вмешивались в эти природные процессы. Но при помощи научных знаний о ДНК и генетическом коде мы способны изменить модель развития путем скрещивания генов.

В таком случае не является ли философия совершенно бесполезной по сравнению с естественными науками? Да, является, если мы ограничимся использованием знаний только для производства вещей. Философия не печет тортов и не строит мосты.

Но есть и другое применение знаний или пониманий – направлять наши жизни и контролировать наши общества, чтобы они стали лучшими, а не худшими.

Это практическое, а не производительное использование знаний – ради деяния, а не ради созидания.

В этом измерении человеческой жизни философия очень полезна – она намного полезнее, чем естественные науки.

Часть III
Человек-деятель

Глава 9

Размышления о целях и средствах

У меня нет автомобиля, и я хочу его купить. Желанный автомобиль стоит дорого, и у меня не хватает денег. Мне нужно их где-то раздобыть, и есть несколько способов сделать это, не нарушая закон. Например, я могу сэкономить определенную сумму, не тратя имеющиеся средства на что-то другое; или попытаться заработать дополнительные деньги; или занять их.

В данном примере (а подобных примеров бесчисленное множество) приобретение автомобиля – это обозримая цель. Получение денег, необходимых для покупки, – это, с одной стороны, средство достижения цели, а с другой – цель сама по себе, для достижения которой, как мы видим, существуют другие различные средства.

Как сделать выбор среди них? Одно может быть легче, чем другое; выбор одного пути быстрее приведет меня к цели, чем остальные. Из нескольких альтернатив, каждая из которых служит для достижения конечной цели, человек обычно выбирает ту, которая кажется лучше, потому что она легче, быстрее, имеет больше шансов на успех и так далее.

Рассуждая подобным образом, мы действуем целенаправленно.

Иногда мы действуем бесцельно, как лодка просто дрейфует по течению в отсутствие рулевого, задающего ей траекторию движения. В таком случае мы поступаем бездумно. В наших мыслях нет ничего, что направляло бы наши действия. Бездумные действия не требуют от нас размышлений.

Однако в большинстве случаев мы поступаем целенаправленно, а это невозможно, если мы сначала не подумаем. Мы должны поразмыслить о конечном результате, который пытаемся получить. Нам необходимо решить, какое из альтернативных средств достижения цели лучше и почему. И если определенные средства, которые мы собираемся применить, нельзя использовать, не сделав в первую очередь что-то другое, чтобы получить доступ к первым средствам, значит, они сами по себе будут целью. И тогда мы размышляем о средствах для их достижения.

Это практическое мышление, необходимое для целенаправленного действия, включающее в себя обдумывание целей и средств.

Продуктивное мышление направлено на вещи, которые должны быть произведены. Практическое мышление, напротив,

направлено на то, что должно быть сделано.

Правильное мышление с целью производства чего-либо предполагает, что вы обладаете продуктивными идеями и умениями. Правильное мышление с целью попасть куда-либо за счет своих действий предполагает, что вы обладаете пониманием своей цели и способов ее достижения. Вы также должны размышлять о причинах, по которым один способ лучше другого.

Продуктивное мышление на самом деле не производит вещь. Оно приводит к фактическому производству, которое в свою очередь не начинается, пока человек не приступит к взаимодействию с сырьем для его преобразования способом, материализующим продуктивную идею, живущую в его голове.

Таким образом, практического мышления недостаточно для фактического действия. Действие начинается, когда практическое мышление реализуется на практике. Продуктивное мышление может продолжаться непосредственно во время процесса производства. Практическое мышление – в ходе целенаправленного действия. Но пока создание и деяние не начнутся в действительности, продуктивное мышление и практическое мышление не принесут плоды.

Аристотель говорил, что кроме исключительных случаев бесцельного поведения люди всегда действуют с некоторой целью. В своих размышлениях они в первую очередь думают о конечном результате, а начинают действовать с использованием средств для его достижения.

Аристотель также считал, что люди действуют с мыслью о чем-то хорошем, что они хотят получить. Он определяет цель как *желаемое благо*.

По его мнению, нет никакого смысла ставить себе целью заведомо плохой результат. Это все равно что сказать, что наша цель – то, чего мы не хотим. Согласно здравому смыслу, мы стараемся избежать того, что кажется нам негодным, а не получить это.

Стремление к конечному результату означает поиск желаемого блага.

Являются ли средства, необходимые для достижения конечной цели, также желаемым благом? И да, и нет. Средства хороши, но не потому, что мы хотим их ради них самих, а только потому, что мы желаем их ради чего-то другого.

Должны ли мы всегда относиться к средствам как к чему-то

положительному, потому что они предоставляют нам способ получения конечного результата? Конечно, средства хороши, только если они помогают нам добиться успеха в достижении цели. Но если у них также имеются другие последствия, то они могут быть нежелательными из соображений, совершенно независимых от стремления к задуманной цели.

Кража помогла бы мне получить деньги для покупки автомобиля, но она также может навлечь серьезные неприятности, которых я желал бы избежать. Используемые нами средства нельзя считать хорошими только потому, что с их помощью мы чего-то добьемся. Они также не должны привести нас туда, куда мы не хотим попадать, – например, в тюрьму.

Подведем итог: средства бывают конечным результатом, который мы получаем с помощью других средств, а цель также бывает средством для каких-то дальнейших целей. Это приводит нас к двум неизбежным, по мнению Аристотеля, вопросам. Первый: существуют ли средства, являющиеся исключительно средствами и никогда – целями? Второй: существуют ли цели, являющиеся исключительно целями и никогда – средствами? Такие цели Аристотель называет *последними*, потому что они не являются средствами для последующих за ними целей.

Переформулируем первый вопрос: существуют ли вещи, к которым мы стремимся только ради чего-то другого и никогда ради них самих? И второй вопрос: существуют ли вещи, которые мы желаем только ради них самих и никогда ради чего-то другого?

Аристотель утверждал, что есть средства, которые являются исключительно средствами, цели, являющиеся только средствами для дальнейших целей, и цели, преследуемые нами ради них самих, а не ради каких-то благ, которые можно получить с их помощью. Его причины думать таким образом заключаются в следующем.

Если бы не было ничего, что бы мы желали ради него самого, а не ради чего-то другого, у нас бы не развилось практическое мышление. А мы уже видели, что практическое мышление начинается с мыслей о цели. Так что если бы каждая цель, о которой мы думаем, была бы средством для дальнейшей, а эта дальнейшая цель опять-таки была бы средством для какой-то последующей, и так далее до бесконечности, то практическое мышление так и не возникло бы.

Мы знаем, что для реализации практического мышления нужно начать с некоторых средств, которые приведут нас к цели. Если эти средства –

сами по себе цель, требующая от нас нахождения средств для ее достижения, мы не можем начать деятельность с нее. Сперва мы подумайте о средствах, которые являются исключительно средствами, а не также целью, для которой необходимы другие средства.

До сих пор я говорил только о том, почему должны быть цели, которые не есть средства, и почему должны быть средства, которые не есть цели. Я не удивлюсь, если вы в недоумении: как же можно заниматься практическим мышлением, не зная, что является последней, высшей целью? Если практическое мышление не может начинаться с цели – средства для другой цели и если у вас нет ни одной цели, к которой стремитесь только ради нее самой, как же вы бы вообще начали думать практически?

Поскольку вы, несомненно, много раз использовали практическое мышление, Аристотель, вероятно, ошибался, говоря, что практическое мышление не может начаться, пока у вас на уме нет последней цели.

Казалось бы, так оно и есть. Различие между двумя способами, в которых выражается последняя цель, прольет свет на эту проблему. Давайте начнем с того, что мы учили в школе о геометрии – о той же самой геометрии, знакомой Аристотелю.

Основы геометрии Евклида, необходимые для доказательства всех теорем, состоят из определений, аксиом и постулатов. Определения точек, линий, прямых линий, треугольников и прочих объектов необходимы точно так же, как необходимы аксиомы вроде того, что целое больше любой из его частей и объекты, равные одному и тому же объекту, равны между собой. Постулаты – это предположения, выдвинутые Евклидом для других положений, требующих доказательств.

Разница между аксиомами и постулатами заключается в том, что вы не сможете опровергнуть любую из аксиом. Подумайте, например, что часть больше целого, которому она принадлежит. Но когда Евклид говорит, что вы нарисуете прямую линию из любой точки к любой точке, вы не обязаны соглашаться с ним. Нет ничего, вынуждающего нас подтвердить это, в отличие от аксиомы о целом и его части.

Как аксиомы и постулаты являются различными видами отправных точек в геометрическом мышлении, также существуют различные виды отправных точек в практическом мышлении. Евклид просит нас принять что-то как само собой разумеющееся, чтобы получить возможность начать геометрические доказательства. Так и с практическим мышлением: давайте считать, что некая определенная цель безусловна, и больше не задавать этот вопрос, даже если его можно задать.

Другими словами, большинство из нас начинают мыслить, практически не имея на уме какой-то последней цели, а скорее предполагая, что задуманная конкретная цель достижима в настоящее время, так, как если бы это была цель, о которой больше не стоит ничего спрашивать.

В нашем примере мы принимаем цель – поездки на работу на машине – в качестве последней, для которой обладание автомобилем, способность его купить, получение денег на него и так далее являются только средствами. Конечно, вы понимаете, что вас могут спросить, почему вы хотите ездить на работу на машине, и ваш ответ приведет к дальнейшим «почему?», пока вы не дойдете до утверждения, к которому больше нельзя будет поставить вопрос «почему?».

Если вы когда-нибудь доберетесь до этого, то поймете последнюю цель, для которой всё остальное – лишь средства. Но вам необязательно знать это, чтобы начать мыслить практически и действовать целенаправленно, потому что вы временно предполагаете, что какая-то цель у вас на уме в настоящее время является последней, желаемой вами ради нее самой.

Вы можете поинтересоваться у себя, почему вы хотели достичь определенной цели, когда размышляете о средствах для ее получения или используете их. Но не страшно, если вы отложите этот вопрос – до поры до времени, но не навсегда, если вы собираетесь вести хорошо спланированную жизнь.

Глава 10

Жизнь и хорошая жизнь

Чем мы моложе, тем больше вещей мы совершаем бесцельно или, по крайней мере, играючи. Существует разница между бесцельными действиями и игрой. Бесцельно мы действуем, когда не знаем желаемый результат. Но, когда мы играем, у нас есть цель – веселье от процесса. У нас нет никакой скрытой цели, удовольствие от самой деятельности и есть наша цель, и ее вполне достаточно.

У серьезной деятельности, наоборот, всегда имеется скрытая цель. Мы добиваемся какой-то цели, совершая определенные поступки, являющиеся средством.

Наличие и отсутствие скрытой цели и есть различие между работой и игрой.

Все мы признаём, что работа редко бывает так же приятна, как игра.

Чем мы моложе, тем меньше шансов, что у нас есть хорошо продуманный жизненный план. В юности наши цели обычно сиюминутны: это вещи, которые нужно сделать или от которых хочется получить удовольствие сегодня, завтра или, максимум, на следующей неделе. Подобные цели нельзя считать планом на всю жизнь. А «вся жизнь» – это слишком сложная вещь, чтобы думать о ней в молодости.

Взрослея, мы становимся все более целенаправленными и серьезными и менее игривыми. Это верно для большинства, но не является истиной в отношении каждого. Есть исключения. Некоторые пожилые люди живут только для удовольствия и наслаждения, и мы, как правило, не хвалим их. Напротив, мы критикуем их за то, что они посвящают слишком много времени и энергии играм. Мы считаем, что взрослый человек с таким образом жизни на самом деле инфантилен. Для детей нормально играть большую часть своего времени, но для взрослых мужчин и женщин нет.

По мере того как мы становимся старше и серьезнее, мы стараемся собрать все наши разнообразные цели в одно целое – в единую схему жизни. Если мы так не делаем, то должны бы, ибо так советовал Аристотель. Нам стоит попытаться разработать план, чтобы жить как можно лучше.

Сократ, учитель Платона (а Платон – учитель Аристотеля), говорил,

что неизученная собственная жизнь не имеет ценности. Аристотель пошел дальше и заявил, что неспланированная жизнь не стоит изучения, так как в таком случае мы не знаем, что пытаемся сделать и почему, куда намереваемся попасть и каким образом. Это суматоха и беспорядок. Естественно, такая жизнь недостойна внимательного изучения.

Более того, ее даже вообще не стоит проживать, потому что неспланированная жизнь не будет хорошей. А чтобы получить хорошую, думать о результатах и средствах их достижения. Бездумная жизнь как бесцельная деятельность. Она никуда не приводит.

Но Аристотель не считал, что наличия плана достаточно для хорошей жизни. Он хотел убедить нас, что план должен быть правильным. Существует множество неправильных планов и только один правильный. Если вы будете руководствоваться одним из неправильных, то ваша жизнь не будет приносить радости. Жить хорошо означает жить в соответствии с правильным планом.

Аристотелю легко убедить нас, что для целенаправленной жизни мы обязаны иметь план, – это аргумент здравого смысла. Но Аристотелю сложнее доказать, что существует только один правильный план. Если он преуспее, то это станет еще одним свидетельством его нестандартного здравого смысла.

Что делает один жизненный план правильным, а все остальные нет?

По мнению Аристотеля, правильный план нацелен на правильный конечный результат.

Так же как мы считаем невозможным думать, что часть целого больше самого целого, так и нельзя полагать, что неправильная цель – это то, к чему мы должны стремиться. Не стоит пытаться ее достигать. Нужно прилагать усилия только для достижения правильной цели. Однако это не ответ на следующий вопрос: что такое правильная конечная цель?

Вероятно, это кажется вам сложной проблемой, но Аристотель считал иначе. Правда, он давал не полный ответ, так как полный гораздо сложнее сформулировать и понять. Так что давайте начнем с более простого.

Правильная цель – это хорошая жизнь.

Объяснения Аристотель формулировал так.

Существуют определенные вещи, которые мы делаем, просто чтобы жить: питание, забота о нашем теле и поддержка здоровья. Ради этого

большинству приходится работать, чтобы иметь средства на покупку еду, одежды и жилья.

Существуют и другие вещи, которые мы делаем, чтобы жить хорошо. Мы прилагаем усилия, чтобы получить образование, считая, что знания сверх необходимых обогащают нашу жизнь. Нам не нужны удовольствия, чтобы выжить, но, несомненно, они делают нашу жизнь лучше.

Как просто жизнь, так и хорошая жизнь есть цели, для которых нужно найти средства. Но просто жизнь, или выживание, есть средство для хорошей жизни. Невозможно жить хорошо, не оставаясь при этом в живых как можно дольше или, по крайней мере, до тех пор, пока для этого есть желание.

Но средством для какой цели является хорошая жизнь? На этот вопрос нет ответа, говорил Аристотель, потому что хорошая жизнь – это самоцель, мы стремимся к ней не ради чего-либо еще.

Всё остальное, называемое нами хорошим и желательным, – это средство либо чтобы жить, либо чтобы жить хорошо.

Мы можем думать о жизни как о средстве для хорошей жизни, но мы не можем думать о хорошей жизни как о средстве для чего-то другого.

По мнению Аристотеля, это должно быть очевидно. Он полагал, что наш здравый смысл демонстрирует, что на самом деле все мы с этим согласны.

Слово, используемое им для обозначения хорошей жизни, на русский язык обычно переводится словом «счастье». По Аристотелю, *счастье* – это именно то, к чему стремится каждый. На вопрос, хочет ли человек счастья, никто не ответит: «Нет, я хочу страдания вместо счастья».

Кроме того, ни один из нас не сможет объяснить этого желания. Единственной причиной должна быть какая-то более важная цель, для достижения которой счастье – лишь средство. Но никакой более последней цели не существует. За пределами счастья, или хорошей жизни, нет чего-то еще, для чего счастье является средством.

Я использовал слово «счастье» как синоним «хорошей жизни». Однако всё не настолько просто и очевидно с использованием «счастья» с любым другим значением.

Например, мы спрашиваем друг друга: «У тебя было счастливое детство?» или «Ты счастлив?» Мы желаем счастливого отпуска или счастливого Нового года. Используя слово «счастье» таким образом, мы

имеем в виду удовольствие или удовлетворение, испытываемое нами при получении желаемого.

Люди, имеющие то, что они хотят, и от этого чувствующие себя удовлетворенными, счастливы. Счастливое время – это время, наполненное удовольствием, а не болью, удовлетворением, а не разочарованием. А раз так, мы можем быть счастливыми сегодня и несчастными завтра.

Желания разных людей не одинаковы. Того, что хочет один человек, второй старается избежать. Поэтому то, что некоторые считают для себя хорошим, другие считают плохим.

Мы отличаемся в наших желаниях и, следовательно, в том, что считаем хорошим для нас. То, что делает одного человека счастливым, может сделать другого несчастным.

Но, поскольку разные люди чувствуют себя счастливыми в результате выполнения разных дел или получения разных вещей, как можно утверждать, что счастье – хорошая жизнь – это одна правильная, последняя цель, к которой должны стремиться все люди?

Возможно, Аристотель убедил нас, что все мы хотим счастья ради самого счастья. Но как ему доказать, что все мы, желая счастья ради счастья, желаем одного и того же?

В поисках счастья люди ищут разного, и это очевидно исходя из здравого смысла. Так же как и мы, Аристотель из общего опыта знал, что для некоторых счастье заключается в богатстве, для других – в обладании властью или славой, для третьих – в веселье.

Если ощущение себя счастливым приходит из получения желаемого и если разные люди хотят разного, то и счастье должно быть разным для разных людей.

Если это так, то как может существовать один правильный план для хорошей жизни? Счастье, или хорошая жизнь, – это последняя цель, к которой стремится каждый, но оно не является той же самой конечной целью для всех нас.

Я уже говорил, что существует простой, но неполный ответ на вопрос, что является единственной правильной последней целью: счастье, или хорошая жизнь. Чтобы получить полный ответ, давайте рассмотрим объяснения Аристотеля, почему хорошая жизнь для всех одинакова.

Глава 11

Хорошее, лучшее, наилучшее

Из нашего общего опыта мы знаем, что люди отличаются в своих желаниях и что в повседневной речи мы используем слово «хороший» для обозначения вещей, которые мы хотим получить.

Если мы считаем одну вещь более желаемой, чем другую, мы считаем, что она лучше. А из нескольких желаемых вещей есть одна, которая кажется нам наилучшей.

Такие размышления привели Аристотеля к выводу здравого смысла: оба понятия – *хорошее* и *желаемое* – неразрывно связаны между собой.

Утверждения, что хорошее есть желаемое и желаемое есть хорошее, – такие же аксиомы, как постулаты Евклида в геометрии.

Напомню, что рассматриваемая нами проблема – различия в желаниях людей, усложняющие доказательства того, люди имеют одинаковую последнюю цель в виде стремления к хорошей жизни, или к счастью. Для ее разрешения Аристотель показывает нам, что человеческие желания разнообразны и то, что является истиной для одного вида желания, не будет истиной для другого.

Люди отличаются друг от друга не только по своему характеру и склонностям, но также и по стилю жизни и по получаемому опыту, поэтому их приобретенные личные желания различны. Таким образом, до сих пор мы обсуждали *индивидуальные желания*.

С одной стороны, каждый человек – уникальная личность, с другой – все люди, как представители одного вида, разделяют понятие человечности. Множество индивидуальных различий перекрывают общие черты и свойства, присущие всем нам.

По большей части это различия в степени. Все имеют глаза и уши, могут видеть и слышать, но зрение или слух у одного человека бывают острее, чем у другого. Все обладают способностью рассуждать, но у одних она выражена сильнее. Всем людям нужна пища для выживания, но телосложение одного индивида бывает крупнее, тогда и ему нужно больше еды.

Этот последний пример общих черт привлекает внимание к особому

виду желаний – к естественным, а не приобретенным желаниям, свойственным всем людям и изменяющимся только в степени, а не от человека к человеку. Мы используем одинаковые слова для желаний разного вида: мы говорим, что нам нужна еда (или мы желаем ее) и что нам нужен новый автомобиль (или мы хотим его).

Потребности – это врожденные, или природные, желания, присущие нашему человеческому естеству в силу наличия определенных общих склонностей, данных нам от рождения. У всех растений и животных есть биологическая способность для питания, а у камней ее, к примеру, нет. Всему живому необходимо питание, и без него оно умирает. Удовлетворение этой способности есть необходимым условием для поддержания жизни.

Человек не приобретает желание получать питание в процессе своей жизни или в результате личного опыта. Он нуждается в пище, несмотря на осознание или неосознание этого. Он ощущает эту необходимость, испытывая муки голода. Голод – это опыт чувства природной необходимости, которая присутствует всегда и у всех.

Люди, родившиеся в Азии, Африке, Европе и Северной Америке, имеют одинаковую потребность в пище и питье, и все они испытывают голод и жажду, являющиеся их осознанием естественной потребности. Но люди, выросшие в неодинаковых обстоятельствах, отличаются друг от друга и приобретают разные желания в отношении видов продуктов питания. Они выбирают разную еду и напитки для удовлетворения голода и жажды.

Они *не нуждаются* в этих различных видах. Они *хотят* их. Если желаемый вид еды недоступен, их потребность будет удовлетворена доступными видами, которые, однако, они не хотят, так как еще не приобрели желания, связанные с ними.

Данный пример является биологической необходимостью для всех живых существ. Теперь давайте рассмотрим типичную человеческую потребность, возникающую из уникальной способности людей. От других животных их отличает умение задавать вопросы для получения знаний о себе и о мире. Признавая этот факт, Аристотель начинает один из важнейших трудов с предложения: «Человек по природе желает знать». То есть стремление к знаниям – это такая же естественная потребность, как стремление к пище.

Тем не менее есть одно интересное различие между потребностью в знаниях и потребностью в пище. Большинство людей осознают лишение пищи, когда ощущают голод. Но, будучи лишенными знаний, люди не

всегда понимают это. К сожалению, мы редко испытываем муки невежества, как мы чувствуем муки голода.

Все приобретенные желания осознаются нами в момента обладания ими. Это неверно для естественных потребностей. Некоторые из них, например в еде и питье, мы понимаем только тогда, когда лишены необходимого. Но другие природные потребности, например в знаниях, могут и не осознаваться нами даже в случае их нехватки.

Этот факт не должен привести нас к заблуждению, что неосознанных потребностей не существует. Они есть вне зависимости от того, знаем мы о них или нет.

Я не буду давать исчерпывающий перечень естественных потребностей. Я привел вам несколько примеров естественных потребностей, чтобы противопоставить их приобретенным и проиллюстрировать аристотелевские различия между двумя видами желаний. Я хочу показать, как оно поможет убедить нас, что есть только один правильный план хорошей жизни.

Для этого нужно признать аргумент, с которым большинство из нас и так согласно: мы часто хотим вещи, в которых не нуждаемся. Мы даже ошибочно говорим, что нуждаемся в них, когда мы просто их желаем. У нас нет необходимости в икре, но многие люди, полюбив ее вкус, хотят ее; и они даже могут позволить себе сказать, что нуждаются в ней.

Это не единственная ошибка, которую мы делаем в отношении желаний. Можно хотеть то, что на самом деле не очень хорошо для нас. Некоторые люди хотят наркотиков. Они приобрели сильные желания в их отношении и игнорируют наносимый ими вред, желая для себя то, что плохо. Но в сам момент желания они воспринимают их как нечто хорошее, так как стремятся удовлетворить свои желания.

Если бы это не казалось им хорошим, было бы неверно говорить, что желаемое является хорошим. Даже когда люди хотят плохого, оно рассматривается ими как хорошее. Их стремление было неправильным. И то, что видится им хорошим, таковым не является.

В отличие от таких вещей, представляющихся положительными, когда вы их хотите, но оказывающихся отрицательными позже, вещи, в которых вы нуждаетесь, будут хорошими *всегда*. Они не будут хорошими в одно время и

плохими в другое.

Потребности никогда не бывают ошибочными, напротив, такое может случиться и случается с желаниями. Потребность – это именно то, что действительно хорошо для вас, а не то, что только кажется хорошим в какое-то время.

Различие Аристотеля между природными и приобретенными желаниями (или между потребностями и желаниями) тесно связано с еще одним отличием – между действительными и кажущимися благами.

Кажущиеся блага – это вещи, называемые нами хорошими, потому что мы сознательно желаем их в определенное время. *Действительные блага* – это вещи, необходимые нам независимо от того, сознательно мы хотим их или нет. Их хорошие качества состоят в удовлетворении желания, присущего человеческой природе.

Давайте посмотрим на это с другой стороны. Хорошее является желаемым, и желаемое является хорошим. Но вещь может быть желаемой в двух разных смыслах, так же как и «хорошее» часто имеет два толкования. Мы называем что-то желаемым в конкретный момент, когда мы действительно хотим этого. Или мы можем назвать что-то желаемым, потому что мы должны хотеть этого независимо от нашей воли в определенное время.

Желательное в одном смысле бывает нежелательным в другом. Мы можем желать того, что не должны, или не желать того, что должны. Мы всегда должны желать то, что действительно хорошо для нас, потому что мы нуждаемся в этом, а мы не способны иметь неправильные потребности. Но только кажущееся хорошим не является тем, что мы должны желать, потому что в действительности оно может быть плохим, даже если в момент желания казалось хорошим.

Правильный план для достижения счастья, согласно Аристотелю, вовлекает нас в поиск и приобретение вещей, действительно хороших для нас.

Это вещи, необходимые не только чтобы просто жить, но и чтобы жить хорошо. Если мы будем искать действительные блага, то мы будем стремиться к счастью в соответствии с одним правильным планом жизни,

который нужно принять.

Поскольку естественные потребности основаны на наших общих человеческих возможностях и наклонностях и являются аналогичными для всех людей, то что действительно хорошо для одного – действительно хорошо для любого другого. Поэтому человеческое счастье одинаково для каждого: оно состоит в обладании всеми теми вещами, которые хороши для человека не в один момент времени, а на протяжении всей жизни. И именно поэтому один правильный план хорошей жизни неизменен для всех.

Ни одна человеческая жизнь не может быть полностью лишена реальных благ, так как на биологическом уровне общее неудовлетворение основных потребностей лишит возможности человека жить продолжительное время. Природные потребности в еде, питье, одежде, жилье и сне обязаны удовлетворяться хотя бы в минимальной степени, чтобы организм оставался в живых. Но минимальное удовлетворение этих потребностей просто для выживания не будет средством для хорошей жизни.

Кроме этого, существует множество других человеческих нужд, которые должны быть удовлетворены для приближения к удовлетворению всех человеческих склонностей. Если счастье состоит в подобном полном удовлетворении потребностей, тогда один человек приближается к его достижению ближе, будучи способным лучше, чем другие, удовлетворить свои человеческие потребности и прийти к обладанию действительно хорошими для него вещами.

Один план хорошей жизни лучше другого в той степени, в которой он направляет человека к более полной реализации его способностей и к более полному удовлетворению его потребностей. И самый лучший план из всех, который мы и должны принять, нацелен на получение каждого действительного блага в правильном порядке и в правильной мере. Кроме того, он позволяет нам стремиться к вещам, которых мы хотим, но в которых не нуждаемся, пока их получение не будет пересекаться с нашей способностью удовлетворять наши нужды.

Не все кажущиеся блага оказываются плохими для нас. Некоторые из

них не вредны сами по себе; некоторые не мешают нашим усилиям получать действительные блага. Стремление к счастью одного человека может отличаться от стремления к счастью другого, даже если оба следуют по одному правильному плану хорошей жизни.

Причина таких различий в том, что каждый хочет для себя разных вещей сверх необходимых. Хотя то, что действительно хорошо для одного человека, одинаково для всех, то, что кажется хорошим одному человеку в соответствии с его желаниями, достаточно отличается от представлений об этом другого.

Кажущиеся блага допустимы, если они не причиняют нам вреда и не являются препятствием в нашем стремлении к счастью.

Теперь нам ясно, почему Аристотель считал, что счастье одинаково для всех. Но без ответа все еще остаются некоторые другие вопросы.

Что есть действительные блага, к которым должен стремиться человек, чтобы жить хорошо? Некоторые из них мы уже упоминали, но разве можно составить их полный перечень?

Если да, то встает другая проблема – самая важная: каким образом мы должны попытаться получить все действительно необходимые вещи? Какие средства понадобятся для достижения последней цели?

Найдя ответы на все эти вопросы, мы будем иметь полное представление о плане жизни для достижения счастья.

Глава 12

Как стремиться к счастью

Когда Томас Джефферсон создавал Декларацию независимости, понимал ли он представление Аристотеля о счастье и о том, как стремиться к нему?

Декларация говорит, что все люди равны по своей природе и имеют равное право на жизнь, свободу и стремление к счастью. Жизнь, как мы видели, сама по себе является средством к хорошей жизни. Так же, как и свобода.

Пока мы не сможем делать свободный выбор в отношении вещей, которые мы хотим или которые нам нужны, и пока мы не сможем выбирать свободно – без принуждения или препятствий, – мы не сможем стремиться к счастью. Если для нас все определено, если модель нашей жизни нам навязана, тогда нет смысла говорить о ее планировании.

Мы должны остаться в живых, чтобы жить хорошо. Нам нужна воля, чтобы сделать запланированное усилие для достижения хорошей жизни. Поскольку нам необходимы все эти вещи, чтобы стремиться к счастью, у нас есть право на них. Но нужно ли нам стремиться к счастью? Нужно ли нам жить хорошо? Если нет, что же является основанием для сделанного Джефферсоном утверждения, что все люди имеют право стремиться к счастью?

Ответ на этот вопрос лежит в ряде пунктов, о которых шла речь в предыдущих главах.

Хорошая жизнь, или счастье, – это последняя цель всей нашей деятельности.

Если мы хотим каких-то вещей, то они кажутся нам хорошими. Существуют другие вещи, которых мы должны хотеть, потому что они в действительности хороши для нас, независимо от того, кажутся ли они нам такими в какой-то момент или нет.

Если хорошая жизнь – это жизнь, включая обладание всеми по-настоящему хорошими для нас вещами, тогда мы должны желать жить хорошо, чтобы достичь счастья, или хорошей жизни. Поскольку все, что действительно хорошо для нас, является тем, что мы должны хотеть, общая совокупность действительных благ определенно является тем, что мы

должны желать.

Слово «должен» выражает понятие долга или обязательства. Фраза, что мы должны стремиться к счастью, как к последней цели нашей жизни, означает, что у нас есть долг или обязанность попытаться жить хорошо.

Чтобы выполнить этот долг, нам необходимы действительные блага, которые, вместе взятые, составят наше счастье. Именно поэтому у нас есть право на них. Если у нас нет обязательства попытаться жить хорошо и если мы не нуждаемся в определенных вещах, чтобы сделать это, у нас не будет права на них, которое, как утверждал Томас Джефферсон, есть у всех нас.

Томас Джефферсон считал, что, так как природа всех людей не различна, то все имеют одинаковые естественные права, то есть одинаковые естественные потребности. В этом смысле Джефферсон принимал мнение Аристотеля, что стремление к счастью вовлекает всех людей в попытки получить один и тот же набор действительных благ.

Прежде чем я попытаюсь перечислить действительные блага, к которым, по мнению Аристотеля, должны стремиться все мы, я бы хотел уделить пару минут разнице между вопросами «Что я должен сделать, чтобы стремиться к счастью?» и «Какие шаги я должен предпринять, чтобы сделать стул, нарисовать картину или сочинить музыкальную композицию?». Это прольет свет на разницу между деянием и созиданием, то есть попытками жить хорошо и сделать что-то хорошо.

Если вы беретесь создать стул, картину или музыкальное произведение, вы должны иметь продуктивную идею этой вещи и должны знать, как ее осуществить, или обладать умениями для ее качественного производства. Продуктивная идея и навыки – это средства для данной цели. Но вы не обязаны стремиться к последней цели. Только если вы решили сделать этот конкретный стул, картину или музыкальное произведение, вы должны применить средства, необходимые для его производства.

Стремление к счастью отличается от производства стула, картины или музыкального произведения, потому что вы не можете сказать: «Если я хочу стремиться к счастью, я должен делать это или то». В отношении счастья не существует *если*. Вы можете не желать производить определенный стул, у вас нет в этом необходимости, но вы должны стремиться к счастью.

Но как вы должны делать это? Вопрос, который остается без ответа.

Аристотель предлагает нам два смежных ответа. Первый состоит в перечислении действительных благ, составляющих вместе счастье. Второй заключается в его рекомендациях для получения всех действительных благ, нужных нам на протяжении жизни. Первый ответ проще, так что давайте

начнем с него.

Мы по своей природе вопрошающие, думающие и знающие животные. Как животные, мы обладаем телами, за которыми нужно ухаживать определенными способами. Как человеческие животные, мы имеем ум, который необходимо определенным образом упражнять. Некоторые из действительных благ Аристотель называет *телесными благами*, например здоровье, энергию и силу. А так как чувства дают нам опыт телесных удовольствий и боли, Аристотель также относит такие удовольствия к действительным благам. Это наблюдение здравого смысла, с которым трудно поспорить: мы должны стремиться к телесным удовольствиям и по возможности избегать телесной боли.

Мы разделяем телесные блага с другими животными. Это блага для нас, потому что мы – животные. Мы отличаемся от других животных только способом, которым мы стремимся к телесным благам. Например, другие животные инстинктивно стараются избежать телесной боли и всегда инстинктивно пытаются получить телесное удовольствие. Но люди иногда отказываются от телесных удовольствий или терпят боль ради какого-то другого блага, которое они считают более желательным. И мы даже можем думать, что есть смысл ограничить наши телесные удовольствия, чтобы освободить место в нашей жизни для других, более важных благ.

Телесные блага, о которых я говорил, являются средством к счастью. Но они также сами по себе есть целями, для которых другие блага – это средства. Ради нашего телесного здоровья, жизненной силы и удовольствия нам нужны еда, питье, жилье, одежда и сон.

Аристотель соединяет все эти вещи термином *внешние блага*, или *богатство*.

Богатство, согласно Аристотелю, является реальным благом, потому что оно есть необходимое средство для телесного здоровья, жизненной силы и удовольствия. Без определенного количества богатства мы не сумеем наслаждаться здоровьем, жизненной силой или удовольствием, а без этих вещей мы не можем жить хорошо.

Люди, которые голодны, замерзли, изнемогают от жары, люди, лишенные сна, или те, чьи тела каждое мгновение борются за жизнь, люди,

которым недостает внешних условий, дающих им простые удобства, не могут жить хорошо. Они живут так же плохо, как и люди, вынужденные быть рабами, находящиеся в цепях или ограниченные тюремными стенами. Отсутствие определенного количества богатства – такое же препятствие для достижения счастья, как лишение определенного количества свободы.

В обоих случаях я, как и Аристотель, говорю «определенное количество». Он не писал, что для хорошей жизни нужна неограниченная свобода и неограниченное богатство. Причины для ограничения разнятся, но оба понятия ограничены, а не безграничны. Так же и телесные удовольствия являются ограниченным благом, которого мы не можем желать слишком много для нашего собственного высшего блага.

К телесным и внешним благам Аристотель добавляет третье – *блага для души*. Мы могли бы назвать их психологическими благами, как могли бы назвать телесные блага – физическими.

Наиболее очевидными из душевных благ являются блага разума, такие как всевозможные знания, включая навыки и умения. Среди навыков, в которых все мы нуждаемся, находится и навык мышления. Он необходим нам не только чтобы производить хорошие вещи, но и чтобы хорошо действовать и хорошо жить.

Возможно, менее очевидными кажутся душевные блага, которые нужны нам, поскольку мы не только мыслящие, но и общественные животные. Мы не можем жить хорошо в полном одиночестве. Жизнь в уединении – это не хорошая жизнь, и она не лучше, чем жизнь раба или человека в цепях.

Так же как мы естественно хотим приобрести знания, мы естественно хотим любить других людей и быть любимыми ими. Жизнь, в которой полностью отсутствует любовь и друзья, – это жизнь, лишенная крайне необходимого блага.

Несмотря на то что другие люди, как и различные формы богатства, являются внешними по отношению к нам, Аристотель не ставит дружбу среди внешних благ. Он рассматривает ее скорее как благо для души. Удовлетворяя нашу психологическую потребность, дружба больше похожа на знания и умения, чем на вещи, удовлетворяющие телесные потребности.

Удовольствия ума существуют так же, как и удовольствия тела. Среди них, например, удовольствие от создания произведений искусства и от наслаждения ими. Существует также удовлетворение от приобретения знаний, обладания определенными навыками и от ощущения себя любящими и

любимыми.

Люди хотят, чтобы их любили. Они также желают, чтобы их уважали за черты, достойные, по их мнению, восхищения. Признавая это, Аристотель относит к благам чувство собственного достоинства и честь. Но, по его мнению, если уважение не было вызвано правильной причиной (то есть если мы по-настоящему не заслужили его), то оно не является действительным благом. Некоторые люди стремятся к славе, а не к уважению. Они чувствуют удовлетворение, имея хорошую репутацией, даже если и недостойны ее.

Сейчас я почти полностью перечислил действительные блага, участвующие в достижении хорошей жизни в целом. Они являются составными частями этого целого, которые мы должны использовать, чтобы получить целое. Это первый ответ Аристотеля на вопрос о том, как достичь счастья.

Второй ответ Аристотеля состоит из различных рекомендаций, которым необходимо следовать. Они направляют наши действия таким образом, чтобы мы могли развивать хорошие моральные качества. Сверх всех уже упомянутых реальных благ есть еще один вид, в котором мы нуждаемся, – *хорошие привычки* или, говоря точнее, привычки делать правильный выбор.

Люди, которые развили мастерство игры в теннис, получили хорошую привычку: она позволяет им регулярно хорошо играть в теннис. Люди, которые научились решать геометрические или алгебраические задачи, также имеют хорошую привычку. Это же относится к тем, кто регулярно и без всяких сложностей сдерживает себя, чтобы не есть или пить больше, чем полезно, или кто умеет противостоять соблазну подольше поспать или побольше поиграть.

Это все хорошие привычки, но последние из них отличаются от остальных. Навык игры в теннис – это хорошая телесная привычка, а навык с легкостью решать математические задачки – хорошая привычка ума. Данные хорошие привычки позволяют нам отлично выполнять определенные действия: не только регулярно, но и без усилий. Противоположностью *привычкам действия* служат привычки, благодаря которым мы регулярно делаем определенный выбор с легкостью и без долгих размышлений.

Человек, который приобрел стойкость и принял четкое решение избегать чрезмерной еды, имеет привычку такого рода. Это *хорошая* привычка, потому что способность сдерживать себя от злоупотреблений

является *правильной*.

Еда и питье – действительные блага, но только в умеренных количествах. Переизбыток возможен для многих действительных благ и удовольствий. Мы часто хотим больше, чем было бы хорошо для нас, больше, чем нам нужно. Именно поэтому Аристотель говорил, что нам необходима привычка правильного выбора, чтобы стремиться к действительным благам в правильном количестве, чтобы желать их в правильном порядке и в правильном отношении друг к другу.

Греческое название, которое Аристотель дает всем хорошим привычкам, лучше всего переводится словом «совершенство». Тем не менее оно чаще встречается в его латинском переводе и звучит как «добродетель».

Хорошие привычки, к которым относятся навыки того или иного рода, – это *добродетели ума*, или интеллектуальные добродетели. Хорошие привычки, к которым относится определенный выбор или правильное решение, составляют характер человека и являются, как называет их Аристотель, *моральными добродетелями*.

Оба вида добродетели – действительные блага, необходимые для хорошей жизни. Но моральные добродетели играют особую роль в нашем стремлении к счастью настолько, что Аристотель писал, что хорошая жизнь проживается при принятии морально добродетельных выборов или решений.

В следующей главе я постараюсь объяснить, почему Аристотель считал это утверждение обобщающим.

Глава 13

Хорошие привычки и удача

Некоторые из действительных благ, необходимых для хорошей жизни, являются также средствами для других благ. Внешние блага, такие как продукты питания, одежда и жилье, – это средства для здоровья и энергии. Нам нужно богатство, чтобы жить хорошо, потому что нам нужно здоровье, чтобы жить хорошо.

Точно так же нам необходимы здоровье, энергия и сила для того, чтобы участвовать в деятельности для получения других благ. Если бы мы ничего не должны были делать для достижения счастья, нам бы не потребовались энергия и силы, чтобы быть активными.

Среди благ самый высокий рейтинг принадлежит тем, которые мы желаем ради них самих и ради хорошей жизни. Например, мы не хотим богатства ради него самого, а только как средство для хорошей жизни. Но такие действительные блага, как дружба и знания, мы желаем ради них самих и ради счастья.

Действительные блага делятся на *ограниченные* и *неограниченные*. Например, богатство и телесные удовольствия относятся к первому виду. Вы можете хотеть их больше, чем вам нужно, но больше, чем вам нужно, не есть хорошо. Знания, умения и удовольствия ума – неограниченные блага. Чем их больше, тем лучше. Их не бывает слишком много.

Если бы не было ограниченных благ и если бы все действительные блага в равной степени имели значение, в таком случае ни к одному из них люди не стремились бы ради любого другого; если желание каких-то определенных вещей, кажущихся вам хорошими, не противоречит стремлению к другим вещам, которые действительно хороши, тогда не было бы сложностей, чтобы прожить хорошую жизнь, и не было бы необходимости в привычке правильного выбора, чтобы добиться успеха в своем стремлении к счастью.

Но Аристотель знал, что на самом деле это не так. Если вы на мгновение задумаетесь о своей собственной жизни, то увидите, что он был прав. Просто вспомните вещи, о которых вы сожалели, или времена, когда вы не сделали что-то необходимое и не получили то, в чем вы нуждались,

потому что боялись возможной боли в процессе. Или вы позволяли себе спать и есть больше, чем надо, и потом были недовольны этим.

Если бы вы делали правильный выбор в каждом из подобных случаев, вы бы не жалели ни о чем. Выборы и решения, не влекущие за собой сожаления, способствуют вашему стремлению к счастью, располагая действительные блага в правильном порядке, ограничивая количество, когда оно должно быть ограничено, и убирая в сторону вещи, которые вы хотите, если они стоят на пути получения вещей, необходимых вам.

Моральная добродетель, по Аристотелю, заключается в привычке делать правильный выбор.

Но один или два правильных выбора среди множества неправильных не говорят о моральной добродетели. Если неверные выборы значительно превышают правильные, значит, вы неуклонно движетесь в не в том направлении – прочь от достижения счастья, а не к нему. Именно поэтому Аристотель подчеркивает значение привычки.

Вы знаете, как образуются привычки. Для формирования привычки не опаздывать на встречи вы должны пытаться быть пунктуальным снова и снова. Постепенно привычка будет сформирована. Когда это произойдет, у вас будет твердая и четкая настройка быть вовремя там, где вы обещали. Чем сильнее привычка, тем легче действовать именно так и тем труднее избавиться от нее или действовать противоположным образом.

Хорошо развив привычку, вы начнете получать от нее удовольствие, потому что вы будете делать что-то легко, почти без усилий. А действуя против своих привычек, вы почувствуете дискомфорт.

Сказанное верно как для хороших, так и для плохих привычек. Сформировав у себя привычку просыпаться, вы будете легко выключать будильник и продолжать валяться в постели. Вам будет очень сложно и мучительно встать вовремя. Таким же образом, если злоупотребление какими-то удовольствиями войдет в привычку, вам будет тяжело прекратить это.

По мнению Аристотеля, эти привычки вредны, так как мешают делать то, что вы должны делать, чтобы получить необходимые вещи. Противоположные привычки – это хорошие привычки, позволяющие получить то, что действительно хорошо для вас, а не то, что только кажется

таким в какой-то момент времени и может оказаться плохим в долгосрочной перспективе.

Хорошие привычки, или моральные добродетели, – это привычки делать правильный выбор среди благ, действительных и кажущихся.

Вредные привычки, называемые Аристотелем *пороками,* – это привычки делать неправильный выбор.

Каждый раз, делая правильный выбор и действуя согласно ему, вы продвигаетесь вперед, к вашей последней цели жить хорошо. При неправильном выборе вы идете в противоположном направлении. Добродетельный человек – это человек, регулярно выбирающий правильно, хотя и не обязательно каждый раз.

Аристотель считал, что моральная добродетель – это основное средство для достижения счастья и наиболее важная из всех вещей, которые действительно хороши для нас. Моральные добродетели также являются неограниченным благом. Их бывает слишком много. А привычки делать правильный выбор никогда не бывают сформированы слишком твердо.

Одним из аспектов моральной добродетели Аристотель называл *умеренность*. Она состоит в умении не злоупотреблять удовольствиями и не поддаваться соблазну хотеть больше ограниченных благ, чем нужно. Одна из причин, почему телесные удовольствия искушают нас, в том, что обычно мы можем насладиться ими прямо сейчас. Умеренность дает нам силы сопротивляться тому, что кажется хорошим в данный момент ради того, что действительно хорошо для нас в долгосрочной перспективе. Также она позволяет нам желать богатства в нужном количестве – только как средство к другим благам, а не в качестве конечной цели.

Другим аспектом моральной добродетели Аристотель считал мужество. *Мужество* – это способность принимать любые страдания, связанные с выполнением долга ради хорошей жизни.

Например, мы признаём, что получение знаний и развитие определенных умений являются интеллектуальными добродетелями, которыми мы должны обладать. Но приобретение знаний бывает болезненным.

Обучение – сложный процесс: овладение мастерством игры на музыкальном инструменте, хорошими писательскими или мыслительными навыками требует большого количества практики и часто утомляет.

Привычка уклоняться от трудностей, безусловно, мешает приобретать действительно хорошие знания. Аристотель называл ее *пороком трусости*.

Человек, постоянно избегающий боли и неприятностей, встречающихся на пути получения действительных благ, – такой же трус, как и солдат, бегущий с поля боя, опасаясь получить травму. Солдат, рискующий своей жизнью, преодолевающий свой страх ради победы, обладает мужеством. Его имеет и человек, привычно принимающий проблемы, претерпевающий трудности и страдающий от боли, чтобы получить действительно хорошие для него вещи.

Умеренность и мужество как аспекты моральной добродетели отличаются друг от друга. Первый связан с сопротивлением соблазну телесных удовольствий и с контролем нашей тяги к ограниченным благам. Второй – с принятием страданий и лишений. Но оба они похожи в одном очень важном отношении. И умеренность, и мужество являются привычками делать правильный выбор между тем, что может быть действительно хорошо, но только сейчас, и тем, что действительно хорошо в долгосрочной перспективе или для нашей жизни в целом.

Аристотель понимал, что для тех, кто молод или не имеет еще достаточно опыта, трудно сосредотачиваться на отдаленных, будущих благах, когда есть те, что сразу же приносят настоящие удовольствия. Он знал, что это тяжело даже для тех, кто старше. Но он напоминал, что все мы, пытаясь приобрести моральную добродетель – привычку делать правильный выбор, – должны преодолеть эту трудность прогнозирования жизни.

Стремление жить хорошо является нелегким для любого из нас. Но это не делает цель менее привлекательной и не освобождает нас от обязанности прилагать усилия. Напротив, с точки зрения Аристотеля, удовлетворение, которое приходит от удачи в достижении хорошей жизни, стоит всех приложенных усилий и пережитых забот.

Тем не менее только готовности взять на себя труд и сделать усилие недостаточно. Если человек имеет в своем распоряжении соответствующие материалы, знания и умения, необходимые для производства качественного продукта, его создание почти полностью находится во власти человека. Если люди терпят неудачу – это их неудача. Но, к сожалению, этого нельзя сказать о счастье.

Успех в достижении хорошей жизни не совсем зависит от нас. Мы можем потерпеть неудачу, даже обладая необходимыми моральными достоинствами, и нашей вины в этом не будет. Привычка правильно выбирать является условием для успеха, но не гарантирует его.

У нас имеется гораздо больше возможностей для овладения некоторыми из действительных благ – например, хорошими привычками ума и характера, – чем другими: богатством, здоровьем или даже свободой и дружбой. Даже приобретение знаний может зависеть от наличия помогающих родителей и учителей, что находится вне нашего контроля.

Мы не в состоянии управлять условиями, в которых родились и выросли. Мы не можем заставить удачу улыбнуться нам. Многие происходят случайно, а не по нашему желанию.

Усилия с нашей стороны не гарантируют нам, что мы получим внешние блага, необходимые для хорошей жизни. Забота о нашем теле не означает, что мы сохраним свое здоровье и силы. Бедность и серьезные болезни, потеря свободы и друзей могут настигнуть нас, несмотря на добродетельное поведение.

Моральной добродетели недостаточно для хорошей жизни, потому что шанс, как и выбор, играет важную роль в стремлении к счастью. Удача столь же необходима, как и хорошие привычки. Некоторые из действительных благ, которые мы получаем, являются просто подарком судьбы, но правильное их использование зависит от обладания хорошими привычками. Это, по мнению Аристотеля, и делает моральную добродетель определяющим фактором хорошей жизни.

Кроме того, наличие хороших привычек позволяет человеку легче переносить невзгоды. Если мы не в силах контролировать случайно происходящее, мы можем, по крайней мере, воспользоваться благами, достигающимися нам в результате удачи. Мы способны попытаться исправить ситуации, в которых мы пострадали от негативных обстоятельств. Моральная добродетель помогает нам взаимодействовать с поворотами судьбы – положительными и отрицательными.

Аристотель резюмировал, что наш успех в достижении хорошей жизни зависит от двух факторов. Первый – это обладание моральной добродетелью, позволяющей нам изо дня в день делать правильный выбор. Второй – благословение везением. Как моральная добродетель не дает нам следовать в неверном направлении или выбирать плохие вещи, так и удача предоставляет нам действительные блага, получение которых находится не полностью в нашей власти.

Счастье – это хорошая жизнь, в которой человек имеет все желаемое, при условии что он не хочет чего-то неправильного.

Чтобы не жаждать чего-то неправильного, человек должен обладать моральной добродетелью и благами, как приобретенными с помощью привычки правильного выбора, так и лежащими вне зоны самостоятельной досягаемости.

Среди благ судьбы существуют вещи, зависящие от окружающей природной среды и социума, в котором мы родились, воспитывались и живем. Аристотель призывал нас никогда не забывать, что мы физические организмы и общественные животные. Иметь хорошую семью и жить в хорошем обществе столь же важно, как жить в хорошем климате, дышать чистым воздухом, пить чистую воду и в достатке обладать другими материальными ресурсами.

До этого момента мы рассматривали стремление к счастью, как будто оно было отдельным делом, которое каждый из нас может сделать сам. Но это не так. Поскольку мы не можем жить хорошо в полном одиночестве, мы обязаны думать о том, что сделать, чтобы хорошо жить с другими, и что другие могут и должны сделать, чтобы помочь нам в нашем стремлении к счастью.

Стремление к счастью эгоистично в той степени, что хорошая жизнь субъективна и не является хорошей жизнью для кого-то другого. Но, когда мы понимаем, что не в силах добиться своего счастья, не учитывая счастье других, оказывается, что нельзя быть абсолютно эгоистичными и успешными.

Именно поэтому, по мнению Аристотеля, умеренности и мужества недостаточно, и должна быть еще и *справедливость*. Она связана с благами других людей, не только наших друзей и близких, но и всех остальных. Справедливость касается блага всеохватывающего общества, в котором мы живем, называемого государством.

Жизнь в хорошем обществе в значительной степени способствует стремлению человека к счастью, потому что такой социум справедливо взаимодействует с людьми. Он также требует, чтобы индивид был справедлив по отношению к другим и действовал на благо общества в целом. В достижении общего блага участвуют все члены социума.

Люди, не обладающие умеренностью и мужеством, наносят себе вред, по привычке делая неправильный выбор. Они также будут несправедливыми и будут вредить и другим, и обществу. Те же, кто твердо нацелен на действительно хорошую жизнь для себя, регулярно делают выбор, приближающий их к цели. Этот выбор также направлен на достижение счастья остальными людьми и процветание общества.

Рассмотрим, например, желающего больше богатства, чем на самом

деле хорошо для него; или человека, злоупотребляющего пищей ради телесных удовольствий; или того, кто жаждет в действительности плохого для всех – власти над окружающими. Такие люди, безусловно, разрушают свою жизнь. Весьма вероятно, что они причинят вред и из-за неверного направления своей цели. Но люди с правильным курсом не могут не приносить пользу обществу и остальным его членам.

Глава 14

Что другие имеют право ожидать от нас

Аристотель сказал две вещи об отношении одного человека к другому, которые кажутся мне необыкновенно мудрыми. Осознав их, вы увидите, что они основаны на здравом смысле.

1. Если бы все люди были друзьями, в справедливости не было бы необходимости.

2. Справедливость – это чувство, связывающее людей в государстве.

Ставя эти два примечания вместе, мы приходим к выводу, что члены государства – крупнейшего общества, к которому мы принадлежим, – не являются друзьями друг другу. Если бы они были друзьями, их не нужно было бы связывать друг с другом с помощью справедливости, чтобы сформировать общество, называемое государством.

Большинство из нас принадлежит к более чем одной организованной группе. Мы являемся членами семьи, выступая либо в качестве родителей, либо в качестве детей, либо являясь и теми и другими. Мы принадлежим к таким сообществам, как школы, клубы, университеты, коммерческие структуры того или иного рода. Все они – объединения взаимодействующих друг с другом людей ради общей цели.

Цель объединения отличает эти организованные группы от всех остальных. Они созданы, чтобы служить определенному благу. Образовательные учреждения, например, развивают знания; больницы охраняют здоровье; коммерческие организации производят и распространяют товары, которые покупаются и продаются, и так далее.

Семья, напротив, – это социум, поддерживающий жизни своих членов, а государство – общество, стремящееся обогатить и улучшить их жизни. Если бы от жизни в государстве нельзя было получить каких-нибудь дополнительных преимуществ, то, по мнению Аристотеля, люди бы продолжили существование в более мелких ячейках типа семьи или группы семей (например, в племени). К объединению семей в племена, а группы племен в еще большие общества привели преимущества, которые можно от этого получить.

Будучи общественными животными, люди должны объединяться друг с другом, чтобы поддерживать и сохранять

свои жизни и приводить в мир новые поколения, которые необходимо оберегать и защищать в младенчестве.

Аристотель просил подумать нас о происхождении обществ. Что стало первоначальной причиной, побудившей людей сформировать их?

Один из ответов – инстинкт. Инстинкт заставляет пчел собираться в ульях, а муравьев – в колониях. Если бы человеческий инстинкт привел нас к созданию семей, племен и государств, то они были бы совершенно естественными, в отличие от таких общественных структур, как школы, клубы или коммерческие организации. Последние вряд ли являются продуктом инстинкта. Люди объединяются добровольно для достижения конкретных целей.

С точки зрения Аристотеля, семьи, племена и государства – результаты инстинкта не больше, чем школы, клубы и коммерческие организации. Они не похожи на ульи, которые у одного вида пчел абсолютно одинаковы, из поколения в поколение, в любом месте, где бы вы их ни обнаружили. Но при том, что все люди принадлежат к одному виду, модели и организации их обществ различны в человеческих семьях, племенах и государствах.

По Аристотелю, это означает, что изначально общества были добровольными и целенаправленными и формировались с учетом некоторого плана организации, придуманного людьми, входящими в них. В этом отношении общества похожи на школы и клубы, однако есть и различия. Семьи, племена и государства являются в той же мере естественными, как и добровольными.

Нет ли здесь противоречия? Оно бы было, если бы Аристотель думал, что семьи, племена и государства естественны настолько же, как ульи и муравейники – продукты инстинкта. Но, по мнению Аристотеля, существует другой способ, по которому общество может быть естественным: оно должно формироваться, чтобы служить какой-то естественной потребности, например необходимости оставаться в живых или вести хорошую жизнь.

Тогда общество естественно, но при этом оно создано добровольно, целенаправленно и вдумчиво.

По Аристотелю, семьи возникли из-за необходимости людей оставаться в живых и охранять своих детей. Группы семей появились, чтобы служить той же цели чуть более эффективно. Еще большие организации – государства, первоначально выросшие из объединений семей и племен, не только служат той же цели еще более эффективно, но и другим дополнительным. Они дают возможность некоторым, если не всем

людям, жить хорошо. Если жизнь защищена, то все внимание и усилия можно направить на ее улучшение и обогащение.

Человек по своей природе – *политическое животное*, и в эту фразу вложено больше смысла, чем в утверждение, что человек – *животное общественное*. Существуют и другие общественные животные, например пчелы и муравьи или волки, которые охотятся стаями. Но только люди организуют свои общества добровольно, целенаправленно и вдумчиво, устанавливая законы или обычаи, отличающие одно общество от другого.

Кроме того, люди не могут достигнуть лучшего качества своей жизни только в семьях и племенах. Для этого, по Аристотелю, они должны жить вместе в городах или государствах.

Греческое слово, обозначающее город или государство, – polis, из которого мы получаем русское слово «политический». Латинское слово для этого – civis, от которого произошли «гражданский»^[8] и «цивилизованный». Будучи политическими по своей природе, люди должны обитать в городах, чтобы жить настолько хорошо, насколько это возможно. Хорошая жизнь является гражданской или цивилизованной жизнью.

Теперь давайте вернемся к двум утверждениям из начала этой главы. Если бы все люди были друзьями, в справедливости не было бы необходимости. Поскольку все члены государства редко (если вообще) дружат, справедливость необходима, чтобы мирно и гармонично объединить их в это самое большое из всех человеческих обществ.

Давайте предположим, что все члены семьи – друзья в самом высоком смысле этого слова. Когда два человека дружат таким образом, они любят друг друга. Любовь побуждает каждого из них желать блага второму: жаждать, чтобы он получал выгоду, и делать все необходимое, чтобы улучшить и обогатить его жизнь.

В такой дружбе каждый будет действовать с целью помочь счастью другого. Никто не будет поступать во вред другому, препятствовать или затруднять его стремление к счастью.

Вот почему в семье, где родители любят своих детей, а дети – родителей, в которой муж и жена, братья и сестры искренне и во все времена любят друг друга, не было бы необходимости в справедливости. Но в большинстве семей возникают ситуации, когда любовь рушится или

не дотягивает до совершенства. Тогда один член семьи может сказать другому: «Ты был несправедлив ко мне», или «То, что ты просишь, – несправедливо», или «Я имею право ожидать от тебя того или иного».

В такие моменты любовь перестает быть тем, что связывает членов семьи вместе, и на арену выходит справедливость, которая пытается проследить, что человек получает то, что он имеет право ожидать, и что он защищен от обид и вреда, которые другие могут причинить ему. Без вмешательства справедливости члены семьи не смогли бы оставаться вместе или, по крайней мере, жить в мире и согласии, пытаясь разделить радость от использования совместных благ.

Это еще более справедливо для государств, члены которых по большей части не связаны друг с другом дружбой или любовью. Там, где отсутствует любовь, должна вмешиваться справедливость, чтобы объединить людей и дать им возможность жить мирно и гармонично друг с другом, взаимодействуя ради общей цели.

Аристотель знал, что существует несколько видов дружбы. Среди них, по его мнению, прекрасный был только один – дружба между любящими людьми и желающими друг другу только наилучшего.

Такая дружба встречается редко. Чаще мы называем человека другом, потому что он полезен для нас и мы можем получить от него что-то хорошее. Это эгоистичная дружба. Наш «друг» просто служит каким-то нашим интересам. В отличие от этого настоящая дружба, или любовь, бескорыстна. Великодушна. Она служит на благо другого.

Справедливость, как и любовь, также направлена на благо другого. Тем не менее между ними существует четкое различие. Тот, кто понимает любовь, знает, что один человек никогда не должен говорить второму: «У меня есть право быть любимым. Ты обязан любить меня».

Когда мы по-настоящему любим кого-то, мы даем любимому человеку самих себя щедро и бескорыстно. Мы делаем для него больше, чем он имеет право ожидать.

Иногда мы даже любим людей безответно. Ответная любовь не является условием для нашей любви. Но, когда мы действуем справедливо по отношению к другим, мы эгоистичны в том плане, что хотим от них справедливости взамен. В этом смысле фраза, что мы должны поступать с другими так, как бы хотели, чтобы они поступали с нами, эгоистична.

Что другие вправе ожидать от нас? То, что мы исполним обещания,

данные им. Скажем правду, потому что ложь в любом случае каким-то образом навредит им. Вернем все долги. Не украдем того, что принадлежит им. Не нанесем вреда их здоровью, не лишим их жизни. Не будем мешать свободе их действий, если их поведение никоим образом не будет опасным для нас. Не будем делать ложных заявлений в их адрес, не повредим их репутацию и не принесем им дурную славу.

Все подобные положения легко резюмировать, сказав, что другие имеют право ожидать от нас того, что мы не сделаем ничего такого, что помешает их стремлению к счастью, – ничего, что воспрепятствует получению ими действительных благ, необходимых для хорошей жизни. Именно потребность людей в действительных благах дает им право на них, и именно их право на них мы обязаны уважать – если мы сами являемся справедливыми.

Нам не всегда удастся быть идеально справедливыми. Некоторые люди слишком далеки от того, чтобы вообще называться справедливыми. Вместо уважения прав других обычно они склоняются в противоположном направлении: нарушают права людей, чтобы получить желаемое для себя.

Вот почему принимаемые законы предписывают, что члены государства должны или не должны делать, чтобы действовать справедливо по отношению друг к другу. Если бы каждый располагал привычкой быть справедливым в отношении других, то в таких законах не было бы необходимости. Но поскольку очень мало людей ведет себя идеально справедливо и поскольку некоторые из них по привычке склонны быть несправедливыми, выполнение данных законов должно контролироваться государством, чтобы не допустить серьезного ущерба, который один человек может нанести другому, нарушая его права.

Есть ли у других людей право ожидать от нас положительных действий, которые поспособствуют им в их стремлении к счастью? Не вмешиваться, не препятствовать и не затруднять их усилия для получения или обладания нужными им благами – это одно. Помогать им в получении таких благ – совсем другое.

Если исходить из понимания Аристотелем разницы между любовью и справедливостью, ответ будет отрицательным. Это щедрость любви, а не обязательство справедливости побуждает одного человека поспособствовать другому получить реальные блага для хорошей жизни. Именно поэтому законы, исполнение которых контролирует государство, не требуют от

людей помощи такого рода.

Тем не менее государство принимает законы и следит за их исполнением, требуя от человека действовать с пользой на благо общества. Благосостояние общества влияет на стремление к счастью ее членов. Хорошее общество, в котором обеспечивается и усиливается общее благо народа, вносит вклад в хорошую жизнь его членов.

Аристотель прямо заявлял, что конечной целью, которой должно служить общество, является счастье людей, входящих в его состав.

Поэтому мы, соблюдая законы, обязывающие нас действовать во имя общественного блага, помогаем, но не напрямую, в продвижении к счастью наших собратьев. То, что мы делаем непосредственно для нескольких любимых нами людей, мы косвенно делаем и для всех остальных.

Глава 15

Что мы имеем право ожидать от других и от государства

Возлюби ближнего своего, как самого себя.

Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе.

Оба этих хорошо известных правила касаются отношений между вами и другими людьми. Оба делают вас смысловым центром ваших действий по отношению к другим.

Создается впечатление, что мы поменяли этот порядок на обратный, рассмотрев в предыдущей главе, что другие имеют право ожидать от нас, и теперь в этой анализируя, что имеем право ожидать от других мы. Точнее сказать, мы возвысились над порядком, который ставит нас на первое место, а всех остальных – на второе.

Права являются правами. Если один человек имеет их на основе потребностей, которые он разделяет со всеми другими людьми, то и все остальные имеют те же права. Не важно, подумаете ли вы в первую очередь о своих правах или о чьих-то еще.

Тем не менее здравый смысл присутствует в том, чтобы поставить вас сначала в порядке размышлений о том, что вы должны сделать. Последней целью, которая должна контролировать ваше практическое мышление, выбор и действия, является обеспечение себя хорошей жизнью. У вас есть обязательство жить максимально хорошо.

Вы должны стремиться к вашему собственному счастью с помощью любви, но справедливость, как мы видели, не требует от вас способствовать счастью других. Однако она требует не мешать им в их стремлении к хорошей жизни. Если вы выходите за эти пределы этого и, наоборот, помогаете людям, вы поступаете так потому, что любите их, как любите себя.

Ваши права и права других людей основаны на действительно хороших для любого человека вещах, поскольку они удовлетворяют потребности, присущие человеческой природе. Размышления о том, что хорошо и что действительно хорошо, должны предшествовать размышлениям о правах. Например, если бы вы не думали, что наличие определенного количества богатства, удовлетворительного состояния здоровья и свободы действительно хорошо для вас, эти мысли не привели

бы вас к идее, что каждый имеет право на эти вещи не только в качестве средства для жизни, но и в качестве средства для хорошей жизни.

Таким образом, то, что вы имеете право ожидать от других, является тем же, что другие имеют право ожидать от вас. Права всех людей одинаковы, потому что то, что на самом деле хорошо для вас, хорошо для любого другого ввиду нашей общей человеческой природы и одинаковых потребностей, следующих из нее.

Среди них – потребность жить в объединении с другими людьми. Как мы видели, человеческие общества возникли для ее удовлетворения и для помощи нам в получении благ для хорошей жизни. Мы не из тех животных, которые могут действовать в одиночку.

Хотя общество само по себе есть благо, определенное общество может и не быть им, если способ его организации и действия не благоволят или явно мешает его членами приобрести и обладать действительно хорошими для них вещами.

Например, семья не является хорошей, если она не дает своим отпрыскам свободу, не заботится об их здоровье, не помогает им расти, как они должны. Это не означает, что семья – это плохо, маленькие дети не могут выжить и вырасти без нее. Но одна конкретная семья не является хорошей, потому что она не предоставляет детям то, что они вправе ожидать от нее.

В своих размышлениях Аристотель рассматривал хорошие и плохие общества наряду с хорошими и плохими людьми и хорошей и плохой жизнью.

Аристотель размышлял, что делает конкретное общество хорошим, а другое еще лучшим. Его главный вопрос касается наилучшего общества, в котором мы можем жить и стремиться к счастью.

Аристотель считал, что государство, или политическое общество, предоставляет нам наибольшее количество возможностей жить цивилизованной жизнью. Поэтому давайте уделим особое внимание ответам Аристотеля на вопросы о хорошем и наилучшем государстве.

Аристотелю казалось очевидным, *что хорошее государство* – это государство с хорошим правительством. Для него государство не может существовать без правительства, а люди без него не способны жить вместе в мире и согласии.

Это было бы неправдой, если бы все люди любили друг друга или хотя бы вели себя справедливо. Тогда отпала бы необходимость в законах или в контроле за их исполнением. Но из общего опыта Аристотель знал, что не все связаны друг с другом любовью или дружбой, что большинство далеко

не полностью справедливы, а некоторые – довольно сильно несправедливы и эгоистичны.

Именно поэтому вывод здравого смысла в том, что правительство обязательно для существования государства, или политического общества.

Будучи необходимым, правительство, как и общество, есть благо.

Однако конкретная форма правительства бывает плохой или не настолько хорошей, какой должна бы быть.

Некоторые люди, которым не хватает аристотелевского здравого смысла, полагают, что правительство не нужно вообще. Они не понимают, что люди – как они есть, а не как кто-то желал бы их видеть – не способны жить вместе мирно и действовать сообща для достижения общей цели, не имея правительства, которое обладает властью следить за исполнением законов и принимать решения. Сдерживать нужно не только преступников. Для того чтобы множество людей двигались вместе к общей цели, необходим механизм для принятия решений, который потребует от них согласованных действий.

Также говорят, что правительство является необходимым злом, потому что оно предполагает применение удерживающей силы и накладывает ограничения на свободу личности. Те, кто так считает, не понимают очень важных аристотелевских выводов.

По мнению Аристотеля, хороший добродетельный справедливый человек подчиняется справедливым законам, потому что он является добродетельным, а не потому, что боится наказания, которое влечет за собой нарушение закона или общественного порядка. Он подчиняется им и поддерживает мир добровольно, а не вынужденно. Он не действует так из-за правительства, и поэтому для него правительство не зло, каким оно представляется плохому человеку.

Хороший человек не чувствует, что правительство ограничивает его свободу. Он не хочет больше свободы, чем он может использовать, не навредив другим. Только плохой человек жаждет еще свободы, потому что желает действовать, не считаясь с остальными, и поэтому ощущает, что свобода поступать как ему вздумается ограничивается правительством.

Утверждение, что правительство само по себе является необходимым и хорошим, не делает все формы правительства хорошими. Для Аристотеля грань, отделяющая хорошие правительства от плохих, определяется

ответами на следующие вопросы.

Первый: действительно ли правительство служит благу людей, которые находятся под его управлением, или оно служит корыстным интересам тех, кто обладает в нем властью? Правительство, ориентированное на личные интересы правителей, – тираническое. Только правительство, способствующее достижению счастья подданных, является хорошим.

Второй: опирается ли правительство исключительно на власть или еще и на законы, принятые с согласия и при участии подданных? Правительство, основанное только на власти – не важно, находится ли она в руках одного человека или многих, – является деспотичным, даже если оно доброжелательно и рационально, а не тиранично. Чтобы быть хорошим, правительство должно обладать полномочиями, известными и одобряемыми подданными страны, а не полномочия, базирующиеся только на силе, внушающие ужас жителям и полученные правителями только из-за страха людей.

Хорошее в соответствии с этими принципами правительство Аристотель называл *конституционным*, или *политически ответственным*. Он предполагал, что это единственная надлежащая форма правительства.

Это подводит нас к третьему вопросу: справедлива ли конституция – основной закон, на котором основывается политически ответственное правительство? И являются ли справедливыми учрежденные этим правительством законы?

Любое не тираническое правительство в какой-то степени является хорошим. Среди нетиранических правительств конституционное лучше деспотического. А среди конституционных правительств лучшим является то, которое обладает справедливой конституцией и справедливыми законами.

Восхваляя конституционное правительство, Аристотель говорил о нем как о форме правительства свободных и равных людей, при которой граждане правят и в свою очередь позволяют править собой.

Те, кем правит деспот, являются подчиненными, а не гражданами, имеющими голоса в их собственном правительстве. Те, кем правит тиран, не лучше, чем рабы. В обоих случаях их расценивают как второсортных, а не как равных людей. Только граждане, подчиняющиеся правлению других граждан, которых они выбрали, чтобы занимать государственные должности на определенное время, подчиняются правлению как равные и свободные люди.

В этой части своих размышлений Аристотель допустил серьезную

ошибку. Живя в то время и в том обществе, где люди рождались уже рабами и где женщин считали неполноценными, он ошибочно полагал, что многие имеют неполноценную природу. Аристотель не понимал, что люди казались неполноценными из-за соответствующего к ним отношения, а не от природы.

Сделав эту ошибку, Аристотель разделил всех на две группы. С одной стороны он поставил тех, кем можно было править как гражданами, то есть как свободными и равными личностями с правом голоса в собственном правительстве. С другой стороны находятся те, для кого подходит только деспотическая форма правления, – это подчиненные, или рабы, то есть люди без права голоса в собственном правительстве, несвободные и неравные.

Сегодня такую ошибку бы никому не простили. Исправляя ее, мы приходим к выводу, что ко всем людям правительство должно относиться как к гражданам. Единственным исключением, касающимся всех людей, являются младенцы и люди с психическими отклонениями.

Таким образом, конституционное правительство справедливо, только если конституция предоставляет всем людям равный статус граждан, независимо от пола, расы, вероисповедания, цвета кожи или благосостояния. При этом она также дает им свободу подчиняться указам правительства, на которую они имеют право как граждане, а не рабы.

Один человек не лучше или хуже другого, даже если он выше или, наоборот, ниже в различных отношениях в результате разницы в природной одаренности или приобретенных навыках. Эти неравенства, безусловно, должны анализироваться при выборе людей на государственные посты, но ими следует полностью пренебрегать при рассмотрении квалификации для гражданства.

Все люди равны от рождения и, следовательно, равны в правах, вытекающих из потребностей, присущих нашей общей природе. Конституция несправедлива, если она не предусматривает равное отношение к равным, если не признаёт равное право каждого на свободу подчиняться руководству правительства так, как это должны делать граждане.

Сейчас мы добрались до ответа на вопрос о том, что именно мы имеем право ожидать от государства и правительства. У нас есть право, чтобы выбранное нами правительство руководило нами как равными гражданам. Мы также обладаем правом голоса в этом правительстве.

Это все? Даже при том, что Аристотель допустил ошибку, полагая, что не все люди равны, он считал, что можно ожидать большего от государства. Лучшее государство, по его мнению, делает все, чтобы способствовать стремлению граждан к счастью.

А что может для этого сделать государство? Оно способно помочь людям получить и иметь все действительные нужные блага, на которые они имеют право. Чтобы понять это, вспомните одну из идей, высказанных в предыдущей главе.

Из всех действительных благ, по-настоящему необходимых нам, чтобы жить хорошо, получение и владение некоторыми из них в большей или меньшей степени зависят от нас. Моральные добродетели и знания по большей части находятся во власти нашего собственного выбора. Другие блага, такие как богатство и здоровье, зависят в значительной степени от нашей удачи.

Основная помощь государства своим стремящимся к счастью гражданам заключается в том, чтобы бороться с лишениями, от которых страдают люди в результате несчастий и неудач, а не из-за их собственных недостаточных усилий. Правительство должно сделать для них все, что они не могут сделать самостоятельно. Лучшее государство и лучшее правительство прилагают все силы для этого.

Однако ни одно даже самое хорошее правительство не способно сделать своих граждан морально добродетельными. Приобретут ли они моральные добродетели или нет, практически полностью зависит от их собственного выбора. Лучшее государство, таким образом, может только создать для своих граждан внешние условия, поощряющие их попытки жить хорошо. Но это не гарантирует, что данные условия приведут людей к успеху. Их успех или неудача, в конечном счете, зависит от применения этих условий.

Часть IV

Человек-мыслитель

Глава 16

Что приходит на ум и что из него выходит

В предыдущих главах мы имели дело с мышлением и со знанием, но не с умом, который думает и знает.

Во второй части мы рассмотрели продуктивное мышление, принимающее участие в создании вещей. Мы также проанализировали навыки и умения – виды знаний, необходимые для создания.

В третьей части мы исследовали практическое мышление и практические знания – размышления о средствах и целях человеческой деятельности и понимание того, к чему нам хорошо, а к чему плохо стремиться, что правильно и что неправильно делать в течение жизни.

Теперь мы уделим особое внимание теоретическому мышлению, мышлению ради знания, а не только ради действия. Мы сосредоточимся на самом знании: на знании природы вещей и того, что мы должны или что не должны делать. Мы впервые зададимся вопросом, какой информацией мы располагаем об уме, который думает и знает.

Язык играет большую роль в человеческом мышлении и знании. Слова, используемые нами, согласно Аристотелю, выражают мысли, о которых мы думаем. Повествовательные предложения, или наши заявления, выражают мнения, которые мы принимаем или отклоняем и которые бывают как истинными, так и ложными.

Когда наше утверждение оказывается верным, оно выражает знания. Если оно неверно, значит, мы ошиблись.

Мы не можем заблуждаться насчет каких-то вещей и в то же время иметь о них знания. Знания, в отличие от мнений, не бывают ложными, так же как невозможен квадратный круг.

Откуда же нам на ум приходят мысли? Аристотелю казалось очевидным, что мы не рождаемся с мыслями в голове и они так или иначе являются продуктом нашего опыта. Вот почему его представление о человеческом мышлении и знаниях в первую очередь обращается к опыту – результату работы наших органов чувств.

Чувства – это окна или дверные проемы ума.

Все, что приходит на ум из внешнего мира, проникает туда через органы чувств.

Это могут быть слова и предложения, которые произнес другой человек. Мы многое узнаём именно таким образом, особенно с начала школьного образования. Но обучение не начинается со школы. И не все знания, которые мы получаем даже после ее окончания, включают утверждения, сделанные другими. Рассматривая человеческую расу в целом и младенцев в каждом поколении, мы видим, что обучение начинается с чувственного опыта, еще до того, как учащиеся способны использовать слова, чтобы выразить усвоенное.

Во времена Аристотеля существовало общее представление о наличии у нас пяти чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса. Аристотель называл их внешними, потому что каждое из них включает в себя орган чувств, находящийся на поверхности нашего тела и подвергающийся воздействию окружающего мира: зрение – следствие воздействия факторов внешней среды на наши глаза, слух – на наши уши, осязание – на нашу кожу, обоняние – на наш нос, вкус – на наш язык и рот.

Современные научные исследования обнаружили, что у нас имеется больше пяти органов чувств. Например, механизмы, благодаря которым мы распознаём голод и жажду или с помощью которых ощущаем движение наших конечностей и положение тела. Но точное количество чувств и органов чувств не влияет на предположение Аристотеля о значимости чувственного опыта для нашего мышления и знания.

Каждое из чувств вызывает ощущения только тогда, когда соответствующий орган испытывает физическое воздействие каких-то факторов внешнего мира. Органы чувств – это пассивные приемники, которые активируются извне. Каждый из них является специализированным приемником. Мы не можем ощутить вкус или запах глазами, слышать или видеть ртом или носом. Мы знаем о цветах благодаря глазам, воспринимаем звуки ушами, а запахи носом и так далее.

Сигналы некоторых факторов окружающей среды мы получаем несколькими способами. Мы способны и увидеть, и пощупать размер и форму тела или и увидеть, и услышать перемещение тел в пространстве и даже определить, быстрое оно или медленное.

Эти виды ощущений являются сырьем, формирующим наш чувственный опыт. Хотя они поступают извне по отдельности через разные каналы, они не остаются разделенными или изолированными друг от друга в нашем чувственном опыте. Через наши чувства мы воспринимаем мир

тел различных форм и размеров, находящихся в движении или покое и связанных друг с другом в пространстве неоднородными способами. Наш опыт этого мира также включает широкий набор качеств: цветов, звуков, свойств поверхностей тел и так далее.

Согласно Аристотелю, наш *чувственный опыт* – это продукт восприятия с нашей стороны. Мы получаем ощущения пассивно, но они всего лишь сырой материал, который мы каким-то образом собираем вместе и создаем бесшовное полотно нашего чувственного опыта. Объединяя эти материалы в одно целое, мы действуем больше активно, чем пассивно.

Ощущения – это информация извне. Но наш чувственный опыт, возникающий как реакция на нее, включает память и воображение. Он состоит из многих элементов, поступающих к нам при помощи различных органов чувств и собирающихся нами в единое целое – воспринимаемый нами мир.

Если мы опишем самый обычный чувственный опыт словами, то сразу увидим, что в него входит намного больше, чем сырые материалы ощущений. Например, вы воспринимаете, как большая черная собака, лая, преследует по улице рыжего полосатого, как тигр, кота, перебегающего дорогу перед голубой машиной, которая визжит из-за внезапного торможения. В этом описании только несколько слов называют качества, воспринимаемые глазами или ушами, – цвета, звуки и размер. Собака и кот, автомобиль и улица, визг, бег и неожиданная остановка – все эти воспринимаемые объекты включают больше, чем ощущения, полученные извне.

Когда вы воспринимаете объект, который называете кошкой или собакой, или когда воспринимаете действия, обозначая их бегом или погоней, в работу включаются ваши память и воображение. Особенно если собаку вы видите впервые, а кота уже встречали раньше. Кроме того, активизируется и ваше понимание. У вас есть некоторое представление о виде животного: что отличает кошку от собаки. И понимание того, как выглядят тигры: ваше восприятие указало, что у кота были полоски, как у тигра. Вы понимаете разницу между ходьбой и бегом, между быстрыми и медленными движениями. Если бы вы не понимали всего этого, у вас бы не появилось описанного чувственного опыта.

Согласно Аристотелю, эти различные понимания – результат деятельности нашего ума, а не деятельности органов чувств.

Ум формирует представление о котах и собаках, о беге и

погоне на основе информации, полученной нашими органами чувств из внешнего мира. Но сами понимания не приходят извне, а являются продуктом умственной деятельности в попытках осмыслить воспринимаемый органами чувств мир.

Так же как мы можем ощутить вещи, потому что их возможно ощутить, так же мы можем понять вещи, потому что они понятны. Если бы лающая собака и визжащий автомобиль были невидимы и неслышимы, мы бы не увидели и не услышали их. Если бы не существовало возможности понимать, что кот и собака относятся к разным видам животных, мы бы не определили, что они неодинаковые создания. С точки зрения Аристотеля, мы воспринимаем природу кошек или собак с помощью наших идей, или пониманий того, что такое кот, что такое собака, так же как мы воспринимаем черный цвет собаки или голубой цвет автомобиля с помощью зрительных ощущений, полученных нашими глазами.

Когда плотник собирается делать стул, он должен иметь в голове представление нем и о стульях в целом. Работая с этими идеями и кусками дерева, как с сырьем, плотник придает им очертания и складывает вместе, чтобы они приняли форму стула. Его идея стала формой материала, с которым он работает.

Живая материя с определенной формой – это кошка. Живая материя с другой формой – собака. Когда дети учатся различать кошек и собак и узнавать каждого из них, их восприятие кошек и собак включает некоторое понимание особого характера каждого из двух видов животных. Оно заключается в представлении о том, чем является кошка, а чем – собака.

По Аристотелю, представление о коте дает человеку представление о форме, присущей всем котам и определяющей каждого кота как животное данного вида. Это дало Аристотелю возможность сказать, что так же, как рука есть инструмент инструментов (инструмент, с помощью которого мы используем другие инструменты), так и ум является формой формы. Ум – это место, где формы, которыми обладают вещи, становятся нашим представлением о них.

Ум создает идеи, принимающие формы вещей, и отделяет их от материи вещей. Производство идей – это полная противоположность производству вещей. В последнем случае мы превращаем идеи, пришедшие нам на ум, в вещи, трансформируя материю в соответствии с ними. В первом, наоборот, наши умы берут форму вещей и превращают ее в идеи, с помощью которых мы понимаем природу вещей.

Получение или производство идей легко сравнить со съеданием

продуктов. Когда мы едим яблоко, мы отправляем в свой организм как его форму, так и материю. Форма без материи не накормит нас. Материя без формы не будет яблоком. Но когда мы получаем представление о яблоке, мы отнимаем его форму от его материи. Работа нашего ума превращает форму яблока в представление о фрукте, которым является яблоко.

Это представления, или понимания, воспринимаемых нами объектов, существующих в нашем чувственном опыте, которые мы можем вспомнить или представить даже в их отсутствие. Например, мы способны помечтать о коте или собаке, никогда не встреченных нами или имеющих странный окрас.

Но на основе чувственного опыта ум также производит идеи, не ограничивающиеся понятиями об объектах, которые мы можем воспринимать, помнить и представлять. Мы осознаём многие объекты мысли, которые нельзя увидеть: хорошее и плохое, правильное и неправильное, свобода и справедливость. Мы не способны были бы обсуждать их в предыдущих главах без понимания, то есть без выработанного представления о них.

Мышление начинается с формирования идеи на базе информации, полученной нашими чувствами. Ощущение – это входная информация, получаемая умом из внешнего мира. *Представление* – это продукт, произведенный умом на выходе из того, что он получает.

Мышление делает шаг вперед. Оно работает с идеями, которые само и производит. Оно соединяет их вместе, разъединяет или противопоставляет друг другу.

С помощью этих действий мышления ум производит знания: не только о воспринимаемых, понимаемых и представляемых нами объектах, но также и о тех, что не восходят к нашему чувственному опыту. Арифметика, алгебра и геометрия – хорошие примеры таких знаний.

Ощущения не являются ни истинными, ни ложными.

Вы просто имеете их, как в случае восприятия черного цвета собаки или синего цвета автомобиля. Даже когда чувства обманывают вас, как это часто случается, ощущения сами по себе не являются ни истинными, ни ложными. Собака, например, может находиться в тени. А на ярком свете она окажется серой, а не черной. Ваше восприятие цвета как черного, когда собака в тени, не ложное; но если на основе только этой информации вы

думаете, что собака в действительности черная, то можете ошибаться. Ошибка заключается в вашем мышлении, а не в вашем ощущении.

Каждое нарицательное существительное и почти каждое прилагательное и глагол в нашем языке называют объект мысли, о котором мы способны подумать, потому что имеем сформированное представление о нем. Не все эти объекты мы можем воспринимать, помнить или представлять. Мы воспринимаем собаку и кошку и думаем о них, даже когда их нет рядом. Но мы думаем и об очень мелких частицах материи, находящихся внутри атома, хотя наши чувства не в состоянии воспринять их даже с помощью самого мощного микроскопа.

Как и ощущения, идеи не являются ни истинными, ни ложными. Если бы мы с вами вели беседу и я бы сказал только одно слово – «собака» или «кот», – вы бы не смогли ответить мне «да» или «нет». Допустим, что мы с вами имеем одинаковое понимание этих слов. Они значат для меня то же, что и для вас, выражая одинаковые идеи. Когда я сказал «собака», вы и я подумали об одном и том же объекте. Это же верно для случая, когда я произнес слово «кот».

Теперь предположим, что, когда я сказал «кот», я кивнул или указал на животное в комнате, которое в тот же момент начало лаять. Вы бы сразу сказали: «Нет, это не кот, это собака». Произнесенное мною слово «кот» в сопровождении указания на конкретное воспринимаемое нами животное легко выразить предложением: «Животное, находящееся там, – кот». А ваше «нет» – фразой: «Если вы думаете, что животное является котом, вы ошибаетесь. Только что сделанное вами утверждение ложное».

Просто думая о котах или собаках, мы не можем заблуждаться больше, чем когда считаем собаку, стоящую в тени, черной, а не серой. Только сделав некое предположение, например «Та собака [есть] черная», – мы становимся перед вопросом, является ли то, что мы сказали или подумали, истиной или ложью. Когда в наше мышление вступают «есть» и «не есть», мы переходим от уровня простого обладания идеями до уровня их объединения и разделения. Затем следует уровень, где формируются мнения, которые бывают как истинными, так и ложными.

Существуют и другие слова, такие как «и», «если» и «то», «поскольку» или «поэтому», «или... или» или «ни... ни», которые входят в наши размышления на еще более высоком уровне мышления. На нем одно утверждение приводит нас к подтверждению другого или отклонению его как ложного.

Среди трех уровней мышления Аристотель разделяет

способы, с помощью которых ум производит знания. Из чувственного опыта ум образует идеи. Идеи, в свою очередь, – это сырье для формирования суждений, в которых ум что-то утверждает или отрицает.

Так же как одиночные идеи выражаются в речи отдельными словами или фразами, так и суждения выражаются повествовательными предложениями, в которых возникают слова «есть» и «не есть».

Третий уровень Аристотель называет *рассуждениями*, или выводами. На него ум переходит только тогда, когда одно утверждение становится основой для подтверждения или отрицания другого. Здесь мышление предполагает объяснение причин, касающихся предмета наших мыслей. На этом уровне то, что мы думаем, может быть не только истинным или ложным, но и логичным или нелогичным.

Аристотель был великим логиком, основав науку логики. Он написал первую книгу на эту тему, книгу, ставшую основным учебником в течение многих веков и по-прежнему оказывающую значительное влияние. В следующей главе мы рассмотрим некоторые из его основных правил логического мышления.

Хотя логическое мышление лучше нелогичного, оно не всегда приводит к истинным выводам. Аристотель отмечал, что ум способен придерживаться истинного мнения, не придя к нему путем логических размышлений, а логическое мышление иногда приводит к ложным выводам. Поэтому после анализа факторов, придающих или не придающих мышлению логику, мы рассмотрим, что делает мышление истинным или ложным.

Глава 17

Немного о логике

Как имя Ньютона ассоциируется с законом тяготения, так имя Аристотеля ассоциируется с законом противоречия. Как имя Эйнштейна связано с теорией относительности, так и имя Аристотеля связано с теорией силлогизма. В основе закона противоречия лежат два выражения: «есть» и «не есть». В теории силлогизма центральное место занимают две пары слов – предположения Аристотеля о правильном и неправильном рассуждении – «если» и «то» и «поскольку» и «тогда».

Как правило мышления, закон противоречия говорит нам прежде всего, чего *не* делать. Это закон *против* противоречия, который велит нам *избегать* противоречия как в нашей речи, так и в наших мыслях. Он утверждает, что мы не должны одновременно отвечать на вопрос и «да», и «нет».

Иными словами, мы не должны принимать и отрицать одно и то же предположение. Если я думаю, что Платон *был* учителем Аристотеля, мне не следует думать, что Платон *не был* учителем Аристотеля. Я не могу словами или мыслями отрицать то, что я подтвердил.

Вы спросите, почему это правило настолько здоровое и основополагающее. Ответ Аристотеля в том, что закон противоречия – это не только правило мышления, но и также утверждение о самом мире и о действительности, о которой мы пытаемся думать.

Закон противоречия, как заявление о реальности, говорит о том, что сразу же видно, исходя из здравого смысла. Какая угодно вещь не может существовать и не существовать в одно и то же время. Она либо существует, либо нет, третьего не дано. Вещь не может иметь какое-то свойство и не иметь это свойство в то же время. Яблоко, которое я держу в руке и на которое смотрю, не может быть в это мгновение красным и не красным.

Это настолько очевидно, что Аристотель назвал закон противоречия бесспорным. Его бесспорность для Аристотеля заключалась в его неоспоримости. Невозможно думать, что яблоко является и красным, и не красным в одно и то же время, так же как невозможно думать, что часть больше целого, к которому она принадлежит. Невозможно думать, что

теннисный мяч, который вы перебросили через забор, должен найтись в траве за забором, и в то же время думать, что его невозможно там найти, потому что он больше не существует.

Закон противоречия как утверждение о самой реальности лежит в основе закона противоречия как правила мышления. Закон противоречия как утверждение о реальности *описывает* реальную действительность. Закон противоречия как правило мышления *предписывает* то, как мы должны думать о вещах, если хотим, чтобы наши мысли о них соответствовали реальной действительности.

Если два утверждения противоречат друг другу, оба не могут быть истиной и оба не могут быть ложью. Одно должно быть истинным, а другое – ложным.

Платон либо был, либо не был учителем Аристотеля. Все лебеди белые или же только некоторые. Утверждение первое: «Все лебеди белые». Если добавить к нему второе: «Некоторые лебеди не белые» – возникнет противоречие. Но если я добавлю, что нет белых лебедей, это не будет противоречием. Люди, не знакомые с аристотелевским разграничением противоречивых и противоположных утверждений, скорее всего, удивятся.

Оба утверждения – «Все лебеди белые» и «Нет белых лебедей» – могут быть ложными или истинными. Некоторые лебеди бывают белыми, а некоторые – черными, и в таком случае неверно говорить, что все лебеди белые или что белых лебедей нет.

Аристотель называет пару утверждений *противоположными*, а не противоречивыми, если оба утверждения не могут быть истинными, но оба могут быть ложными.

Существует ли пара утверждений, в которой оба утверждения будут истинными и не будут ложными? Да, согласно Аристотелю, утверждение, что некоторые лебеди белые, и утверждение, что некоторые лебеди не белые, истинно, а не ложно. Лебеди должны быть либо белыми, либо не белыми, и поэтому, если только некоторые из них белые, некоторые должны быть не белыми.

Аристотель называет пару утверждений, не способных быть ложными, *субконтрарной*.

Предположим, однако, что я сказал, что некоторые лебеди белые и

некоторые лебеди черные. Будет ли эта пара утверждений субконтрарной? Нет, потому что некоторые лебеди могут быть серыми или зелеными, желтыми или голубыми. Черные и белые – не единственные варианты. Это не правда, что любой видимый объект должен быть белым или черным.

В таком случае эти утверждения не будут противоположностью тому, что все лебеди белые или что все лебеди черные, поскольку ни одно из них не может быть истинным и оба могут быть ложными. Чтобы сформулировать утверждение, противоположное тому, что все лебеди белые, надо сказать, что лебеди не белые, а не все лебеди черные.

В отличие от «черного» и «белого» некоторые пары противоположных терминов исчерпывают возможные альтернативы. Например, все числа – либо четные, либо нечетные. Третьего варианта нет. Если использовать термины, являющиеся исключаящими вариантами, можно констатировать противоречие без слов «есть» и «не есть». Утверждение, что любое данное целое число нечетное, противоречит тому, что это число четное, потому что если оно является нечетным, оно не является четным, и если оно четное, оно не нечетное, то есть относится либо к одному, либо к другому типу.

Сложно преувеличить значимость правил Аристотеля, касающихся несовместимых друг с другом суждений в соответствии с одним из этих трех способов: противоречивости, противоположности или субконтрарности друг другу. Важно то, что соблюдение данных правил не только помогает нам избежать противоречивых заявлений, но и способствует обнаружению несоответствия во фразах других и оспариванию их утверждений.

Когда человек, с которым мы разговариваем, противоречит сам себе, мы имеем полное право остановить его и сказать: «Ты не можешь делать оба этих заявления. Они оба не являются одновременно истинными. Какое из двух ты действительно имел в виду? Какое из них, по твоему мнению, претендует на правду?»

Особенно важно отметить, что общим заявлениям, то есть содержащим слово «все», можно противоречить всего лишь одним отрицательным примером. Чтобы возразить обобщению, что все лебеди белые, надо указать лишь на одного не белого. Этот единственный отрицательный экземпляр опровергнет обобщение.

Таким образом испытываются научные обобщения. Утверждение, что они соответствуют истине, поддерживается только до тех пор, пока не найдется один отрицательный пример. Поскольку поиск опровергающих примеров – процесс бесконечный, научное обобщение никогда не считается окончательным и полностью проверенным.

Люди склонны обобщать, особенно в своих размышлениях о других, отличающихся от них по полу, расе или религиозной принадлежности. Если это мужчины, они позволят себе сказать – надеюсь, бездумно, – что все женщины такие-то и такие-то. Если это белые люди, то они способны сказать, что все чернокожие – такие и такие. Если они протестанты, они назовут всех католиков такими-то или такими-то. Но в каждом из этих случаев одного отрицательного примера достаточно, чтобы нивелировать обобщение; и чем противоречивее будет приведенное утверждение, тем проще показать, насколько неоправданным было первоначальное обобщение.

Использование противоречащих терминов, таких как «черный» и «белый» или «четный» и «нечетный», приводит в действие еще один набор слов, которые контролируют наше мышление по определенным правилам – «или... или» или «оба не». Например, когда мы бросаем монетку, чтобы принять какое-то решение, мы знаем, что она упадет или орлом, или решкой вверх, но не обеими сторонами сразу. Это является *сильной дизъюнкцией* (разобщением). Однако есть и *слабая дизъюнкция*, согласно которой что-то может быть или этим, или тем и, возможно, обоими, хотя и не в том же отношении или не в то же время. Говоря о помидорах, что они или красные, или зеленые, у нас есть возможность сказать, что один и тот же помидор может быть как красным, так и зеленым, но в разное время.

Дизъюнкции, особенно сильные, позволяют сделать простые, прямые выводы. Если мы знаем, что целое число не нечетное, мы сразу же сделаем вывод, что оно четное. Аналогичным образом, если целое число не является простым^[9], мы сразу же сделаем вывод, что оно должно быть кратно другим числам, а не только себе самому и единице. Когда мы видим, что брошенная монетка приземляется орлом вверх, мы точно знаем, что сделавший ставку на решку проиграл. Нет необходимости переворачивать монетку, чтобы убедиться в этом.

Подобные выводы Аристотель называл *непосредственными выводами*, потому что они непосредственно приводят из истинности или ложности одного утверждения к истинности или ложности другого. Здесь не нужны дополнительные рассуждения. Если человек знает, что то, что все лебеди белые, – это истина, он сразу же знает, что некоторые лебеди – белые и что по крайней мере некоторые белые объекты – это лебеди.

Пример непосредственного вывода: некоторые лебеди белые, потому что все лебеди белые.

Человек может ошибаться в этом простом процессе умозаключений, и это происходит достаточно часто. Например, из того, что все лебеди белые, будет правильно сделать вывод, что некоторые белые объекты – лебеди, но совершенно неправильно, что все белые объекты – лебеди.

Такой неправильный вывод Аристотель называет *запрещенной конверсией*. Класс белых объектов больше, чем класс лебедей. Лебеди – только некоторые из белых объектов в мире. Полагая, что если все лебеди белые, будет ошибкой утверждать, что все белые объекты – лебеди, потому что это уравнивает два неравных между собой класса.

В непосредственных выводах и в более сложных рассуждениях мы используем две пары слов. Это слова «если» и «то», «поскольку» и «тогда». Чтобы выразить логическую правильность непосредственного вывода, мы говорим: «Если все лебеди белые, то из этого должно следовать, что некоторые лебеди белые». Чтобы выразить неправильность запрещенной конверсии, мы утверждаем: «Если все лебеди белые, то из этого не следует, что все белые объекты – лебеди».

Утверждения «если... то» этих двух видов являются утверждениями логически правильных и логически неправильных выводов. Здесь важно отметить, что истинность утверждений «если... то» о логически правильных и логически неправильных выводах ни в коей мере не зависит от истинности утверждений, соединенных «если» и «то».

Утверждение, что все лебеди белые, на самом деле может быть ложным, но и все же будет логически правильным сделать вывод, что некоторые лебеди белые, *если* – но только *если* – все они такие. Даже если утверждение, что все белые объекты – лебеди, в действительности было бы истинным, а не ложным, все равно логически неверно делать вывод, что все белые объекты – лебеди, из того факта, что все лебеди белые.

Это касается использования «если» и «то», после которых идет «должно следовать» или «не следует», для выражения нашего признания правильных и неправильных выводов. А как насчет «поскольку» и «тогда»? Когда мы подставляем «поскольку» и «тогда» вместо «если» и «то», мы делаем вывод, аналогичный тому, при котором употребляется только «если» и «то».

Давайте вернемся к тому же примеру с лебедями. Я не делал никаких фактических выводов о лебедях или белых объектах во всех моих «если... то»-утверждениях о них. Я не сделаю фактического вывода до тех пор, пока

не скажу: «Поскольку все лебеди белые, тогда следует, что некоторые лебеди белые». Утверждение, что все лебеди белые, позволяет мне полагать, что некоторые лебеди белые.

Только когда я делаю утверждения, соединенные «поскольку» и «тогда», истинность или ложность моего первого утверждения влияет на истинность или ложность моего второго утверждения. Мой вывод окажется логически правильным, но фактический вывод может быть в действительности ложным, потому что мое первоначальное утверждение, введенное словом «поскольку», является на самом деле ложным. Истина может быть в том, что лебеди не белые, и поэтому будет ложным сделать вывод, что некоторые из лебедей белые, даже если логически это и правильно.

Когда я говорю: «Если все лебеди есть белые...» – я подразумеваю *если все есть*, а не *что все есть*. Но когда я говорю: «Поскольку все лебеди белые...» – это значит: *что все есть*. Если бы я был прав, делая это утверждение, я был бы также прав, считая, что некоторые лебеди белые.

Вот кратко изложенные правила рассуждений, которые составляют аристотелевскую теорию силлогизма.

Большая посылка: Все животные смертны.

Меньшая посылка: Все люди – животные.

Заключение: Люди смертны.

Давайте рассмотрим другие примеры силлогистических рассуждений от большей и меньшей посылок к заключению. В первом примере посылки являются логически верными, но вывод – ложным, так как меньшая посылка ложная.

Большая посылка: Ангелы – бесполое создания.

Меньшая посылка: Некоторые люди – ангелы.

Заключение: Люди – бесполое создания.

Во втором примере верное заключение логически выходит из двух верных посылок.

Большая посылка: Млекопитающие не откладывают яйца.

Меньшая посылка: Люди относятся к млекопитающим.

Заключение: Люди не откладывают яйца.

Рассматривая эти три примера, мы сразу замечаем, что силлогистические рассуждения сложнее, чем непосредственный вывод. В случае непосредственного вывода мы идем сразу же от одного утверждения к другому и в обоих используются те же термины. В силлогистических рассуждениях мы идем от двух утверждений с тремя различными терминами к заключению, в котором участвуют два термина из трех.

В первом примере три термина в большой и малой посылке были «животные», «люди» и «смертны». А двумя терминами в заключении были «люди» (термин из меньшей посылки) и «смертны» (термин из большей посылки). В силлогистических рассуждениях третий, общий для обеих посылок термин («животные») всегда выпадает из заключения.

Аристотель называет общий для большей и меньшей посылок термин *средним*. Он выпадает из заключения, потому что уже выполнил свою функцию в процессе рассуждения. Она заключалась в соединении двух терминов друг с другом. Средний термин – посредник между ними. Именно поэтому Аристотель называет силлогистические рассуждения *опосредованными*. В непосредственных выводах нет среднего термина, потому что в них отсутствует необходимость в посредничестве.

Я не буду подробно описывать вам, как это работает во всех трех примерах. Вы можете сделать это сами.

Вот *правила*, которые нужно учитывать. *Первое*: если большая посылка или меньшая посылка отрицательная (то есть содержит такие слова, как «не есть» вместо «есть» или «никто» вместо «все»), то и заключение будет также отрицательным. Вы не можете сделать утвердительный вывод, если одна из посылок отрицательна.

Второе: средний термин должен быть объединяющим. Вот пример, в котором средний термин таким не является.

Большая посылка: Люди по природе не вьючные животные.

Меньшая посылка: Мулы – не люди.

Заключение: Мулы по природе не вьючные животные.

Мало того, что заключение в действительности ложно, оно также логически неправильно. Утвердительное заключение можно сделать из двух утвердительных посылок, но сделать истинное заключение из двух отрицательных посылок невозможно вообще. Причина в том, что главная отрицательная посылка исключила людей из класса объектов, которые по

своей природе являются вьючными животными; а отрицательная меньшая посылка исключила всех мулов из класса людей. Таким образом, мы не можем сделать хоть какой-нибудь правильный вывод о связи между классом мулов и классом объектов, которые по своей природе являются вьючными животными.

Интересная особенность этого примера в том, что большая и меньшая посылки истинны, а заключение, будучи выведенным из них нелогичным путем, ложно. Вполне возможна ситуация, в которой обе посылки в действительности являются ложными и из них выйдет логически верное, но в действительности ложное заключение. Например:

Большая посылка: У отцов нет дочерей.

Меньшая посылка: Все женатые мужчины – отцы.

Заключение: У женатых мужчин нет дочерей.

Все эти примеры показывают нам, то, что уже было отмечено и что, пожалуй, стоит повторить.

Рассуждения бывают логически верными независимо от того, являются ли посылки или заключения в действительности истинными или ложными.

Только если обе посылки действительно истинны, заключение, логически следующее из них, будет также истинным.

Если любая из посылок является ложной, то логически следующий из них вывод бывает как истинным, так и ложным.

Мы не можем предсказать, каким он будет. Напротив, если заключение, логически вытекающее из определенных посылок, в действительности ложно, то мы можем сделать вывод, что одна или обе посылки, из которых оно вышло, также должны быть ложными.

Это приводит нас к еще одному важному правилу рассуждений, на которое указывал Аристотель. В силлогических рассуждениях, как и в непосредственных выводах, действительность вывода выражается словами «если» и «то».

В случае силлогистических рассуждений, *если* обе посылки истинны, *то* заключение, логически следующее из них, также истинно.

Но мы еще не доказали истинность посылок. Мы доказали только действительность вывода из посылок. Когда мы заменим «если» на «поскольку», мы сможем заменить «то» на «тогда» и доказать истинность заключения.

Правило, которое мы здесь рассматриваем, состоит из двух частей. С одной стороны, мы имеем право отстаивать истинность заключения, если мы докажем истинность посылок. С другой – мы можем подвергать сомнению истинность посылок, если мы отрицаем истинность заключения. Я говорю «ставить под сомнение истинность посылок», а не «отрицать истинность посылок», потому что, отрицая истинность вывода, мы знаем только, что одна из двух или обе посылки могут быть ложными, но мы не знаем, какая именно из них ложная в каждом конкретном случае.

Только что озвученное правило, допускающее двойное толкование, в частности, применимо к рассуждениям, которые Аристотель называл *гипотетическими*. Они обычно включают в себя не три, а четыре термина.

Александр Гамильтон как-то заметил: «Будь люди ангелами, ни в каком правлении не было бы нужды». Если, сказав это, Гамильтон бы продолжил, отрицая, что люди являются ангелами, никакого вывода не последовало бы. Отрицание «если»-утверждения (которое в гипотетических рассуждениях называется *антецедентом*^[10]) не дает вам права отрицать «то»-утверждение (*консеквент*^[11]).

Очевидно, Гамильтон думал, что правительство необходимо для человеческого общества. Поэтому он без колебания отрицал, что люди являются ангелами. И был прав, потому что отрицание консеквента в гипотетическом рассуждении дает право отрицать и антецедент.

Истину, на которую намекает Гамильтон, можно выразить одним составным утверждением, что скрывает, а не демонстрирует рассуждения, стоящие за ним. Вот оно: «Так как люди не ангелы, человеческому обществу необходимо правительство». Рассуждение, которое остается невыраженным, включает в себя ряд утверждений о разнице между людьми и ангелами, об особенных характеристиках людей, из-за которых им необходимо правительство. Вид сжатого аргумента, который опускает или скрывает необходимые посылки, Аристотель называл *энтимемой*.

Глава 18

Говоря и думая правду

В двух предыдущих главах мы много раз использовали слово «истина». Вполне естественно, что в этих главах, посвященных работе разума, знанию и мышлению, часто встречаются ссылки на истинное и ложное. Когда мы знаем что-то, то наше знание является правдой об этом. Пытаясь думать правильно и обоснованно, мы направляем усилия так, чтобы добраться до истины.

Я думал, что могу использовать слова «истинность» и «ложность» (или «правда» и «ложь»), не объясняя их значения – это и так все понимают. Данные общие понятия широко применимы. На вопрос «Что есть истина?» ответить не трудно. Более сложной представляется следующая проблема: на основании чего можно сказать, что какое-то утверждение является истинным или ложным?

С опорой на здравый смысл все понимают разницу между правдой и ложью, потому что каждый знает, как сказать неправду. Любой из нас лгал по тому или иному поводу.

Предположим, я думаю, что определенный ресторан закрыт в воскресенье. В воскресенье утром вы спрашиваете меня, можно ли поужинать в этом ресторане. Я отвечаю утвердительно. Давайте сейчас опустим причины, по которым я солгал. Моя ложь состояла в том, что я сказал вам противоположное тому, что думал. Я сказал, что этот ресторан *открыт* этим вечером, хотя я в то же время думал, что *он не будет открыт*.

Говорить «да», когда вы думаете «нет», или говорить «нет», когда вы думаете «да», означает лгать. Говорить правду – это противоположное действие: вы говорите «да», когда думаете «да», и «нет», когда думаете «нет».

Американский философ, преподававший в Гарвардском университете в начале этого века^[12], остроумно заметил, что лжец – это человек, который умышленно путает онтологические категории. То есть лжец намеренно ставит «да» на место «нет» или «нет» на место «да». Человек говорит правду, когда произносимые им слова соответствуют тому, что он думает. Ложь – это слова, которые прямо противоположны мыслям.

А что же делает наши размышления истинными или

ложными?

Ответ Аристотеля таков: так же как истина, которую вы сообщаете другому человеку, состоит в согласовании между тем, что вы говорите, и тем, что думаете, истинные размышления заключаются в согласовании между тем, что вы думаете, и тем, что вы думаете об этом.

Например, если меня спрашивают, был Христофор Колумб испанцем или итальянцем, я думаю правдиво, если предполагаю, что он был итальянцем, и ложно, если считаю, что он не был итальянцем.

Одного этого примера достаточно для понимания аристотелевского объяснения о том, что делает наше мышление истинным или ложным. Мы думаем правдиво (то есть подразумеваем истину), если считаем, что «да» – это «да», а «нет» – это «нет». Мы мыслим ложно, если для нас «да» – это «нет», а «нет» – это «да».

В случае, когда мы говорим кому-то правду, согласование происходит между тем, что мы говорим другому человеку, и тем, что мы действительно думаем. В случае размышлений согласование происходит между тем, что мы думаем, и реальными фактами.

Истина состоит в соответствии мыслей и реальности.

Мы выражаем большую часть наших мыслей с помощью слов, не важно, используем ли мы их в беседе сами с собой или с кем-то другим или, к примеру, записываем их. Не все мысли, которые мы проговариваем вслух, являются либо истинными, либо ложными. Аристотель указывал, что вопросы не бывают истинными или ложными; это же относится к нашим требованиям или к командам, которые мы отдаем. Только повествовательные предложения, содержащие некоторые формы слов «есть» и «не есть» (или которые легко перефразировать так, чтобы они содержали эти слова), имеют характеристику истинных или ложных.

Напомню, что, по Аристотелю, истинное утверждение согласуется с истинным положением вещей. Только повествовательные предложения описывают факты реальной действительности. Они могут либо достигнуть этой цели, либо потерпеть поражение. Если они преуспевают, они – истинные, если нет – ложные.

Создается впечатление, что предложения, которые *предписывают* (то есть говорят, что вы или я должны сделать), а не *описывают*, не являются ни истинными, ни ложными. Как предложение, которое советует мне

уделять больше времени чтению книг и меньше развлечениям, может быть истинным или ложным, если истина и ложь в высказывании наших мыслей состоит в согласовании между тем, что мы принимаем или отрицаем, и тем, как на самом деле обстоят дела?

Если бы на этот вопрос не существовало ответа, утверждения о целях, к которым мы должны идти, и о средствах их достижения не были бы ни истинными, ни ложными.

Стремление к хорошей жизни – это наше моральное обязательство, однако ни Аристотель, ни я не можем претендовать на истину в отношении рекомендаций о том, что должно делать для их достижения.

Аристотель, очевидно, думал, что его учение о счастье и способах его достижения было истинным. Поэтому ему требовался ответ на вопрос об истинности утверждений, содержащих слова «должен» и «не должен». Вот что говорил Аристотель по этому поводу: так же как *описательные* предложения являются истинными, если они соответствуют реальности, так и *предписывающие* предложения истинны, если они соответствуют правильным желаниям.

В чем состоит правильное желание? Оно состоит в желании того, что человек должен желать. Что человек должен желать? Всего, что действительно хорошо для него. Что действительно хорошо для человека? Все, что удовлетворяет его человеческие потребности.

Утверждение, что человек должен желать действительно хорошего для него, – это очевидная истина. В то же время утверждение, что часть меньше целого, которому она принадлежит, – это самоочевидная истина. Так же как невозможно думать, что часть – больше ее целого или что целое меньше какой-то из его частей, так же невозможно и думать, что мы *не должны* желать *действительно хорошего* для нас или что мы *должны* желать *действительно плохого* для нас.

Среди наших человеческих потребностей существует потребность в знаниях. Для человека действительно хорошо обладать знаниями. Поскольку правильные желания состоят в желании того, что мы должны желать, утверждение, что мы должны желать знаний, соответствует правильному желанию. Поскольку оно соответствует правильному желанию, то, по Аристотелю, оно истинно.

Мы только что использовали простейший путь к ответу на вопрос о том, как определить, ложно или истинно утверждение. Утверждение, что конечное целое больше, чем любая из его частей, непосредственно показывает свою истинность. Как только мы осознаем суть его терминов: «целое», «часть» и «больше чем», – мы сразу же увидим, что утверждение

верно. Невозможно понять, что собой представляет целое, а что – его части и отношение *больше чем*, без одновременного понимания, что целое должно быть больше любой из его частей.

Самоочевидно истинных утверждений не так много. К ним относится утверждение, что то, что действительно хорошо, должно быть желаемым. Но его истинность не бросается в глаза так явно, как истина о целом и частях, потому что целое и части понять проще, чем разницу между действительными и кажущимся благами и разницу между тем, что должно быть желаемым, и тем, что мы в действительности желаем.

Иногда мы называем утверждения очевидными, когда они не являются таковыми. Как правило, поступая таким образом, мы пытаемся порекомендовать их в качестве общепринятых истин – приемлемых без дополнительной аргументации. Это то, что сделал Томас Джефферсон, написав в Декларации независимости следующее: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами...» Эти утверждения могли быть приняты как истинные и подписавшими Декларацию, и другими людьми, но, чтобы установить их истинность, понадобился бы достаточно веский аргумент.

Это указывает на еще один способ, посредством которого определяется, является ли утверждение истинным или ложным.

Если утверждение не самоочевидная истина, его истинность можно установить с помощью аргументов и рассуждений.

Согласно Аристотелю, для доказательства истинности утверждения необходимы два условия: первое – *истинность посылок*, используемых в рассуждениях; второе – *правильность или обоснованность* самого рассуждения.

Для примера рассмотрим утверждение: «Соединенные Штаты больше, чем штат Нью-Йорк». Чтобы установить его истинность, нужны две посылки. Первая: целое больше любой из его частей. Вторая: Соединенные Штаты – это целое, одна из частей которого – штат Нью-Йорк. Из этих двух утверждений следует, что Соединенные Штаты больше, чем штат Нью-Йорк. Посылки были истинными, так что следующее из них заключение также истинно.

Однако существует очень мало утверждений, истинность которых вытекает из правильного рассуждения на основе истинных посылок. Истинность большинства утверждений, выражающих наши мысли, не так

легко определить. Часто мы по-прежнему сомневаемся, истинно или ложно утверждение. Мы в состоянии разрешить эти сомнения, обратившись к доказательствам, предоставляемым опытом наших чувств.

Например, если мы не уверены, сколько этажей в каком-то здании – двенадцать или пятнадцать, избавиться от сомнения достаточно легко, посмотрев на строение и посчитав этажи. Одно относительное простое наблюдение покажет нам, было ли наше утверждение о высоте здания истинным или ложным.

Наблюдения – это способ установить истину утверждений об объектах, которые воспринимаются через наши органы чувств. Но можем ли мы доверять своим чувствам? Не всегда, так что нужно проверять и доказывать наши собственные наблюдения с помощью наблюдений других людей.

Например, в результате собственных наблюдений я утверждаю, что автомобиль, врезавшийся в стену, ехал очень быстро. Но привлекаются и другие свидетели того же события – чтобы добраться до истины. Если все они высказывают то же самое наблюдение, скорее всего, высокая скорость автомобиля окажется истиной. Чем больше свидетелей, подтверждающих это предположение, тем оно вероятнее.

Только вероятно истинное утверждение обладает той же степенью истинности, что и то, которое мы считаем безусловно истинным. Либо автомобиль ехал очень быстро, либо нет. Утверждение о скорости либо истинно, либо ложно. Говоря, что утверждение только вероятно истинное, мы не оцениваем степень его правдивости. Мы оцениваем нашу собственную степень уверенности в утверждении правды, касающейся определенной ситуации.

Степени вероятности не являются мерами истинности утверждения, а только мерами доказательств, с помощью которых мы определяем его истинность. Истина, которую мы утверждаем с уверенностью (например, о целом и его частях), не большая истина, чем истина, рассматриваемая нами только как вероятность (например, о скорости движения автомобиля, врезавшегося в стену).

Некоторые свидетели имеют специальные знания, чтобы делать наблюдения, помогающие определить истинность утверждений; некоторые нет. Например, в результате моего собственного наблюдения я говорю, что кольцо на пальце золотое. Конечно, оно может только выглядеть золотым, а на самом деле быть позолоченным. Невооруженным глазом сложно или даже невозможно определить, из какого материала сделано кольцо. Даже опытные ювелиры не дадут вам точного ответа, только посмотрев на него или подержав в руках. Ювелир знает, что существуют способы

определения действительного материала объектов, которые на вид сделаны из золота. Проведя над кольцом соответствующий тест и увидев его результат, ювелир как эксперт скажет, является ли мое первоначальное утверждение о материале кольца истинным или ложным.

Мы рассмотрели утверждения о конкретных объектах: о высоте определенного здания, о скорости определенного автомобиля, о металле определенного кольца. Истинность таких утверждений можно проверить с помощью наблюдений. Иногда в результате наших собственных наблюдений или наблюдений других людей мы бываем относительно уверены в истинности рассматриваемого утверждения; иногда они не убеждают нас целиком.

Наблюдения редко придают нашим утверждениям уверенности, которую мы имеем относительно истинности самоочевидных утверждений или которую можно установить с помощью правильных рассуждений. Я говорю «редко», а не «никогда», потому что, согласно Аристотелю, истинность некоторых простых утверждений о наблюдаемых объектах столь же очевидна, как самоочевидность истинности некоторых общих утверждений. Пока я пишу это предложение, в моей пишущей машинке есть лист бумаги, и этот факт непосредственно очевиден для меня. Мне не нужно подтверждение других свидетелей, чтобы поверить в его истинность. Я столь же уверен в его истинности, как и уверен в истинности утверждения о целом и его частях.

Нам осталось рассмотреть большой класс утверждений, называющихся *обобщением из опыта*, например: «Все лебеди белые»; «Все эскимосы низкого роста». Поскольку никто не способен увидеть цвет всех лебедей или рост всех эскимосов, наблюдение само по себе не позволит установить истинность этих обобщений.

Ряд наблюдений может убедить нас, что обобщения, вероятно, истинны. Чем больше наблюдений, тем сильнее наша уверенность. Но увеличение их количества увеличивает только вероятность. Это никогда не приведет к уверенности, что обобщения верны.

Тем не менее можно убедиться в том, что обобщение ложно, даже если мы никогда не будем уверены, что оно истинно. В предыдущей главе я указал, что утверждения «Некоторые лебеди черного цвета» и «Лебедь, на которого я смотрю, черный» противоречат утверждению «Все лебеди белые».

Противоречащие друг другу утверждения не бывают одновременно истинными.

Истинность моего наблюдения, что один лебедь черный, опровергает обобщение, что все лебеди белые. Ввиду одного этого наблюдения я точно знаю, что обобщение ложно.

Итак, по Аристотелю, мы в состоянии установить истинность или ложность утверждения, с одной стороны, обращаясь к опыту, а с другой – к разуму.

Чувственное восприятие дает нам один из способов проверки истинности или ложности рассматриваемых утверждений. Кроме того, Аристотель рекомендовал нам всегда учитывать мнения других людей, прежде чем делать собственный вывод: особенно мнения, поддерживаемые большинством, или небольшим количеством экспертов, или мудрецом.

Глава 19

Вне разумных сомнений

В США установлены два стандарта для вынесения приговора судом присяжных. По вопросам факта, который суд представляет присяжным, им иногда требуется дать ответ, не содержащий обоснованных сомнений; а иногда вполне достаточно, если ответ суда присяжных поддерживается вескими доказательствами.

Аристотель сделал подобное различие между двумя способами, с помощью которых мы отвечаем на вопросы всех видов. Как ответ суда присяжных без обоснованных сомнений, мы иногда можем ответить на вопрос утверждением, имеющим статус знания. Ответы, не состоящие из знаний, Аристотель называл *мнениями*. Мнения приближаются к знаниям до той степени, до которой они имеют подтверждение доказательствами. На противоположном конце шкалы находятся полностью голословные мнения.

Различие, проводимое Аристотелем между знанием и мнением, очень резкое, возможно, даже слишком, чтобы безоговорочно принять его. По Аристотелю, когда у нас имеются знания, то, что мы знаем, состоит из необходимых истин. Мы утверждаем такие истины с уверенностью, потому что они находятся вне пределов разумных сомнений. Например, мы не сомневаемся в том, что конечное целое больше, чем любая из его частей. Если что-то является конечным целым, оно должно быть больше, чем любая из его частей. Оно не может быть меньше.

Подобные самоочевидные истины составляют один пример того, что подразумевает Аристотель под знаниями. Другой пример – это выводы, которые могут быть достоверно продемонстрированы посылками, являющимися самоочевидными истинами. Когда мы утверждаем такие выводы, мы не только знаем, что то, что они утверждают, – истина, мы также знаем, почему то, что они утверждают, – истина. Зная эти причины, мы знаем и то, что утверждения не могут быть неправдой. Здесь мы также обладаем необходимыми истинами.

В свое время Аристотель думал, что математика, особенно геометрия, служит примером таких знаний. Мнение, существующее о математике в настоящее время, не поддерживает Аристотеля. Несмотря на то что математика подошла ближе, чем любая другая наука, к представлению о том, что Аристотель подразумевал под знаниями.

Рассмотрев геометрические истины, мы поймем другое различие, которое проводил Аристотель между знанием и мнением. Есть два способа, говорил он, с помощью которых можно подтвердить вывод геометрического доказательства. Учитель, понимающий суть доказательства, подтверждает вывод, исходя из посылок, доказывающих его. Он имеет знания. Напротив, студент, не понимающий доказательства, но подтверждающий вывод, только потому, что учитель заявил, что он верен, не имеет знаний.

Даже если сама истина является аксиомой, подтвердить ее на авторитете другого человека – значит принять ее как мнение, а не как знание.

Для большинства из нас научные истины, с которыми мы познакомились, – это мнения, которые мы приняли, основываясь на авторитете ученых, а не на собственных знаниях.

Возможно, мы найдем этот способ различия знания и мнения более полезным и приемлемым. Очень немногие утверждения являются аксиомами для нас (только самоочевидные истины), и их противоположности просто невозможны. Все остальные выражают мнения, которые могут быть, а могут и не быть истиной. Хотя Аристотель назвал бы все утверждения такого рода утверждениями мнений, а не знаний, давайте посмотрим, способны ли мы разделить мнения на две группы, одна из которых имеет некоторое сходство с тем, что Аристотель определял как знания.

Наши мнения либо подтверждаются причинами и наблюдениями, либо существуют у нас без подобной поддержки. Например, если я придерживаюсь какого-то мнения только потому, что кто-то сказал, что оно истинно, а у меня самого нет других причин полагать это, то это *всего лишь мое* мнение. В действительности утверждение может быть верным. Но это не делает его чем-то большим, чем просто мнение. Несмотря на то что я подтверждаю его, у меня нет оснований, которые предоставили бы мне причины думать, что это истина, кроме авторитета другого человека.

У каждого из нас также есть ряд личных предрассудков – вещей, которые мы считаем истинными только потому, что мы в них верим. У нас нет никаких рациональных оснований полагать так. К подобным утверждениям мы привязаны эмоционально. Например, люди часто считают, что их страна – самая лучшая в мире. Это может быть или может не быть истиной. Вероятно, мы даже в силах привести доказательства или

причины, позволяющие так считать. Но верящие в подобное люди обычно не приводят доказательств или причин. Они просто хотят в это верить.

Утверждение, к которому человек эмоционально привязан принятием желаемого за действительное, является всего лишь мнением. Другие люди могут быть эмоционально привязаны к противоположным мнениям. Поскольку ни то, ни другое, абсолютно противоположное мнение не поддерживаются причинами или доказательствами, одно мнение такого рода не хуже второго.

В случае мнений каждый имеет право отдавать предпочтение чему-то своему, притягивающему человека эмоционально. Для таких мнений не может быть доказательств, по крайней мере рациональных. Эти мнения подобны выражениям личного вкуса в еде и напитках. Вы можете любить апельсиновый сок больше, чем ананасовый, а я могу отдавать предпочтение ананасовому, а не апельсиновому. Вы можете любить свой сок, а я – свой. Нам нет смысла спорить о том, какой лучше.

Разница мнений становится оспоримой, когда мнения, в которых мы не сходимся, являются не только мнениями в том смысле, о котором мы только что говорили; когда они выступают не просто в качестве личных предрассудков, выражений вкуса или вещей, в которые мы хотели бы верить.

Например, у меня имеются серьезные основания полагать, что использование энергии солнца предоставит нам достаточно энергии, когда мы исчерпаем такое ископаемое топливо, как уголь и нефть. У вас могут быть веские причины думать, что солнечная энергия не решит проблему. Кроме того, каждый из нас в состоянии привести статистические данные тщательного изучения источников энергии. Ни один из нас не переубедит другого. Тем не менее наши различные мнения, о которых спорим, *не* являются всего лишь мнениями с нашей стороны.

Предположим, что ни один из нас не изучил энергетическую проблему самостоятельно. Мы просто читали то, что говорили другие по этой теме. Противоположные мнения, которых мы придерживаемся, основаны на авторитете сторонних людей. Давайте также предположим, что вашу точку зрения поддерживает множество авторитетных лиц или большинство экспертов. Аристотель сказал бы, что вы имеете более веские доводы.

С его точки зрения, мнение, которое поддерживается либо большинством людей, либо большинством из тех, кто является экспертом в данной области, либо лучшими среди экспертов, скорее всего, окажется более правильным.

Когда мнения основываются на научных данных и научном

мышлении, мы приближаемся к тому, что Аристотель подразумевал под знанием, и отдаляемся от того, что он имел в виду под всего лишь мнением. Эти мнения, подтверждаемые с помощью веских доказательств и убедительных обоснований, в наши дни рассматриваются учеными как знания.

Это не знание в том смысле, который вкладывал в это слово Аристотель. Обсуждаемое нами может не оказаться лучшим из двух противоположных мнений: например, вследствие дальнейших исследований больше доказательств будут находиться на противоположной стороне; или в ходе будущих научных размышлений найдутся более убедительные причины для поддержки противоположного мнения. Ни одно научное заключение, которое мы знаем, не может быть окончательной или высшей истиной – истиной за рамками возможных исправлений или отклонений дальнейшими исследованиями и размышлениями об этом предмете.

Противоположность любого мнения, которое мы считаем научным заключением, всегда остается возможной, потому что не существует научных заключений, которые сами по себе являются очевидной истиной. Тем не менее их большое количество на протяжении веков поддерживается вескими доказательствами и бесспорными обоснованиями. Предположения, что новые открытия могут сдвинуть весы против этих заключений, а доводы в их пользу – серьезно оспорены новыми размышлениями о предмете, не мешают рассматривать такие заключения как устоявшиеся *на настоящий момент* знания.

Являются ли научные заключения, подкрепленные более вескими доказательствами и лучшей аргументацией, доступной в настоящее время, только мнениями, которые мы вправе рассматривать как знания? Нет. Философские выводы могут быть также мнениями, которые мы вправе рассматривать как знания, потому что они поддерживаются здравым смыслом и весом доказательств, выступающих в их поддержку, а не оспаривающих их.

Чем выводы философской мысли отличаются от выводов научных исследований? Ответ содержится в двух словах: «мысль» и «исследование». Научные выводы основаны на исследованиях, проведенных учеными, не важно, в лабораториях или нет. Мысли, что ученые никогда бы сами не пришли к этим выводам, достаточно. Это всегда размышления о наблюдениях или тщательно спланированных и аккуратно выполненных исследованиях.

Напротив, философская мысль приходит к выводам, основываясь на

общем опыте, с которым каждый из нас сталкивается ежедневно, не проводя для этого никаких тщательно спланированных исследований. Философы не проводят исследования и опыты и не разрабатывают эксперименты.

Философская мысль об общем опыте начинается с мнения здравого смысла, которого придерживается множество людей. Будучи более вдумчивой и аналитичной, чем мысли большинства, философия улучшает эти мнения здравого смысла. По моему мнению, она достигает лучших и наиболее точных выводов в том, что я назвал необычным здравым смыслом Аристотеля.

Научные и философские выводы – это, как правило, обобщения из опыта: либо из особенного опыта – результата исследований, либо из общего опыта, имеющегося у всех нас без изысканий. Как было отмечено в предыдущей главе, любое обобщение можно опровергнуть одним противоречащим примером. Это верно как для философского, так и для научного обобщения. Чем дольше существует обобщение без опровержения, тем больше прав мы имеем рассматривать его как устоявшееся знание, несмотря на то что мы никогда не сможем считать его окончательной или высшей истиной, то есть истиной за рамками возможных поправок или отклонений.

Поскольку философские выводы основаны на общем, а не на специальном опыте и поскольку они не зависят от результатов исследований, выводы, подобные аристотелевским, могут претендовать на статус философских знаний и в наше время. Со времен Аристотеля им не нашлось опровержения. Большинство научных выводов, принятых тогда, были позднее отклонены или исправлены. Они были либо опровергнуты дальнейшими открытиями, либо исправлены и улучшены углубленными размышлениями, наблюдениями и более тщательными исследованиями.

Не все мнения, считающиеся устоявшимися знаниями, принимают форму научных или философских обобщений из опыта. Исторические исследования приходят к заключениям о конкретных фактах: о дате события, о предпосылках становления какого-либо человека правителем, об обстоятельствах, приведших к началу войны, и так далее.

Здесь, как и в случае с наукой, исследования накапливают доказательства, о которых размышляют историки и, исходя из этих размышлений, развивают выводы, подтвержденные еще более серьезными аргументами. Исторические выводы, полученные таким образом, рассматриваются как устоявшиеся знания даже несмотря на то, что дальнейшие исследования могут изменить наше представление о вопросе.

Теперь мы видим, что есть, по крайней мере, пять различных видов знаний, только одно из которых является знанием именно в аристотелевском смысле. Это *знание, основанное на самоочевидной истине*. Четыре остальных вида знаний следующие.

1. Обоснованные мнения математической мысли – выводы, которые можно доказать математически.

1. Устоявшиеся обобщения научных исследований или изысканий.

2. Философские мнения, основанные на общем опыте и на уточнении здравого смысла с помощью философских размышлений.

3. Мнения о конкретных фактах, подтверждающихся историческими исследованиями.

Все эти четыре вида знаний являются мнениями в том смысле, что они никогда не будут настолько неоспоримо подтверждены, что никогда не смогут быть опровергнуты или исправлены дальнейшими размышлениями или новыми наблюдениями. Тем не менее эти четыре вида также есть знания в том смысле, что в данный момент времени они подкреплены доказательствами, поддерживающими их неоспоримость.

Часть V

Сложные философские вопросы

Глава 20

Бесконечность

Сложные философские вопросы – это вопросы, на которые невозможно ответить, исходя из общего опыта или на основе здравого смысла. Ответ на них требует постоянных размышлений и рассуждений.

Как возникают такие вопросы? Для Аристотеля они появлялись отчасти из уточнений здравого смысла, развитых его собственной философской мыслью, а отчасти как реакция в ответ на мнения других людей, живших в его время.

Среди предшественников Аристотеля, изучавших природу, было два греческих физика, Левкипп и Демокрит, которые первыми выдвинули теорию атомов. Согласно ей, все в мире природы состоит из крошечных, невидимых частиц материи, разделенных пустотой – пространством, полностью лишенном вещества. Они назвали эти частицы атомами, чтобы подчеркнуть, что они не просто очень маленькие, а минимально возможные. По их мнению, ничто не могло быть меньше атомов, для каждого объекта атом – это неделимая на более мелкие части единица вещества.

Согласно Демокриту, атомы отличаются друг от друга только по размеру, форме и плотности. Они постоянно находятся в движении. И их бесконечно много.

Столкнувшись с этой теорией, Аристотель выдвинул против нее два возражения. Первое касалось основной идеи теории атомизма. Если атом представляет собой твердую частицу материи, без пустот или пустого пространства внутри, тогда, по Аристотелю, он не может быть неразрушимым или неделимым. Либо атом имеет некоторое пустое пространство внутри него, и тогда он не является единицей вещества; либо, если материя содержит пустое пространство, значит, она непрерывна – и делима.

Приведенные здесь обоснования можно проиллюстрировать с помощью чего-то большего, чем атом. Я держу в руках спичку. Ломаю ее на два более мелких кусочка. Каждый из этих кусочков дерева теперь является отдельной единицей материи. Они уже не один кусочек дерева, а значит, их больше нельзя разбить на две части. Но каждый из этих двух кусочков можно и дальше ломать на части, и так до бесконечности.

Аристотель придерживался мнения, что любая непрерывная материя бесконечно делима.

Любой объект – единица материи – должен быть непрерывным. Если это не так, значит, это не одна единица материи, а две или больше. Исходя из этого, Аристотель считал, что ему удалось доказать невозможность существования атомов. Напротив, существование крайне мелких частиц возможно, но насколько мелкими они бы ни были, она делятся на еще более мелкие частицы, если каждая из них – единица единственной и непрерывной материи.

Второе возражение касалось мнения, что в мире существует бесконечное число атомов. Число может быть очень большим, настолько большим, что его нельзя посчитать в любой момент времени. Но, по Аристотелю, это не бесконечное множество, потому что в любой момент времени в реальности не может сосуществовать бесконечное число вещей.

Два возражения Аристотеля против атомистов на первый взгляд кажутся противоречивыми. С одной стороны, Аристотель заявлял, что любая непрерывная единица вещества должна быть бесконечно делимой. С другой стороны, что в любой момент времени в реальности не может сосуществовать бесконечное число единиц материи. Разве он одновременно не поддерживает и отрицает существование бесконечности?

Разобраться с этим кажущимся противоречием поможет различие, проводимое Аристотелем между *возможностью* – тем, что может быть, но чего нет, – и *действительностью* – тем, что есть.

По мнению Аристотеля, возможно существование двух бесконечностей – двух потенциальных и ни одной актуальной. Первая – это *потенциальная бесконечность добавления*. Вторая – *потенциальная бесконечность деления*.

Потенциальную бесконечность добавления легко проиллюстрировать с помощью бесконечности целых чисел. Не существует целого числа, которое является последним числом в серии из целых чисел от одного, двух, трех, четырех и так далее. Для любого приведенного числа из этого ряда, каким бы большим оно ни было, есть следующее, которое будет еще больше. Мы можем добавлять число за числом до бесконечности. Но это только *возможность*, вы не можете в *действительности* осуществить этот процесс добавления, поскольку он займет бесконечное время.

Как мы увидим в следующей главе, Аристотель не отрицал

бесконечности времени. Напротив, он утверждал вечность мира: мир не имеет начала или конца. Но в любой взятый момент бесконечное время не существует. Как и в случае бесконечного ряда целых чисел, бесконечна только возможность, а не действительность.

Это же касается и бесконечности деления, которая является потенциальной, а не актуальной. Так же как вы можете продолжать прибавлять число за числом без конца, так же без конца вы можете делить любые непрерывные объекты. Количество дробных чисел между целыми числами два и три бесконечно, так же как бесконечно количество целых чисел. Тем не менее обе бесконечности потенциальные, а в действительности они не существуют в любой взятый момент времени.

Аристотель считал, что в конкретный момент нет актуальной бесконечности сосуществующих объектов, как это было бы в случае истинности мнения атомистов, полагавших, что в определенное время в действительности сосуществует бесконечное число атомов. Это и только это отрицал Аристотель.

Его рассуждения были следующими. Либо количество действительно сосуществующих вещей является определенным либо неопределенным. Если оно бесконечно, оно не определено. Но ничего не может быть актуальным и неопределенным. Поэтому не бывает актуальной бесконечности любого вида: действительно бесконечного числа сосуществующих атомов, действительно бесконечного мира, действительно бесконечного пространства, наполненного действительно существующими единицами материи.

По мнению Аристотеля, сосуществуют только потенциальные бесконечности, участвующие в бесконечных процессах добавления или деления.

Поскольку один момент времени сменяется следующим или предшествует другому и поскольку два момента в действительности не сосуществуют, время может быть бесконечным.

Глава 21

Вечность

По мнению Аристотеля, время может быть бесконечным, потому что оно состоит из ряда моментов или мгновений, которые предшествуют или следуют друг за другом и в действительности не сосуществуют одновременно. Как только перестает существовать один момент времени, в действительность тут же вступает другой. Поскольку этот процесс продолжается бесконечно, существование бесконечного числа моментов или мгновений времени возможно.

Но так ли это? Если да, то мир, существующий в настоящее время, не имеет конца. Даже если у него было начало, он будет продолжаться без конца, ибо у времени нет конца. Всегда может существовать другой момент.

Аристотель пошел дальше. Он не только считал, что время бесконечно, но также думал, что мир не имеет начала, как и не имеет конца. Если мир не имеет ни начала, ни конца, то время бесконечно в обоих направлениях. Не существует момента времени, перед которым нет предыдущего, более раннего момента. Не существует момента времени, после которого нет следующего, более позднего момента.

Почему Аристотель полагал, что мир вечен? Он использовал слово «вечный» для выражения идеи, что мир не имеет ни начала, ни конца. Иногда слово «вечный» применяется им для обозначения *неподвластности времени*, как, например, когда говорят, что Бог вечен. Аристотель вкладывал в слово «вечный» тот же смысл. Но, с его точки зрения, вечность мира и вечность Бога совершенно различны.

Чтобы понять различие между двумя вечностями – вечностью безвременья и вечностью времени без начала и конца, – нужно рассмотреть аристотелевское понимание самого времени.

По Аристотелю, *время* – это мера движения или изменения.

Выражаясь иначе, время – это измерение, в котором происходит движение или изменения, так же как пространство – это измерение с существующими в нем материальными объектами. Существующие объекты заполняют пространство. Изменение объектов имеет продолжительность во времени. Бильярдный шар, который катится от одной стороны стола к другой, делает это за какое-то время. Продолжительность движения

измеряется количеством моментов времени, которое требуется бильярдному шару, чтобы переместиться отсюда туда.

Следовательно, Аристотель полагал, что время не имеет ни начала, ни конца, если движение или изменение не имеет ни начала, ни конца. Но почему он думал, что движение или изменение не может иметь начало и не может закончиться в какой-то момент? Это, действительно, очень сложный вопрос.

Ответ на него, если он вообще возможен, заключается в понимании Аристотелем причин и следствий и в его понимании Бога. Аристотель говорил, что все происходящее должно иметь причину. Если тело движется, что-то должно случиться для начала движения. То, что привело тело в движение, должно и само двигаться. Например, бильярдный шар не сдвинулся с места сам по себе. Он был приведен в движение бильярдным кием, ударившим его. Чтобы привести шар в движение, кий и сам должен был двигаться. Но было что-то еще, что привело кий в движение. И так далее.

Это все сводится к отрицанию Аристотелем перводвигателя в цепочке других двигателей и движущихся объектов. Аристотель, как мы увидим, действительно подтверждал необходимое существование перводвигателя. Но, по его мнению, перводвигатель не являлся первым в цепочке движущихся и движущихся объектов. Перводвигатель не был первой действующей причиной движения.

В главе, посвященной Богу, мы вернемся к аристотелевской концепции перводвигателя. Пока же стоит только сказать, что аристотелевский Бог, в отличие от библейского, не создал мир. Аристотель опровергнул бы утверждение, с которого начинается Библия: «В начале сотворил Бог небо и землю». Он отрицал бы его, потому что не видел причин, чтобы думать, будто у мира было начало.

Если нет основания полагать, что движущийся мир когда-либо имел начало, точно так же нет оснований полагать, что движущийся мир хоть когда-нибудь придет к концу. Отдельные объекты, из которых он состоит, начинают существование и исчезают. Сосуществование бесконечного количества единичных объектов в любой момент времени невозможно. Но может существовать бесконечное число объектов, возникающих и исчезающих в бесконечном времени, то есть во времени, не имеющем ни начала, ни конца. Возникновение и исчезновение, как мы уже видели, является одним из типов изменения. Как локальное перемещение, или движение из одного места в другое, оно никогда не начинается и никогда не заканчивается.

Тип движения, зачастую подразумеваемый Аристотелем в его размышлениях о вечности движения, не был движением тел на земле или любым другим земным изменением. Аристотель смотрел на небо и на движение солнца и луны, звезд и планет. Их движения, по его мнению, – наиболее показательный пример вечности движения, а с ним – и вечности мира. Как мы увидим в следующей главе, Аристотель объясняет вечность мира через вечность Бога. Эти две вечности столь же различны, как безвременно и вечное время.

Глава 22

Нематериальность разума

Три философских вопроса, которые мы рассмотрим в этой главе, не одинаково сложные. Первый – самый простой: являются ли материальные объекты физического мира нематериальными в некотором отношении? Второй труднее: вводит ли существование человеческого разума элемент нематериальности в материальный мир? Последний и самый сложный звучит так: есть ли во вселенной существо или существа, являющиеся полностью нематериальными?

Читатель, который помнит наши рассуждения из восьмой главы, уже имеет некоторое представление об ответе Аристотеля на первый вопрос. В ней мы увидели, что все изменяющиеся объекты физической природы состоят из материи и формы. Мы пришли к этому, анализируя произведения человеческого искусства. Художник или ремесленник берет материалы, облик которых можно трансформировать, и, работая с ними, создает произведение искусства – придает им форму, которой они изначально не обладали. Деревянные бруски становятся стулом в результате усилий человека, направленных на придание им формы стула, которой они не обладали, пока мастер не трансформировал их.

Важно не забывать, что форма – это *не* очертание. Стулья имеют множество различных очертаний, но при любом из них все они стулья. Именно форма, а не очертание делает все стулья различных очертаний представителями одного вида вещей. Форма была идеей, которая возникла в голове мастера до того, как он начал воплощать ее, трансформируя дерево в стул. Обладая идеей, создатель имеет представление о виде материального объекта, который он хочет сделать. Как идея в голове мастера является пониманием вида будущего объекта, также и форма в материалах, трансформируемых мастером, относит их к определенному виду производимого объекта.

Не важно, идет ли речь о продуктах человеческого искусства или о произведениях природы, все материальные объекты имеют один нематериальный аспект.

Форма – это не материя, а материя не форма. Вещи, состоящие из формы и материи, обладают нематериальным аспектом так же, как материальным.

Мы способны думать о материи без формы, но чистая абсолютно бесформенная материя не может существовать. Формы, которые принимает материя, приводят в действительность ее возможности. В отсутствие хоть какой-нибудь формы материя сама по себе не имеет действительного проявления, а того, что не имеет действительного проявления, не существует.

Будет ли справедливо сказать, что формы, принимаемые материей, не существуют отдельно от материи, которой они придают какой-то вид действительного проявления (например, стула или дерева)? Формы, являющиеся нематериальным аспектом материальных вещей, – это материальные формы, существующие в материи. Но единственная ли это форма существования? Бывают ли формы отдельно от вещей, состоящих из материи и формы?

Аристотель отвечал на этот вопрос утвердительно. Здесь следует вспомнить наш разговор из шестнадцатой главы. Там я отмечал, что, согласно Аристотелю, человеческий разум понимает, к какому виду вещей относится стул или дерево, поскольку имеет о них представление. Это представление состоит из понимания формы объекта, формы без материи.

Это примечание относится к разнице между работой ума мыслителя и ума производителя.

Выступая в качестве производителя, ум обладает производительной идеей, которую он использует для трансформации сырья в стулья. Он применяет свои идеи к этому сырью и придает ему форму стула. В качестве мыслителя ум получает идеи у природных объектов физического мира, беря формы материальных вещей из материи этих сложных объектов – например, деревьев или лошадей. Поступая таким образом, ум приходит к пониманию вида объектов, к которому относятся деревья или лошади.

Также следует вспомнить разницу между знанием и приемом пищи. Когда мы едим, то есть принимаем пищу в нашу пищеварительную систему и перевариваем ее, мы берем как материю, так и форму сложного объекта, который дает нам питательные вещества (например, яблока или картофеля).

С точки зрения Аристотеля, яблоко или картофель снабжают нас питательными веществами, потому что мы трансформируем их в материю, переваривая и усваивая.

Усвоение происходит тогда, когда материя, которая имела форму яблока или картофеля, теряет эту форму и принимает форму человеческой плоти, костей и крови. Именно поэтому мы должны принять в наши собственные тела как материю, так и форму материальных объектов, из которых мы хотим извлечь питательные вещества.

Если бы процесс получения знаний был точно таким же, как питание, мы никогда бы не смогли понять вид объектов, к которым относится яблоко или картофель. Чтобы сделать это, мы должны отнять форму сложных объектов от материи, которую они формируют.

В усвоении съедобных вещей нам необходимо отделить материю от формы и заменить форму, которую имеет материя, формой наших собственных тел.

В понимании познаваемых вещей нужно отделить форму от материи и держать форму отдельно от материи. Только будучи отдельной от материи, форма становится идеей в наших головах, позволяющей нам осознать вид объектов, которыми являются яблоко или картофель.

Почему? Это трудный вопрос. Ответ Аристотеля основывается на отличии между видом объектов, к которым относится картофель или яблоко в общем, и конкретной картофелиной или яблоком как уникальным объектом. Это конкретное яблоко, которое я держу в руках, уникально, потому что форма, которая делает его *яблоком*, объединена с этой единицей материи, которая делает его *этим яблоком*, а не тем, что лежит на столе. Яблоко, лежащее на столе, имеет ту же форму в другой единице материи. Различные единицы материи, входящие в состав двух отдельных яблок, делают их разными объектами. Форма, которой обладает каждый из них, делает их обоим яблоками – тем же видом фруктов.

Когда у нас есть идея, позволяющая нам осознать, к какому виду объектов относится яблоко, мы понимаем яблоки в общем, а не конкретное это или то яблоко.

С точки зрения Аристотеля, мы не можем понять индивидуальность того или иного яблока посредством идей, но делаем это с помощью наших органов чувств. В случае идей мы осознаём только вид в общем, а не каждый конкретный объект.

Вот почему ум в своем понимании видов в целом должен отделять формы материальных объектов от их материи и держать эти формы отдельно как идеи, за счет которых он понимает мир. Именно поэтому Аристотель назвал разум формой форм – местом, где формы материальных объектов существуют отдельно от их материи.

Сейчас мы подошли к ответу на второй вопрос, поставленный в начале главы. Вводит ли человеческий разум элемент нематериальности в мир, который, наоборот, является материальным? Да, говорил Аристотель.

Если бы разум не был нематериальным элементом в составе человека,

он не мог бы дать нам способность понимать материальные объекты, отделяя их форму от материи. И если бы разум не хранил или не удерживал формы материальных объектов отдельно от их материи, у нас бы не было идей, с помощью которых мы осознаём виды объектов в общем: например, что вид объектов, к которому принадлежит картофелина, отличается от вида объектов, к которому принадлежит яблоко.

Чтобы удержать или сохранить форму отдельно от материи, разум сам должен быть нематериальным. Если бы он был материальным, формы хранились бы или удерживались в материи, и тогда они бы больше не смогли быть идеями, с помощью которых мы понимаем виды объектов в общем.

Говоря иначе, чувства и восприятие – это одни из режимов знания.

Когда мы ощущаем и воспринимаем отдельные вещи (это или то яблоко), такое знание включает работу наших органов чувств и мозга, то есть материальных элементов нашей структуры.

Понимание – это другой режим знания. Ощущая и воспринимая, мы узнаём ту или иную конкретную вещь. С помощью понимания мы имеем представление об общем виде объектов, к которому принадлежит эта конкретная вещь. В отличие от ощущения и восприятия, такое знание не включает работу любого материального органа, даже мозга. Понимание – это действие разума – нематериального элемента нашей структуры, который относится к мозгу как к материальному органу, но отличается от него.

Итак, по Аристотелю, формы материальных объектов в физическом мире являются их нематериальными аспектами. Кроме того, материальный мир, к которому принадлежим и мы как его части, включает нематериальный элемент, потому что мы имеем как мозг, так и разум, отличающийся от мозга.

Это ответы Аристотеля на первые два из трех сложных философских вопросов, с которых мы начали. Третий, наиболее трудный из них, – о существовании полностью нематериального существа – мы рассмотрим в следующей главе.

Глава 23

Бог

Аристотель воспринимал вселенную как вечно претерпевающую изменения и задавался вопросом о причинах этой характеристики. Он приписывал все постоянно происходящие на земле изменения движению небесных тел. Но что поддерживает их вечное движение?

Это не должно быть то, что само находится в движении и испытывает изменения, так как в таком случае оно также нуждалось бы в причине его движения. Учитывая бесконечность времени, можно было бы возвращаться от следствия к причине через бесконечную цепочку переходов, так и не добравшись по первопричины – двигателя, пребывающего в движении, но не приводимого в движение чем-то другим.

Перводвигатель – это притягивающий, а не движущий объект, поэтому, не двигаясь сам, он приводит в движение все, что находится в движении. Летучая мышь, ударяясь о мяч и толкая его, является эффективной, или *активной, причиной* движения шара. Конфета в витрине, соблазняящая меня зайти в магазин, чтобы купить ее и съесть, вызывает мои движения другим способом. Не двигаясь сама, она притягивает меня. Это не действующая, а *конечная причина* моего прихода в магазин – причина, почему я движусь в этом направлении.

Чтобы перемещать любые другие объекты, не двигаясь при этом самостоятельно или не будучи сдвинутым другой силой, перводвигатель, как утверждал Аристотель, должен выступать в качестве притягивающей, или конечной, причины. Аристотель не имел в виду гравитационное притяжение, которое оказывает Земля на тела, падающие на ее поверхность, или гравитационное притяжение, которое оказывает Луна на приливы.

По его мнению, притягивающие, или конечные, причины действуют на разумных существ, которые могут реагировать на них и принимать их в качестве мотивов для действия. Говоря, что тяжелое тело, падающее на землю, хочет прийти на ней в состояние покоя, он выражался метафорически, а не буквально. Это движение только похоже на движение человека, которого конфета в витрине побудила зайти в магазин.

Исходя из этого Аристотель наделил небесные тела интеллектом, выполняющим функцию их моторов. Как двигатель автомобиля является его мотором, так же и интеллект – это мотор, поддерживающий движение

звезд. Но в отличие от автомобильного двигателя, который сам должен быть приведен в движение, интеллект небесных тел действует как мотор, заводящийся благодаря притяжению перводвигателя вселенной.

Чтобы быть статичным и вечным двигателем вселенной, постоянно пребывающей в движении, перводвигатель должен быть неизменным.

Но, чтобы быть неизменным, по мнению Аристотеля, он также должен быть нематериальным. Потому что все материальное имеет свою потенцию: оно подвержено изменению или движению. Материальное также несовершенно, ибо в любой момент времени оно не может являться всем, чем может быть.

В предыдущих главах мы видели, что чистая, или абсолютная, потенция не существует. Нет ничего, что является действительным в одних отношениях и потенциальным в других.

Обратное, однако, неверно.

Чистая действительность (форма без материи) может существовать, хотя чистая потенция (материя без формы) – нет.

С помощью такой аргументации Аристотель пришел к выводу, что перводвигателем является *чистая действительность* – существо, полностью лишённое материи или потенции.

Кроме того, оно – совершенное существо, то есть существо, у которого нет недостатка в совершенстве, служащее для притяжения. Аристотель назвал его Богом.

Бог, по его мнению, не единственное нематериальное существо вселенной. Разумы, поддерживающие постоянное движение звезд, хотя и притягиваются совершенством Бога, также нематериальны. Однако Аристотель не рассматривал их как совершенные, или чистые действительности. Ей является только Бог.

Трудно, если вообще возможно, объяснить потенцию, которая должна быть присуща космическому разуму, если он не является чистой действительностью. Нечто, одновременно нематериальное и обладающее потенцией, не вписывается в схему вещей Аристотеля.

Для нас, живущих в современном мире, мнение Аристотеля о том, что поддерживает вечное движение вселенной, звучит сказочно. Тем не менее

интересно следить за рассуждениями, которые привели его к подтверждению существования нематериального и совершенного существа – Бога. Это рассуждение послужило моделью для более поздних мыслителей в их попытках доказать существование Бога – не в аристотелевском смысле, а в качестве Бога бытия, создавшего мир из ничего.

Понятие Бога как перводвигателя и понятие Бога как создателя похожи в трех отношениях: им присущи нематериальность, неизменность и совершенство божественного существа. Но Бог-перводвигатель Аристотеля служит только для бесконечности вселенной и ее вечного движения. Необходимость объяснить это привела Аристотеля к развитию его теории движения небесных тел и к понятию о перводвигателе как об окончательной причине их движений.

Аристотель не считал нужным объяснять существование вселенной. Будучи вечной, она никогда не возникала, так что, по его мнению, не требовалось действительной причины для ее создания, которая бы работала, как мастер, создающий произведение искусства. Мы обычно говорим о делающем что-то человеке как о создателе. Но у человека-создателя всегда имеются природные материалы, с которыми он работает. Он не производит что-то из ничего. Таким образом, он не является таким же создателем, как Бог.

Понятие Бога как Создателя возникло из необходимости объяснить существование вселенной, так же как понятие Бога как перводвигателя зародилось в голове Аристотеля из-за потребности выявить причины вечности вселенной и ее вечного движения. Трудно определить, сложилось бы понимание Бога как Создателя в сознании последующих мыслителей Запада, если бы не первое предложение из Книги Бытия: «В начале сотворил Бог небо и землю». Три основные религии Запада – христианство, ислам и иудаизм – считают это богооткровенной истиной.

Было бы уместным спросить, принял бы Аристотель или отверг то, что утверждается в этом предложении. Поскольку он думал, что вселенная вечна, разве он не стал бы отрицать, что вселенная имеет начало? И тем самым не отрицал бы он также представление о Боге как о том, кто создал ее?

Если создать означает стать причиной возникновения чего-то, чего раньше не существовало, тогда мир без начала не нуждается в создателе. Но такой мир может нуждаться в причине для своего продолжающегося существования, если оно не является необходимым. Когда в существовании мира нет необходимости, он прекращает его. Что же тогда поддерживает

вечное существование мира, который может исчезнуть?

Сам Аристотель не задавался этим вопросом и не сталкивался с ним. Если бы ему пришлось, он бы, скорее всего, сделал вывод, что причина была нужна для поддержания бесконечного существования вселенной. Это предположение можно сделать на основе того, что Аристотель считал необходимым наличие причины для поддержания бесконечного движения вселенной. При небольшом изменении значения слова «создатель» достигнутое таким образом заключение могло бы привести к понятию Бога как Создателя, а не только как перводвигателя.

В одном смысле этого слова создавать – значит стать причиной возникновения чего-то, чего раньше не существовало. В другом, более тонком значении создавать – значит стать причиной возникновения чего-то, что могло существовать или не существовать раньше. Именно во втором смысле Аристотель имел бы возможность рассматривать Бога как в качестве перводвигателя, так и в качестве Создателя.

Теории Аристотеля, описанные в этой главе, и теории, которые, по моему мнению, он мог бы развить в рамках своей философии, не являются здравым смыслом или его уточнениями, хотя и частично основаны на них. В этом отношении они отличаются от философских взглядов, рассмотренных нами в предыдущих главах. Теории данной главы можно рассматривать как теологические взгляды Аристотеля, а не как философские. Они относятся к обыкновенным религиозным убеждениям, преобладающим в западной цивилизации на протяжении более двух тысяч лет. Именно по этой причине я включил аристотелевское понятие о Боге в настоящую книгу.

Эпилог

Для тех, кто читал или хочет читать Аристотеля

В введении я рекомендовал любому, кто хотел бы научиться думать философски, принять Аристотеля как первого учителя. Но я не говорил, что для этого вы должны начать с чтения аристотелевских работ. Это последнее, что бы я посоветовал.

Труды Аристотеля слишком сложны для начинающих. Даже в лучших переводах многое остается неясным. Переводчики используют множество незнакомых терминов, которые не употребляются нами в повседневной речи. Аристотель вкладывал особый смысл даже в некоторые обычные греческие слова.

Тем не менее некоторые из вас захотят прочитать те части работ Аристотеля, из которых я черпал вдохновение для объяснения его идей. Возможно даже, что среди вас обнаружатся и те, кто читал Аристотеля раньше – если не все трактаты, то хотя бы основные. И у них возникнет желание проверить мои объяснения, сравнив их с аристотелевскими текстами.

Я должен признаться, что упростил все, что было возможно. Я подставлял привычные слова вместо необычных. Я придерживался основного направления мысли Аристотеля о важнейших положениях его учения и ни разу не позволил себе свернуть с главного пути, основанного на усложнениях и нюансах Аристотеля, которые часто вызывали недоумение, а не озарение у его читателей.

Чтобы дать желающим ознакомиться с трудами Аристотеля руководство к его текстам, которые служили мне источниками для написания книги, я составил второе содержание, параллельное содержанию в начале. В нем я изменил все названия глав на оригинальные, аристотелевские, более точно описывающие его учения.

Чтобы вам было понятнее, в скобках приведены названия глав этой книги. Иногда под ними будут размещены краткие описания изложенных доктрин. В каждом случае также добавлен список ссылок на соответствующие части трудов Аристотеля, а в некоторых указывается особая важность определенной цитируемой части.

Часть I. Универсум рассуждений Аристотеля: его категории и классификация (Человек – философское животное)

Глава 1. Четырехкратная классификация Аристотеля разумных, материальных субстанций: неорганические объекты, растения, животные, люди (Философские игры)

В этой главе рассматриваются критерии, с помощью которых Аристотель проводил различие между живыми и неживыми объектами; в области живых существ – между растениями и животными; в области животного мира – между неразумными животными и рациональными животными, то есть людьми.

Метафизика, книга I, глава 1.

О душе, книга I, главы 1, 5; книга II, главы 1–3, 5, 9; книга III, главы 3, 12.

История животных, книга X, глава 1.

О возникновении животных, книга I, главы 1–9; книга IV, главы 4–6.

О частях животных, книга I, главы 4–5.

Здесь также отмечается, что Аристотель осознавал сложности в применении классификации, возникающие из-за существования пограничных случаев, когда объекты располагаются вдоль грани, разделяющей живое и неживое, растения и животных.

История животных, книга VIII, глава 1.

Вводятся понятия существенных и случайных различий.

Категории, глава 5.

Метафизика, книга V, главы 4, 11; книга IX, глава 8.

Глава 2. Многообразие существ: десять категорий (Классификация физических объектов)

В этой главе рассматриваются объекты, не существующие в том виде, в котором существуют разумные материальные субстанции (например, математические объекты, вымыслы, мнения, идеи и нематериальные субстанции, такие как бестелесные разумы, являющиеся небесными

двигателями, и Бог).

Метафизика, книга III, главы 5, 6; книга XII, глава 8; книга XIII, главы 1–5.

О небе, книга II, главы 1, 12.

О душе, книга III, главы 4–6.

Различие между субстанцией и признаком, то есть между телами и их свойствами.

Категории, главы 5–7.

Физика, книга I, глава 2.

Метафизика, книга VII, главы 4–6.

Вышеизложенное различие связано с тем, что материальные субстанции являются предметами изменения, а их признаки – аспектами, по которым они меняются.

Физика, книга I, главы 6, 7; книга II, глава 3.

Сущность по отношению к субстанциональной форме.

Метафизика, книга V, главы 4, 11; книга VII, глава 16; книга VIII, глава 6; книга IX, глава 8.

О душе, книга II, глава 4.

Иерархия сущностей.

Метафизика, книга VIII, глава 3.

О душе, книга II, глава 3.

Описание различных категорий, по которым распределяются случайные признаки субстанций.

Категории, глава 4.

Некоторые признаки субстанций являются постоянными, то есть свойствами, неотделимыми от сущности каждого вида материальной субстанции.

Топика, книга V, главы 1–3.

Мнение Аристотеля по отношению к неоднозначности слов.

Об истолковании, глава 1.

Топика, книга II, глава 4.

Глава 3. Продуктивное, практическое и теоретическое мышление, или разум (Три измерения человека)

В этой главе приводится краткое описание аристотелевского деления интеллектуальной деятельности, или мышления, на три части: с целью создания вещей, с целью моральных и политических действий и с целью

получения знаний как самоцели.

Этика, книга VI, главы 2, 4.

О душе, книга III, глава 7.

Часть II. Аристотелевская философия природы и искусства (Человек-создатель)

Глава 4. Природа как художник и человек-художник как имитатор природы (Робинзон Крузо Аристотеля)

Разница между естественными и искусственными событиями.

Физика, книга I, главы 7–8; книга II, главы 1–3, 8, 9.

Поэтика, главы 1–4.

Разница между искусственными и случайными событиями.

Физика, книга II, главы 4–6.

Политика, книга I, глава 11.

Разница между изменениями, вызванными природой, и изменениями, вызванными искусством.

Метафизика, книга VII, главы 7–9.

Разница между производством материальных вещей человеком и воспроизводством или продолжением рода живых существ в природе.

О возникновении животных.

Метафизика, книга VII, глава 7.

Глава 5. Три основных вида случайного изменения: места, качества и количества (Изменение и постоянство)

Различие между существенным изменением и случайным изменением и дифференциация трех различных видов случайного изменения.

Категории, глава 14.

Физика, книга III, глава 1; книга V, главы 1, 2, 5; книга VII, глава 4; книга VIII, глава 7.

Материальные субстанции как постоянные или устойчивые предметы, неизменные на протяжении всех случайных изменений.

Физика, книга I, главы 6, 7; книга II, главы 1–3.

Метафизика, книги VII–IX; книга XII, главы 1–5.

Аристотелевское опровержение отрицания изменения Парменида и отрицания постоянства Гераклита.

Физика, книга I, главы 2–4, 8, 9; книга VI, глава 9.

Различие естественного и насильственного движения.

Физика, книга IV, главы 1, 8; книга V, глава 6; книга VIII, глава 4.

О небе, книга I, главы 2, 3, 7, 8.

Особый характер субъекта изменения в возникновении и уничтожении: материя, еще не приобретающая форму, как предмет изменения в существенном изменении.

Физика, книга I, глава 7; книга II, главы 1–3.

Метафизика, книга VII, главы 7–9; книга XI, глава 11; книга XII, главы 2, 3.

Глава 6. Учение Аристотеля о четырех причинах: действующая, материальная, формальная и конечная (Четыре причины)

Физика, книга II, главы 3–9.

Метафизика, книга I, главы 5–10; книга V, глава 3; книга VI, главы 2, 3; книга VII, глава 17; книга VIII, главы 2–4; книга IX, глава 8; книга XII, главы 4, 5.

Размышление о конечных причинах в природе и искусстве.

Физика, книга II, главы 8, 9.

О душе, книга II, главы 12, 13.

О частях животных, книги II–IV.

О возникновении животных, книга I, главы 4–13.

Роль возможности и действительности как в существенных, так и в случайных изменениях.

Физика, книга III, главы 1–3.

Метафизика, книга I, главы 6, 7; книга VII, главы 3, 7–17; книга VIII, главы 4–6; книга XII, главы 2–5.

Роль субстанции как материальной причины и случайной формы как формальной причины в случайном изменении; роль материи, еще не приобретшей форму, как материальной причины и существенной формы, как формальной причины, в существенном изменении.

Физика, книга I, главы 4–9; книга II, глава 7; книга II, глава 3.

Метафизика, книга I, главы 6, 7; книга V, глава 8; книга VII, главы 3, 7–17; книга VIII, главы 4–6; книга IX, главы 6–9; книга XII, главы 2–5.

Глава 7. Дальнейшее развитие теории возможности и действительности, материи и формы, особенно по отношению к существенным изменениям, или возникновению и

уничтожению (Быть или не быть)

Физика, книга III, главы 1–3.

Метафизика, книга VII, главы 6–9; книга IX, главы 1, 3–9; книга XI, главы 9, 11; книга XII, главы 2, 3, 5.

О возникновении и уничтожении, книга I, главы 1, 3–5; книга II, главы 1, 7, 9.

Глава 8. Аристотелевский анализ интеллектуальных факторов в творческом производстве и классификация искусств (Продуктивные идеи и умения)

Интеллектуальная добродетель искусства.

Этика, книга VI, глава 4.

Художник как подражатель.

Поэтика, главы 1–5.

Особенный характер трех сотрудничающих искусств: фермерства, врачевания и преподавания.

Физика, книга II, главы 1, 2, 8.

Красота хорошо сделанных продуктов.

Поэтика, глава 7.

Часть III. Моральная и политическая философия Аристотеля (Человек-деятель)

Глава 9. Цель как первый принцип практического мышления и использование средств как начало действий: цель как первое в порядке намерения и последнее в порядке исполнения (Размышление о целях и средствах)

Хорошее как желаемое и желаемое как хорошее.

Этика, книга I, главы 1, 2.

Различие между целями и средствами как благ, желаемых ради них самих, и благ, желаемых ради чего-то еще.

Этика, книга I, главы 5, 7, 9.

Конечная цель практического мышления по сравнению с самоочевидными истинами теоретического мышления.

Вторая аналитика, книга I, глава 2.

Глава 10. Счастье как то, что не оставляет желать ничего лучшего, и, таким образом, как последняя цель, к которой следует стремиться (Жизнь и хорошая жизнь)

Разница между жизнью и хорошей жизнью.

Политика, книга I, главы 1, 2, 9.

Концепция счастья как хорошей жизни в целом и вместе с различными мнениями людей на этот счет.

Этика, книга I, главы 4, 5, 7–10; книга X, главы 2, 6–8.

Глава 11. Аристотелевское разделение действительных и кажущихся благ, или блага, которые следует желать, и блага, желаемые на самом деле; различие естественных и приобретенных желаний (Хорошее, лучшее, наилучшее)

Этика, книга II, глава 6; книга III, главы 4, 5; книга X, глава 5.

О душе, книга II, главы 2, 3; книга III, главы 3, 7.

Риторика, книга I, главы 6, 7.

Глава 12. Действительные блага, являющиеся составными частями совокупных благ, которые составляют счастье; моральная добродетель как необходимое качество для стремления к счастью (Как стремиться к счастью)

Этика, книга I, главы 4, 5, 7–10; книга VII, главы 11–14; книга IX, главы 4, 8–11; книга X, главы 1–8.

Глава 13. Моральная добродетель и удача как два неотъемлемых действующих фактора в стремлении к счастью (Хорошие привычки и удача)

Моральная добродетель в целом и три ее основных аспекта: умеренность, мужество и справедливость.

Этика, книги II–V.

Удача как необходимое условие для счастья: различие между добродетельным и удачливым человеком.

Этика, книга I, глава 10; книга VII, глава 13; книга X, глава 8.

Политика, книга VII, главы 1, 13.

Различие между ограниченными и неограниченными благами: моральная добродетель как результат умеренности по отношению к ограниченным благам.

Этика, книга VII, глава 14.

Политика, книга I, главы 8–10; книга VII, глава 1.

Глава 14. Обязанности человека по отношению к счастью других и по отношению к благосостоянию организованного сообщества (Что другие имеют право ожидать от нас)

Человек как общественное и политическое животное.

Политика, книга I, главы 1, 2.

Семья, племя и государство, или политическое общество, как организованные сообщества.

Политика, книга I, главы 1, 2.

Справедливость как моральная добродетель, направленная на благо других.

Этика, книга V, главы 1, 2.

Правосудие и дружба.

Этика, книга VIII, главы 1, 9.

Виды дружб.

Этика, книга VIII, главы 2–6.

Глава 15. Роль государства в помощи людям в их стремлении к счастью (Что мы имеем право ожидать от других и от государства)

Хорошее государство, способствующее к стремлению к счастью своих граждан.

Политика, книга I, глава 2; книга II, глава 6; книга III, главы 9, 10; книга VII, главы 1–3, 13, 14.

Теория о формах правления и о критериях для суждения об их благодати или негодности.

Политика, книга I, главы 1, 5, 12, 13; книга III, главы 6, 7, 11, 15, 16; книга V, главы 2, 3, 8, 12; книга VI, глава 4; книга VII, главы 2, 14.

О рабстве.

Политика, книга I, главы 4–7, 13.

Отличия естественной справедливости от юридической.

Этика, книга V, глава 7.

О роли женщины в семье и государстве.

Политика, книга I, глава 13.

Часть IV. Психология, логика и теория познания Аристотеля (Человек-мыслитель)

Глава 16. Чувства и интеллект: восприятие, память, воображение и понятийное мышление (Что приходит на ум и что из него выходит)

Язык по отношению к мысли.

Категории, глава 1.

Об истолковании, главы 1, 2.

О внешних чувствах и их отличии от внутренних чувств: здравый смысл, память и воображение.

О душе, книга II, главы 5–12; книга III, главы 1–3.

О чувственном восприятии.

История животных, книга IV, глава 8.

Различие между простыми ощущениями и опытом восприятия.

Метафизика, книга I, глава 1.

Учение о том, что ощущения и идеи, взятые сами по себе, или в изоляции, не являются ни истинными, ни ложными.

Категории, глава 4.

Об истолковании, глава 1.

О душе, книга II, глава 6; книга III, главы 3, 6.

Метафизика, книга IV, глава 5; книга V, глава 29.

Теория о представлениях как о формах, которые интеллект извлекает из опыта.

О душе, книга III, главы 4, 7, 8.

Метафизика, книга XIII, главы 2, 3.

Глава 17. Непосредственный вывод и силлогистические размышления (Немного о логике)

Закон противоречия как онтологический принцип и как правило размышлений.

Об истолковании, глава 6.

Первая аналитика, книга II, глава 17.

Вторая аналитика, книга I, глава 11.

Метафизика, книга IV, главы 3–8; книга IX, главы 5, 6.
Квадрат логических противопоставлений: противоречия, противоположности и субконтрарности.
Об истолковании, главы 6, 10.
Категории, глава 10.
Первая аналитика, книга I, глава 2.
Непосредственный вывод на основании квадрата логических противопоставлений.
Об истолковании, главы 7–10.
Первая аналитика, книга I, главы 2, 3; книга II, главы 8–10, 22.
Правила силлогизма.
Первая аналитика, книга I.
Вторая аналитика, книга I, глава 12.
Различие между логической обоснованностью и фактической истиной.
Первая аналитика, книга II, главы 2–4.
Вторая аналитика, книга I, глава 12.
Энтимема в риторической аргументации.
Первая аналитика, книга II, глава 27.
Риторика, книга II, главы 20, 22.

Глава 18. Теоретическая и практическая истина (Говоря и думая правду)

Определение истины.
Метафизика, книга IV, глава 7.
Категории, глава 5.
Истинность аксиом или первые принципы: самоочевидные истины.
Вторая аналитика, книга I, главы 3, 5, 10, 12.
Утверждения, не являющиеся ни истинными, ни ложными.
Об истолковании, глава 2.
Разница между истиной действительных и нормативных утверждений: «есть» и «должен».
Этика, книга VI, глава 2.
Уверенность или вероятность, с которыми утверждаются либо отрицаются предположения.
Об истолковании, глава 9.
Первая аналитика, книга I, глава 13; книга II, глава 25.
Вторая аналитика, книга I, главы 2, 6, 8, 30, 33.

7. *Метафизика*, книга IV, главы 4–6; книга VI, глава 1; книга IX, главы 6,

Глава 19. Теория познания и различие между знанием и правильным мнением (Вне разумных сомнений)

Категории, глава 5.

Первая аналитика, книга I, глава 13.

Вторая аналитика, книга I, главы 2, 4–8, 30, 33.

Топика, книга I, глава 2.

Риторика, книга II, глава 25.

Метафизика, книга IV, глава 4; книга VI, глава 2; книга VII, глава 15; книга IX, глава 10; книга XI, главы 6, 8.

О душе, книга III, глава 3.

Часть V. Космология и теология Аристотеля (Сложные философские вопросы)

Глава 20. Действительная и потенциальная бесконечность (Бесконечность)

Критика теории атомистов.

Физика, книга I, глава 2.

О небе, книга III, глава 4; книга IV, глава 2.

Учение Аристотеля о бесконечной делимости непрерывных величин и материи.

Физика, книга III, главы 1, 6, 7; книга V, глава 3; книга VI, главы 1, 2.

Метафизика, книга III, глава 4; книга V, глава 13.

Отрицание Аристотелем фактически бесконечных множеств; утверждение потенциально бесконечного добавления или деления.

Физика, книга III, главы 4–8.

Метафизика, книга XI, глава 10.

Глава 21. Вечность мира и вечность движения или изменения (Вечность)

Восприятие времени как меры движения.

Физика, книга IV, главы 10–14.

Аргументация Аристотеля о бесконечности времени и о непрерывности движения или изменения.

Физика, книга VII, главы 1, 2; книга VIII, главы 1–6, 8.

Теория Аристотеля о влиянии движения небесных тел на движения и изменения на земле.

О небе, книга I, главы 2, 9–12; книга II, глава 3.

О возникновении и уничтожении, книга II, главы 10, 11.

Концепция Аристотеля о неизменности, или вечности, Бога: о неподвластности времени вечного или неизменного.

Метафизика, книга XII, главы 6, 7, 9.

Глава 22. Нематериальность человеческого интеллекта:

понятийное мышление как отделение формы от материи (Нематериальность разума)

Вторая аналитика, книга I, Глава 3.

О душе, книга III, главы 4, 5, 7, 8.

Метафизика, книга XIII, главы 2, 3.

Глава 23 Перводвигатель: божественные существа как чистая действительность (Бог)

О разумных существах как о небесных двигателях.

О небе, книга II, главы 1, 12.

Метафизика, книга XII, глава 8.

Аргументы Аристотеля в отношении существования перводвигателя, который вызывает движение небесных тел, в виде конечной, а не действующей причины.

Физика, книга VIII, главы 1–6.

Метафизика, книга XII, главы 6–9.

notes

СНОСКИ

1

Здравый смысл (от англ. *common sense*) – общее чувство. В аристотелевской интерпретации «общее чувство» значит нечто, свойственное всем людям, разделяемое всеми, нечто обычное, простое, а также здоровое в противоположность безумному. *Прим. пер.*

Эти слова в английском языке – *man, men, mankind* – имеют корень *man* – дословно «мужчина». *Прим. пер.*

«Животное, растение, минерал» (Animal, Vegetable, Mineral) – аналог игры «Живое – неживое», в которой ведущий загадывает какой-то предмет, а участники пытаются отгадать его, задавая вопросы. В начале игры отвечающий говорит, к какому классу относится загаданный объект: к животному, если он живой, к растению, если он растет из земли, или к минералу. Суть игры «Двадцать вопросов» заключается в том же, но ведущий может отвечать на вопросы только «да» или «нет». *Прим. пер.*

Подобными словами автор пытается объяснить, что Аристотель считал формой вещи. *Форма* – это не качество, не количество, не отношение, а то, что составляет суть вещи, без чего ее нет, то есть форма – это суть бытия вещи. *Прим. пер.*

Энтелехия – внутренняя сила, потенциально заключающая в себе цель и результат. *Прим. ред.*

В английском языке слово art обозначает и искусство, и умение и мастерство. *Прим. ред.*

В контексте данной книги слово «художник» относится к человеку творческой профессии или к человеку, занимающемуся ручным трудом, то есть к тому, кто обладает знаниями и умениями для производства каких-либо вещей. *Прим. пер.*

В английском языке – *civil*. Прим. пер.

Простые числа делятся только на самих себя и единицу. *Прим. пер.*

От лат. *antecedens* – предшествующее. *Прим. ред.*

От лат. *consequens* – следствие, вывод, результат. *Прим. ред.*

Речь идет о Джосае Ройсе. *Прим. ред.*